

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Götz ALY

UNSER KAMPF

1968 — EIN IRRITIERTER BLICK ZURÜCK

Fischer Taschenbuch Verlag

Гётц АЛИ

НАША БОРЬБА

1968 год: оглядываясь с недоумением

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 94(430.131.1)"1968"

ББК 63.3(4Гем)63

А50

Friedrich Naumann
STIFTUNG

FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Перевод с немецкого
Нины Ставрогиной и Марины Голубовской
под редакцией Марка Гринберга

Али, Гётц

А50 **Наша борьба : 1968 год: оглядываясь с недоумением /**
Г. Али ; пер. с нем. Н. Ставрогиной и М. Голубовской под ред.
М. Гринберга. — Москва : Мысль, 2018. — 271 с.
ISBN 978-5-244-01195-1

Поколение-68 боролось с государством и с капиталом, называя их «господствующей системой». В 1968 г. игра в «казачков-разбойников» развернулась в условиях благополучия, которое было принесено в Германию экономическим чудом. Власть реагировала на нападки несколько растерянно, но намного разумней, чем утверждает легенда. В исследовании Гётца Али, со временем решительно изменившего свою точку зрения на события 1968 года, они показаны иначе, нежели в сочинениях ветеранов молодежного движения. Али использует документы ведомства федерального канцлера, министерства внутренних дел, службы по защите конституции, а также наследие вернувшихся в Германию из эмиграции профессоров — Рихарда Левенталья и Эрнста Френкеля. Он подкрепляет эти материалы тем, что говорили о внезапно вспыхнувших молодежных беспорядках современники: Петер Вапневски, Йозеф Рагцингер, Иоахим Фест.

Опираясь на источники, он анализирует движение 1968 года как поздний, специфически немецкий отголосок тоталитарного XX века и приходит к заключению: взбунтовавшиеся дети «поколения-33» весьма печальным образом напоминали своих родителей.

УДК 94(430.131.1)"1968"

ББК 63.3(4Гем)63

ISBN 978-5-244-01195-1

© Мысль, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ К КАРМАННОМУ ИЗДАНИЮ	12
Поколение, бежавшее от прошлого	19
ВСЕГДА НА ПРАВИЛЬНОЙ СТОРОНЕ	27
Упоение революцией, уверенность в себе	27
Живи вольготно, живи свободно.	
Террор? Охотно!	31
Как согреться на чужом пепелище	35
Хозяева собственной истории	40
Верить документам, а не ветеранам	43
РАСТЕРЯННОСТЬ И СЛАБОСТЬ ГОСУДАРСТВА	47
Гибель Бенно Онезорга	47
МВД ищет зачинщиков	50
Канцлер: обеспокоенный, но рассудительный	53
СИЛА В РАДОСТИ, НАСЛАЖДЕНИЕ В ДЕЙСТВИИ	59
Марксизм с уклоном в психодраму	59
Против «безысходного неистовства» нашего времени	64
Оргазм протеста и общий котел коммуны	67
Революционные сознательные группы в действии	73
ВЫХОД ИЗ БЕДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ	81
Партизаны, учителя-палочники, блюстители нравов	81
Коричневое видение в Нойкельне	87
Между «кацетле», застоем и модернизацией	91
О ЧЕМ ДУМАЛИ СТУДЕНТЫ	100
Традиционное мышление, революционный порыв	100
Демократическое студенчество, реакционное большинство	105
ЗАХВАТ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ	109
Революционный психоделический трип	109
Пропаганда посредством выстрелов	113
Городской совет как альтернативный парламент	117

ЦАРИ ОБЕЗЬЯН С ЗОЛОТЫМИ ЖЕЗЛАМИ	124
Почитание массового убийцы	124
Что могло быть известно о преступлениях Мао?	130
Либеральные заигрывания с левыми радикалами	135
ОТКРОВЕННО АНТИКОНСТИТУЦИОННАЯ	140
Цель оправдывает средства	140
Вторая внутренняя эмиграция Эрнста Френкеля	149
Студенческая борьба в Берлине	153
БЕСПАМЯТСТВО ПО-НЕМЕЦКИ: США-СА-СС	162
Разочарование в любви	162
Бегство от нацистского прошлого	165
1968-й: год процессов над нацистскими палачами	169
СТРАХ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ И «ПОМЕШАТЕЛЬСТВО НА ЕВРЕЯХ»	176
«Левый» антисемитизм как защита от чувства вины	176
Всё для палестинской революции	180
ПОКОЛЕНИЕ-33 И ПОКОЛЕНИЕ-68	185
Мы ненавидим обывателя	185
От индивидуализма к коллективизму	187
Против капиталистической монополии на образование	191
Резиновая дубинка против «освободительного движения»	195
КОГДА ПОРАЖЕНИЕ ЛУЧШЕ ПОБЕДЫ	200
Буйство и одержимость немцев	200
Не умеющие плавать восстают против воды	204
Эмоционально обездоленные	209
Публичное обсуждение и домашнее замалчивание	217
Бегство из отечества	219
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	226
ЛИТЕРАТУРА	228
КОММЕНТАРИИ	237
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	265
ОБ АВОРЕ	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем дольше я занимаюсь Россией, тем более склоняюсь к мысли, что связи, соединяющие Россию и Германию, намного важнее всего, что эти страны разделяет. Для великих немецкоязычных писателей — скажем, Райнера Мариа Рильке или Стефана Цвейга — Россия была точкой отсчета и источником вдохновения; такую же роль для великих русских писателей — от Ивана Тургенева до Федора Достоевского — играла Германия. Жителям обеих стран не раз приходилось страдать от переплетения в обществе черт варварской архаики и просвещенного модерна. Очевидный интерес немецких романтиков к глубинам психики перекликается с представлениями о великой русской душе. Многие научные и культурные достижения человечества стали возможны благодаря взаимообмену между нашими странами. С другой стороны, и немецкое, и российское государство часто внушали общим соседям страх и ужас своим стремлением к внешней экспансии.

Прискорбным образом связывает нас самая жестокая война XX века, которую в 1941 году принесла в Россию нацистская диктатура. Никогда еще история не знала такого количества жертв — как солдат, убитых в бою, так и гражданских лиц, уничтоженных на территории Польши и республик бывшего Советского Союза. Начиная с моего первого посещения СССР в 1966 году, когда я возглавлял делегацию молодых демократов, входивших в молодежную организацию СвДП, я все время — и тогда, и в наши дни — удивлялся тому, что не слышу в России высказываний, свидетельствующих о неприязни к немцам. В последние годы вместе с представителями Фонда Фридриха Наумана я посетил многие регионы России — от северо-запада страны (Санкт-Петербург) до Сибири (Иркутск), от Урала (Екатеринбург) до Москвы, — и не раз обсуждал с местными жителями процесс утверждения гражданских прав и прав человека.

В ходе этих бесед мне стало ясно, что лучше всего мы можем научиться чему-то друг у друга, когда отказываемся смотреть на собеседников сквозь привычные очки и делаем предметом обсуждения собственный опыт, почерпнутый из знакомой нам реальности. Русский перевод моей вышедшей третьим изданием книги «Спаси права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки», посвященной утверждению гражданских

прав и прав человека в Германии, служил во время встреч с жителями России отправным пунктом для захватывающих дискуссий. Поэтому я, как и Фонд Фридриха Наумана, рад появлению книги, которая описывает и интерпретирует опыт событий 1968 года в Германии, — она также должна содействовать германо-российскому диалогу.

Разумеется, с точки зрения России 1968 год ознаменован прежде всего подавлением демократического протеста в Праге: эти события для нее более важны, чем происходившее в то время в Берлине. Надо, однако, помнить, что в сегодняшней России есть такая же нетерпеливая молодежь, стремящаяся как можно скорей положить конец коррупции и авторитарным тенденциям в собственном государстве. Может быть, критический взгляд на немецкое студенческое движение 1968 года поможет ей понять, какие идеи способствуют построению открытого общества, и отделить эти идеи от тех, что могут воспроизвести на новом уровне авторитарный дух ее предполагаемых противников?

Диалог, как демократия, существует прежде всего благодаря открытой дискуссии. Лишь в том случае, когда люди постоянно отстаивают гражданские права и права человека, когда им удастся спорить и обсуждать проблемы в публичном пространстве, можно избежать конфликтов, неизбежно возникающих в любом обществе. Мы в Германии считаем 1968 год моментом кристаллизации общественно-политических конфликтов и дискуссии о выборе направления, которая в основном определила развитие демократии в нашей стране в последующие десятилетия. Сегодня мы все едины во мнении, что в период после 1968 года Германия стала более либеральной и демократичной страной. Однако до сих пор у нас идут споры о том, какую роль в этом играли тогдашние наиболее яркие революционеры.

Писатель и журналист Гётц Али внес в эти дебаты важный вклад. Он и раньше, публикуя сочинения, посвященные ужасам национал-социализма, и регулярные колонки в *Tageszeitung*, ставил перед немцами зеркало, в котором с беспощадной отчетливостью демонстрировал их подлинный облик. Хотя в последнее время у нас укрепили свое положение немногочисленные общественные группы, испытывающие под влиянием государственных националистических идей симпатии к нацистскому периоду, чрезвычайно позитивным является то обстоятельство, что в сегодняшней Германии подведена черта под нацистским варварством и дана критическая оценка ответственности, которую несет за случившееся каждый элемент социума,

каждая профессиональная группа, каждое предприятие и каждое общественное объединение. В 1950–60-х годах дело обстояло далеко не так. В моей собственной партии (СвДП) мы очень долго боролись со старыми нацистскими структурами, которые пытались продлить свое существование. Негодование молодежи в те годы отчасти было направлено против молчания военного поколения, которое, хотя и принимало участие в строительстве новой жизни и новой страны, не хотело прояснить собственную роль в становлении тоталитарного государства.

Гётц Али был одним из этих «юных дикарей», желавших пролить свет на непроработанное прошлое и, обнажая загнанный внутрь конфликт, попытаться изменить положение дел. В книге «Наша борьба. 1968 год: Оглядываясь с недоумением» он подвергает самокритичному анализу собственный тогдашний опыт, безжалостно выявляя в нем черты тоталитарного мышления и поведения. Али пытается показать, что в деятельности студентов 1968 года можно проследить преемственную линию, имеющую антидемократические и тоталитарные истоки. Несмотря на их восстание против консерватизма и замалчиваемого национал-социализма поколения родителей, он усматривает в этих молодых людях более тесную связь с их противниками, чем согласились бы признать они сами. С точки зрения Али, либерализация общественной жизни в Германии была в первую очередь следствием взвешенной политики старшего поколения, а не революционных притязаний молодежи.

Он одобрительно отзываясь, в частности, о Ральфе Дарендорфе: этот ученый, вызывающий у меня восхищение, в 1968 году во Фрайбурге дискутировал на крыше автобуса, стоявшего в паркинге перед зданием, где проходил федеральный съезд СвДП, с предводителем студенческого движения Руди Дучке. Беседа Дарендорфа и Дучке, либерального профессора социологии и марксистского активиста, отчасти иллюстрирует тезис, выдвинутый Гётцем Али. С одной стороны – продуманная аргументация реформатора, с другой – эмоциональные требования революционных перемен, высказанные более молодым участником дискуссии. Впрочем, в этом образе нельзя разглядеть предысторию тогдашней ситуации. Желая прояснить для старших членов партии, чем именно взбудоражена молодежь во многих германских университетах, я, возглавлявший в то время молодежную организацию СвДП, пригласил Руди Дучке на съезд. Мы считали нужным устроить очную ставку либералов с этим авторитетным представителем части молодого поколения, хотя

Дучке в сущности был далек от либеральных позиций. В несогласии с вьетнамской войной мы были с ним едины. Однако тогдашний либеральный истеблишмент еще не был готов к таким дебатам. Дарендорф, который настойчиво искал возможность завязать диалог и тем самым проявлял подлинную либеральность, был явным исключением. Ему, как и мне, основные требования молодежи, ее призыв к реформам и проработке прошлого, казались вполне оправданными — ведь мы тоже принадлежали к этому молодому поколению.

Сам я и сегодня оцениваю движение 1968 года более положительно, чем Гётц Али. Эту оценку я разделяю с Ральфом Дарендорфом, который в книге «Соблазны несвободы» писал: «В зеркале обратного вида 1968 год предстает модернизационным рывком — к равноправию женщин и обществу знания, к гражданским инициативам и осознанию экологических проблем, к толерантности в отношении других и заинтересованном отношении к тому, что происходит вдали от страны. Вместе с тем он стал моментом утверждения релятивизма и в этом своем качестве явил в просвещенном мире открытого общества оборотный, фундаменталистский лик Януса».

Мы, члены партий социально-либеральной коалиции, хотели сломать закоренелые структуры аденауэровской эпохи, сделать ответственность за нацистские преступления предметом гласности и модернизировать общество. Следуя традициям либерализма, мы хотели претворить нашу конституцию, опирающуюся на представления о человеческом достоинстве, в действительность, которая воплощала бы конституционные нормы. Мы ощущали ветер общественных перемен, и наши партии, подгоняемые им, приняли тогда решение о реформах, которые по сей день определяют облик Германии. Ключевым лозунгом первого заявления правительства Брандта—Шееля был: «Больше демократии!» Мы сознавали, что эти реформы наберут ход лишь в том случае, если каждое из поколений, живущих в нашей стране, будет противостоять ползучей утрате фундаментальных либеральных ценностей. В современной Германии, где нарастают расистские настроения, это по-прежнему остается самой насущной задачей. В те годы мы утвердили либеральное мышление почти во всех сферах общества — от правопорядка до образовательной политики —. Одновременно мы с большим напряжением сил, преодолевая мощное сопротивление консервативных слоев населения, инициировали новую политику в отношении ГДР и стран Восточного блока. Позже она сыграла,

среди прочего, решающую роль в процессе воссоединения Германии и освобождения Восточной Европы.

Гётц Али весьма точно описывает движение-68, имевшее глобальные корни. Все же, с моей точки зрения — а я также был современником событий, — он оценивает это движение чересчур негативно. Тем не менее его книга излагает достоверный взгляд на ситуацию тех лет и обладает высокой документальной ценностью. Разумеется, из того, что он справедливо критикует в тогдашних антилиберальных тенденциях, сейчас осталось не так много: например, желание упразднить капиталистическую экономику. Правда, она не была реформирована так, как того хотели мы, либералы, но поставлена теперь на гораздо более прочные основания, чем имела когда-либо.

В решении самых важных проблем возобладали позитивные тенденции. Как иногда утверждают — и я присоединяюсь к этому выводу, — в те годы республика была практически переустроена заново. Наши друзья из гражданского движения в ГДР с огромным интересом наблюдали процесс этого пробуждения издали и страдали от того, что в их обществе не происходит ничего подобного.

Хочу закончить цитатой из великого философа Карла Поппера: «Мы можем интерпретировать историю с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений. Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели. И хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл». Этой цели хотим служить и мы, когда возвращаемся с помощью книги Гетца Али к событиям, происходившим в 1968 году в Германии, и обсуждаем их с российскими читателями.

Герхард Баум,
бывший министр
внутренних дел ФРГ

ПРЕДИСЛОВИЕ к карманному изданию

Первое издание моей книги, предложившей критический взгляд на события 1968 года, было приурочено к сороковой годовщине тогдашних протестных выступлений. Возмущенная реакция постаревших борцов за лучший мир не заставила себя ждать. Чтобы выкурить позавчерашних противников авторитаризма из их уютного гнездышка, достаточно было включить в книгу, опубликованную под ностальгическим заголовком «Наша борьба», несколько язвительных замечаний о давно минувшей эпохе исканий и блужданий. Тут же раздались возмущенные крики: «У него стыда нет! Какая мерзость! Что он себе позволяет!»

Стайки боевых друзей и подруг, держа друг друга под руку, появлялись на моих многочисленных — в те дни я выступал около сорока раз — чтениях. Седовласые дамы и господа, хмурясь, рассаживались в зале и принимались за дело: «Ренегат! Перебежчик! Барышник! Мы и читать не станем твою пачкотню!» Называя меня «предателем» и «доносчиком», они в то же время заверяли слушателей в «исключительно просветительском характере» их движения и в собственной непорочности. Как только я посмел обличить хотя бы одного человека из этого чистого мира гуманности и всестороннего раскрепощения!

Перед презентацией моей книги в вендландском городке Хитцаккере там был распространен призыв к бойкоту. Воззвание сочинили несколько представителей старого «альтернативного» движения, которых немало в районе Люхов—Данненберг. Они борются за справедливое распределение ресурсов, против ядерной энергетики и владеют домами, где на человека приходится добрых полтораста квадратных метров жилой площади. Несмотря на предупреждение, собралось около тридцати слушателей. Все они хорошо разогрелись в своих домах под камышовыми крышами* и кипели от возмущения. В конце вечера ко мне подошла подтянутая пожилая дама: «Меня зовут Эдельгард». Глядя с укоризной, она молча протянула мне свою брошюру

* Характерная черта региона; в настоящее время — признак зажиточности владельцев дома. — Здесь и ниже звездочками обозначены примечания переводчиков и редактора. Примечания автора, обозначенные арабскими цифрами, вынесены в конец текста.

«Добьемся большего вместе. Краткое руководство для активистских групп». Труд Эдельгард открывается задорным обращением: «Всем привет!» — и завершается бодрым лозунгом на обороте обложки: «Будем на одной волне». Ничем не напоминает концепцию «народной общности»*, а? Ну что вы! Откуда взяться врагам в стране активистских групп, где обитает Эдельгард?

В ходе подобных встреч мои оппоненты обычно выдвигали четыре аргумента в свою защиту: 1. Тот, кого не было среди нас, не вправе судить об этом времени. 2. Мы стремились к новому. 3. Не все было плохо. 4. Мы не позволим лишиться себя биографии. Примерно то же заявляли после 1945 года родители бунтарей 68-го, а после 1989-го — многие жители ГДР. Первые столкновения с противниками моей книги подсказали мне слоган для дальнейших выступлений: «Против сорокалетней гнили»**.

Многие, хотя и не все ветераны 68-го во время дискуссий сознательно уклонялись от неудобных воспоминаний и приукрашивали прошлое. Они вполне серьезно утверждали, что часто скандировавший, начиная с февраля 1968 года, лозунг «США-СА-СС» (USA-SA-SS), который ясно свидетельствовал о стремлении детей нацистов переложить вину на чужие плечи, был завезен из Франции. Как он звучал по-французски, эти сказочники не уточняли. Если не вдаваться в подобные детали, можно сказать, что активные участники движения 1968 года в настоящее время ограничиваются двумя отговорками: 1. Во Франкфурте все происходило не так, как в Западном Берлине, а в Тюбингене и подавно. 2. Я был еще слишком молод (вариант: уже слишком стар) для участия в «серьезных беспорядках». Они, конечно, имели место, но как-то стерлись из памяти.

Так, «зеленые» забыли тот факт, что к моменту основания партии ее руководство наполовину, если не больше, составляли выходцы из маоистских революционных объединений «спонти» или из групп марксистских доктринеров. Напротив, те же самые люди — как бы их ни звали: Антье Фольмер, Йошка Фишер, Юрген Триттин или Клаудия Рот, — в один голос твердят, что такие группы следует рассматривать лишь как прискорбное побочное явление, вызванное общим «прорывом». Тут нет ничего загадочного, — биографии десятков тысяч западногерманских

* Элемент идеологического словаря национал-социализма.

** Обыгрывается известный студенческий лозунг: «Мантии прикрывают мерзость тысячелетней гнили» (ср. ниже главу «Коричневое видение в Нойкельне»).

студентов, в сущности, ничуть не меньше подпорчены их позднейшими симпатиями к просоветскому Марксистскому студенческому союзу «Спартак», к теории государственно-монополистического капитализма Стамокар, поддерживаемой молодыми социалистами, и к очередному троцкистскому Интернационалу.

Левые книготорговцы, прежде привечавшие меня и мои работы о национал-социализме, теперь не желали рекомендовать покупателям книгу, которую называли неслыханным безобразием и «дико опасным» сочинением (Ютта Дитфурт); исключение составил только марбургский книжный магазин Roter Stern. Многие торговцы из этого круга отвечали бранью, когда к ним обращались представители издательства S. Fischer Verlag, и предостерегали постоянных клиентов и держательниц дисконтных карт от покупки моего сочинения. В таких магазинах пользовались успехом книги с прочувствованными названиями вроде «Руди и Ульрика»* или «Мой 68-й», раскупались записки современников «Дух мятежа», а слабовидящие приобретали друг для друга иллюстрированный альбом «Мы там были», сопровождая подарок надписью: «сердечно приветствую». В летнем семестре 2008 года руководство Гёттингенского университета отклонило предложение студентов пригласить меня для обсуждения событий 1968 года. Отказ предоставить скромную финансовую поддержку, обычную при организации подобных мероприятий, сопровождался недвусмысленным указанием на то, что книга «Наша борьба» — не лучшее чтение для университетской молодежи. Несмотря на это, студенты читали книгу с интересом.

Более вдумчивые представители поколения-68 избегают открытой конфронтации, предпочитая исподволь навязывать свои легенды, прежде всего — утверждение, будто они, — соглашаясь теперь с необходимостью критики и самокритики в отношении частностей, — все же содействовали тогда запуску назревших реформ. Некоторые утверждают, что в то время Федеративная Республика Германия была учреждена заново, во второй раз, и лишь протестные выступления вдохнули в нее дух свободы¹.

В этих мифах отражается чрезмерная переоценка собственной роли. На самом деле важнейшие для ФРГ реформы стартовали в начале 1960-х годов. Бремя их реализации легло на плечи

* Руди Дучке (1940–1979) — социолог и политик, лидер «новых левых», один из главных героев настоящей книги Гетца Али; Ульрика Майнхоф (1934–1976) — общественная деятельница, писательница, террористка.

многих наших старших современников — тех, кому сегодня от 75 до 85 лет и кто вместе с вернувшимися эмигрантами, антифашистами, а также раскаявшимися нацистами взял на себя тогда этот нелегкий труд. В 1963 году Фриц Бауэр, Ханс Бюргер-Принц, Ханс Гизе и Герберт Йегер выпустили манифест «Сексуальность и преступление. Статьи о реформе уголовного права», после чего соответствующий вопрос был внесен в бундестаг. Ральф Дарендорф своей книгой «Общество и демократия в Германии» (1965) внес существенный вклад в новую культуру общественных дискуссий. Фильм Ингмара Бергмана «Молчание», где в двух сценах изображался половой акт, подверг серьезному испытанию действовавший в то время моральный кодекс. В 1964 году Федеральное цензурное учреждение, не желая посягать на свободу творчества, пропустило ленту в кинопрокат без купюр, ее посмотрели одиннадцать миллионов немцев. Расцветить сексуальную жизнь призывал вовсе не Райнер Лангханс, а родившийся в 1928 году журналист и кинематографист Освальт Колле. В его фильме «Чудо любви» содержались простые рекомендации, как сделать уютнее спальни немцев, освещаемые единственным матовым потолочным светильником, неотапливаемые и крайне скудно обставленные. Непосредственных участников, особенно мужчин, он учил превращать минуты одностороннего блаженства в часы обоюдного счастья и побуждал к смелым экспериментам в сексуальной сфере. Если вспомнить мужской лозунг, введенный в обиход поколением-68: «Верный любовник — тот же чиновник», — то Освальта Колле безусловно можно причислить к просвещенным гуманистам периода становления ФРГ.

Переходные процессы наблюдались и в партийной политике. В Свободной демократической партии (СвДП), которая в 1950-е годы еще могла мириться с так называемым «гауляйтерским крылом», партийный молодежник сумел наконец преодолеть влияние старых нацистов. Среди героев переворота были Вальтер Шеель, Ханс-Дитрих Геншер, Лизелотте Функе — тогда еще молодые люди. Параллельно менялись настроения избирателей ФРГ: начиная с 1961 года постепенно — процент к проценту — накапливалось большинство, считавшее возможным видеть на посту федерального канцлера Вилли Брандта, который в глазах консерваторов был «предателем родины». Все эти бурные перемены в немецком обществе и подготовили почву для 1968 года. Участники протестного движения лишь пользовались тем, что нес с собой тогдашний дух реформ, но не были его творцами. Социолог культуры Вольфганг Эсбах, сам состоявший в те годы

в Социалистическом союзе немецких студентов (ССНС), в 2006 году констатировал: «Нужно признать, что многие активные реформаторы, родившиеся в начале 1930-х и ставшие зачинателями преобразования ФРГ в начале 1960-х, в сегодняшней исторической памяти потеснены поколением-68». Эсбах указывает, что «поколению-68 приходилось бороться в первую очередь не со старыми нацистами», а с «молодыми, реформаторски настроенными и задиристыми университетскими профессорами, полными новых идей»².

В моей книге я воздаю должное многим из этих ученых — от Вильгельма Вайшеделя до графа Кристиана фон Крокова. Их ряд легко расширить. Так, философ Одо Марквард, поначалу сочувствовавший новым левым, в 1967 году изменил точку зрения, усмотрев в их собраниях «слишком большое сходство с национал-социалистическими вечерними занятиями (Schulungsabende)», которые он посещал в юности. Причина аллергической реакции историка Йозефа Вульфа, пережившего холокост, была иной. В Берлине он быстро заметил, что новые левые начали отказываться от солидарности с Израилем, прежде более или менее естественной, и берут сторону палестинских партизан. В этой связи нельзя отделаться от тревожного вопроса: разве Вульф, человек, бежавший от нацистов и затем вернувшийся в Германию, покончил бы с собой в 1974 году, если бы мы, поколение-68, вместо того чтобы в 1967 году увлечься «теорией фашизма»*, имевшей мало общего с реальностью, читали его труды? Такой же скепсис по отношению к новому левому движению испытывал и Жан Амери. Ханна Арендт в 1967 году сухо возразила молодому немцу, одержимому идеей мировой революции: «Без сомнения, тот факт, что в Иране, Вьетнаме и Бразилии налицо “недостойная обстановка”, нас касается, однако это, в сущности, от нас не зависит. Мне кажется, у вас что-то вроде ложной мании величия. Попробуйте заняться политикой в Иране, и вы быстро исцелитесь. [...] Там, где дело идет о политике, полезно ограничивать мысль известными пределами»³. За исключением Герберта Маркузе, почти все эмигранты, которые после 1933 года были вынуждены покинуть Германию, реагировали примерно так же: поначалу молодежные волнения их радовали, но спустя несколько месяцев они начали ужасаться

* Об этой теории, растворявшей специфику немецкого национал-социализма во всеобщем, повсеместно распространенном в 1930-е годы фашизме, см. ниже.

немецкому неистовству, овладевшему бунтарями 68-го и перешедшему в бешеную ярость, слишком хорошо им знакомую.

Генерал-бас недавней национальной истории не смог кал в протестном движении 1968 года. Он придавал ему — вопреки всем привлекательным вариациям верхних голосов — неприятный основной тон. Уже в 1969 году эта проблема, по сути чрезвычайно немецкая, получила зримое выражение в художественном фильме «Альма-матер», который был снят Рольфом Хедрихом в Свободном университете Берлина по заказу компании Norddeutscher Rundfunk. Фильм стал убедительным репортажем о протестах, ведущемся с места событий; несколько раз съемке мешали реальные акции саботажа, предпринятые с целью ее сорвать: они органично вплетались в художественное действие. Сценарий написал Дитер Майхснер. Как и Хедрих, он принадлежал к поколению тех студентов, которые были основателями Свободного университета*. Они построили сюжет на основе собственного опыта, бесед, наблюдений и впечатлений периода январской забастовки 1969 года; съемки проходили в течение летнего семестра. Так появилась эта реалистическая картина, запечатлевшая кризисную, возбужденную атмосферу той поры. В центре повествования — профессор истории Фройденберг, либерально настроенный репатриант, который отчаивается в новых университетских порядках и вторично покидает Германию. Саундтрек сохранил голос говорящего со швабским акцентом функционера ССНС Тильмана Фихтера, который неустанно призывает к революционному «разрушению». Правдоподобный образ Фройденберга создан на основе рассказов и личных впечатлений тогдашних профессоров Свободного университета Эрнста Эдуарда Хирша, Рихарда Левенталя и Эрнста Френкеля, вернувшихся из эмиграции. В моей книге я не раз предоставляю слово двум последним. Быть может, именно этот фильм стал наиболее веским документальным свидетельством о студенческих волнениях в 1969 году.

На этом фоне мемуары, написанные в наши дни, выглядят бледно. Авторы слишком снисходительны к самим себе, слишком склонны забывать то, о чем неприятно вспоминать. Возьмем книгу «Бунт и безумие» («Rebellion und Wahn», 2008). Пример сам напрашивается, поскольку ее автор Петер Шнай-

* В 1948 г. подготовительной работой по созданию Свободного университета занимался студенческий комитет.

дер постоянно корит меня тем, что «Наша борьба» — конкурирующий товар! — свидетельствует о «ненависти к себе». Пусть так, но чем оборачивается любовь к себе? Скажем, на стр. 334 Шнайдер упоминает декабрьскую конференцию 1969 года, на которой верхушка революционеров Западного Берлина обсуждала свою дальнейшую стратегию. Эта встреча была очень важна, поскольку выдвинула на авансцену злополучные группировки профессиональных марксистов-ленинцев и окончательно отвратила бунтующих студентов от стремления к демократическим переменам. Шнайдер, принадлежавший к узкому кругу лидеров, который насчитывал около 20 человек, брал слово дважды. Сегодня он более чем сжато резюмирует свои тогдашние идеи: «Тот, кто принимает революцию всерьез, — так он будто бы заявил в те дни, — должен отправиться на предприятия и мобилизовать рабочий класс». Мне, тогда совсем юному студенту, с нетерпением ожидавшему результатов конференции, помнится совсем другое. Что именно — можно услышать и сегодня. Учитывая выдающееся значение собственных речей для дальнейшей судьбы человечества (его прогрессивной части), основатели будущей идейной секты увековечили их на магнитофонной пленке.

Согласно записи, товарищ Петер Шнайдер сформулировал следующую задачу: «дать толчок классовой борьбе в Германии», «подключить наиболее угнетенные слои населения к стратегии наиболее мобилизованных борцов» и создать «революционный авангард». И вот что под этим подразумевалось: «Только централизованная организация, следующая марксистско-ленинскому образцу, в принципе способна пробудить стихийное движение. [...] Профессиональным революционером становится лишь тот, кого признают вождем в борьбе народных масс, — а значит, недостаточно сказать, что студенты должны идти на предприятия, приобретать там практический опыт и затем уходить. [...] Совершенно необходимо, чтобы при проведении акций или во время производственных конфликтов студенты могли брать на себя лидерские функции, и в будущем, я считаю, нам не следует мириться с пребыванием в революционной организации тех, кто не удовлетворяет этим требованиям. [...] Я утверждаю, что на первом этапе создания организации она должна строиться сверху вниз и что приоритет будет отдан принципу централизма; что в Германии этот этап продлится долго и что он нужен для подготовки окончательного закрепления позиций централизованной марксистско-ленинской организации в массах»⁴.

Из написанного Шнайдером в 2008 году следует, что к созданию позднейших доктринерских коммунистических групп (К-групп) на той конференции дело вели «всегда вызывавшие у него неприятное чувство» «параноики», один из которых носил эмблему «Мертвой головы». Всех этих людей Шнайдер перечисляет поименно. Сам же он, согласно представленному спустя 38 лет собственному отчету, желал лишь «направить на верный путь сознание» немецких рабочих и уже тогда задавал себе вопрос: «Разве все это означало, что мне следует немедленно вступить в организацию профессиональных революционеров?»⁵ В целом, по утверждению издательства, книга Шнайдера опирается на поистине «бесценный материал», а именно его «дневник»: автор якобы был «одним из редких одиночек», которые вели в ту пору подобную запись событий. Между тем события 1968 года давно нуждаются в подлинном документальном описании, использующем самые разнообразные источники, а не саморепрезентацию так называемых свидетелей, не всегда надежных. К этому должна побудить настоящая книга.

Поколение, бежавшее от прошлого

Разумеется, не преминули письменно рассказать о прошлом и другие бывшие соратники, хорошо запомнившие тягостные моменты той беспокойной эпохи. К числу таких авторов принадлежит писательница Сибилла Левитшарофф. Она еще в школьные годы, до окончания в 1972 году штутгартской гимназии, была вовлечена в антиавторитарное движение, о чем рассказывает теперь с видимой неохотой: «Моя память склонна вычищать из минувшего времени все неприглядное». Никогда не примыкавшая к отъявленным радикалам, она все же вспоминает свой тогдашний «видоизмененный антисемитизм», «жестокость, авторитарность под маской ее противоположности, нежелание видеть действительность, авантюрный нарциссизм». Глядя в прошлое, она видит, как ее поколение «пыталось свалить с души бремя немецких несчастий, буквально захлебываясь патетическими словесами»: это для них было важным, самым важным, важным в глобальном масштабе, но находило выход в бесконечном «бла-бла-бла: по большей части серьезном, изредка остроумном».

Сибилла Левитшарофф описывает, как «примерно в 1970 году» профессиональные революционеры хлынули из Франкфурта в швабскую провинцию, вербуя школьников и, с равным энтузиазмом, школьниц. «Один как будто прибыл из кружка

анархистов времен Достоевского и, кажется, после своего появления ни разу не мылся — толстенный человечек с окладистой бородой, вращавший горящими глазами. Другой — политработник в кожаных доспехах, по профессии почтальон, с головой как облизанное яйцо: жуткая ассоциация напрашивалась еще и потому, что перед каждой фразой он для разгона прикасался кончиком языка к уголку рта. Не забудем и хладнокровных комиссаров — офисных технократов и знатоков оружия, которые выполняли инструкцию: соблазнять девиц где только можно, и гастролировали в регионе Штутгарта, обеспечивая движение новым материалом (я не шучу, именно так это называлось). Да, и еще: рабочий-вундеркинд из Фойербаха. Воздев указательный перст, он проповедовал тихим голосом, как Иисус в храме»⁶.

Петер Фурт не похож на «бывших»; кроме того, он существенно их старше. Но рассуждает примерно так же. Когда-то он был учеником Адорно и издавал вместе с ним журнал *Das Argument*. Сегодня Фурт пришел к выводу, что «в движении 1968 года было нечто тоталитарное». Он сожалеет о разрушительных последствиях протестных выступлений, о заносчивости и партийном конформизме, присущих мышлению левых. Но больше всего раскаивается в том, что в 1968 году обозвал своего реформаторски настроенного тестя — еврея и социал-демократа, прошедшего через Бухенвальд, — «националистским бонзой», даже не заметив, что перед ним стоит один из немногих истинных республиканцев⁷.

В моей книге я цитирую бывшего председателя ССНС Раймута Райхе, написавшего весьма сомнительное сочинение о «сексуальной революции». Нельзя, однако, обойти молчанием самокритичную оценку прошлого, которую Райхе дал в 1988 году, — при первом издании я упустил ее из виду. По смыслу эти высказывания перекликаются с двумя заключительными главами настоящей книги: «Страх перед прошлым и “помешательство на евреях”» и «Поколение-33 и поколение-68». Более двадцати лет назад Райхе признал, что некоторые факты и события той поры попросту не попадали в светлое поле сознания молодых людей; прежде всего он отметил, что бунтари не увидели «предмета для обсуждения» в книге «Неспособность скорбеть» («Die Unfähigkeit zu trauern»), опубликованной в 1967 году Александром и Маргарете Митшерлих. Причина такой близорукости проста: они как раз делали в ту пору все, чтобы «самим стать частью этого предмета». Банализацию национал-социализма, сведение его к фашизму, повсеместно распространенно-

му в 1930-е годы и будто бы лишь перешедшему в острую форму в Германии, Райхе оценивает как попытку «развоплотить» специфическую опасность, которая крылась именно в немецком прошлом. В тогдашних поисках «революционного субъекта» он усматривает желание убедить себя, что «широкие народные массы — в том числе и наши родители, — были на самом деле, в глубине души, “хорошими”, а национал-социалистическое “зло” по отношению к ним — чем-то наносным». Далее, приведя примеры «воинствующего ригоризма», он спрашивает: почему поколению 1968 года непременно было нужно «разрушать» все, что ему казалось неправильным? Почему эти люди считали детскую боязнь разлучения с родителями одной из форм «ложного сознания»? Почему члены «Коммуны-1» позировали для знаменитой фотографии раздетыми*? Почему они, стоя у стены с поднятыми руками, спиной к объективу, поставили рядом голого ребенка?

В заключение Райхе цитирует сборник, изданный в 1969 году в Западном Берлине «Центральным советом социалистических детских садов» («Zentralrat der sozialistischen Kinderläden»)**. Здесь напечатана работа Анны Фрейд и Софи Дани о шестерых детях в возрасте от полугода до года, которые были разлучены с родителями в концлагере Терезиенштадт и остались живы. Члены «Центрального совета» обличали авторов этой работы, называя их «учеными буржуазно-аффирмативного направления», оценивали годы, которые детям пришлось провести в концлагере, как «попытку коллективного воспитания» и ставили вопрос: «Служит ли коллективное поведение, которое демонстрировали эти шестеро детей, ценным вкладом в опыт человеческих отношений?» Ответ, как ни трудно поверить, был безоговорочно положительным.

Если Фрейд и Дани тщательно изучили и документально зафиксировали тяжелые травмы, сказавшиеся на психическом и физическом развитии детей, то молодые немцы и немки из «Центрального совета» увидели в Терезиенштадте поле для экспериментов: «Принадлежность к лагерной группе помогала каждому

* Желая выразить протест против ареста их соратника Фрица Тойфеля в июне 1967 г., члены “Коммуны-1” сфотографировались обнаженными. Фотография сопровождалась заголовком: «Частное — это политическое!»

** Речь идет о так называемых «детских садах антиавторитарного типа» — проекте, который продвигали тогдашние новые левые. Эти детские сады, возникшие в конце 1960-х в Берлине и организованные на началах взаимопомощи молодых матерей, получили название от разорившейся сети магазинов «Tante-Emma-Laden».

ребенку развить и во всей полноте проявить индивидуальные способности. Ограничения, которым вследствие этого подвергалась вся группа, принимались ее членами с готовностью. [...] Дети автоматически заступались друг за друга, когда чувствовали себя в опасности или считали наказание несправедливым. Они лучше, чем взрослые обитатели гетто [Терезиенштадта], противостояли враждебному окружению, стихийно выработав формы солидарности, тогда как большинство заключенных приходили к такой солидарности — если приходили вообще — лишь в результате мучительного опыта и под гнетом обстоятельств»⁸. Тот, кто даст себе труд и у кого достанет силы воли читать сегодня подобные сочинения, уже не сможет предаваться благодушным воспоминаниям о 1968 годе.

Сочинители текстов, искажающих действительность, существуют везде. Проблема в другом: брошюра, изданная «Центральным советом», распродалась в огромных количествах перед столовой Свободного университета и во время бесчисленных политических собраний. Никто из покупателей — обычных любопытствующих или гиперкритичных неофитов — не оспорил ее содержания. В знаменитой, многократно переизданной книжке «Детский сад. Революция в деле воспитания или воспитание для дела революции?» («Kinderläden. Revolution der Erziehung oder Erziehung zur Revolution?», 1971), выпущенной издательством Rowohlt, одиозному «Центральному совету» было отведено почетное место, а цитируемая мной брошюра была включена в необычайно сжатый — и необычайно показательный — список рекомендуемой литературы. Как редактор, ответственность за серию *derogotisch-aktuell* нес Фраймут Дуве, будущий депутат бундестага от Социал-демократической партии Германии.

Все эти далеко не случайные ошибки, как и душевная глухота немецкого поколения-68, убедительно доказывают, что его связывают с гитлеровской молодежью, поколением-33, исторические и генеалогические узы. С точки зрения социальной педагогики это утверждение тривиально. Преемственность не могла не возникнуть. Последние были родителями первых. В 1933 году эти будущие родители, совсем еще молодые, всерьез увлеклись национал-социализмом. Они переживали этап жизненного пути, более всего располагающий к восприятию радикальных идей, ощущали со стороны нацистского государства особую заинтересованность в молодежи, делали первые успехи на профессиональном поприще и формировали для себя дружеский круг. Тем родителям, которым в 1933 году было от 15 до 20 лет, после

1945 года было очень трудно вернуться к ценностям и ориентирам донацистского времени. Эти люди потерпели полный моральный крах. Кроме того, два последних военных года их тяжело травмировали. Вполне естественно, что поколение их детей по большей части восприняло — через родных, учителей и тогдашних кумиров молодежи — изрядную дозу старой отравы, действие которой проявилось позже в протестном движении. Это поколение, пройдя через краткую начальную фазу бунта, еще проникнутую духом свободы, сразу же было одурманено привычным мышлением в координатах «друзья-враги», которое в годы «холодной войны» — ставшей прямым следствием развязанной Германией истребительной войны, — не теряло силы и примерно с 1967 по 1977 год оказывало решающее влияние на умы студенчества. Я не упрекаю, не виню поколение-68, но и не хочу его хвалить. Речь идет об историческом факте.

Многие из моих слушателей не скрывали недовольства, когда во время чтений я пытался показать взаимосвязь этих коллективных биографий. «Нет, вся правда в том, — возразила 60-летняя слушательница, — что мы хотели добра! А национал-социализм был злом».

«Вероятно, — спросил я, — мы с вами согласимся, что жизнь немецкого общества в течение десятилетий определялась последствиями национал-социализма, войны и немецких преступлений?»

«Да, разумеется!»

«Почему же вы так уверены, что именно ваш жизненный проект был свободен от этого воздействия?»

Молчание.

В книге «Бунт и безумие» Петер Шнайдер рассказывает, как в период студенческих волнений Руди Дучке высказывался о национал-социализме. Его товарищ по ССНС Тильман Фихтер спросил как-то, не пора ли им вместо постоянного возмущения империалистическим насилием в Африке и Вьетнаме «сделать хоть что-то в связи с убийством евреев». Дучке, немного помедлив, ответил: «Если затеем это, то растеряем всю нашу силу. Такая кампания нашему поколению не по плечу, из этой истории мы никогда не выпутаемся. Нельзя одновременно прорабатывать проблему убийства евреев и делать революцию. Сначала нужно противопоставить этому прошлому нечто положительное»⁹.

Руди Дучке, а с ним и все поколение 1968 года спасались от немецкой истории бегством. Практические последствия

этого бегства описывает Райнхард Штрекер, который с середины 1950-х активно информировал общество о преступлениях немцев и в 1960 году стал референтом ССНС по вопросам национал-социалистического прошлого. В том же году члены ССНС организовали в берлинском Зале конгрессов выставку, посвященную преследованиям евреев. Эта деятельность прервалась, как только в 1965 году в ССНС усилилось влияние Руди Дучке, Бернда Рабеля и Кристиана Землера. Отныне «предметное изучение эпохи национал-социализма считалось маловажным». Штрекер больше никогда не получал «от этих людей» денег на свои проекты. «Для антиавторитаристов важна была в первую очередь зрелищность, — заключает он сегодня. — Эпоху национал-социализма не так-то просто было использовать, чтобы покрасоваться самим. Как бы то ни было, и сами жертвы, и обязанность им помочь полностью выпали из их поля зрения: его целиком заслонила идея всеобъемлющей социальной революции»¹⁰. Вопрос, почему Дучке и Рабель перестали проявлять интерес к нацистскому прошлому, можно оставить открытым. Но почему их невежество и равнодушие внезапно получили поддержку большинства молодых людей? Для себя я объясняю это следующим образом.

В послевоенные годы студенты-68 стали первым поколением молодежи, которой в переходном возрасте и в момент обретения самостоятельности пришлось без какой-либо подготовки и помощи со стороны семьи и общества заглянуть в бездну, носящую имя «Освенцим». Силы, содействовавшие широкому разоблачению нацистских преступлений, сформировались внутри государственных учреждений: в земельных парламентах и управлениях юстиции, а также — в большей или меньшей степени — в федеральных и земельных министерствах. Продолжительные дебаты в бундестаге о сроках давности этих преступлений, создание Центрального ведомства по расследованию преступлений нацизма, непрестанные споры по вопросам реституции — все это было востребовано и проводилось в жизнь отнюдь не общественным большинством, а, вопреки воле этого большинства, конституционными органами второй немецкой республики. Из процессов над национал-социалистами, которые начиная с 1958 года были инициированы органами правосудия и получали освещение в средствах массовой информации, молодое поколение неизменно извлекало один и тот же урок: как правило, обвиняемые были людьми, не нарушавшими закон ни до начала нацистского правления, ни после его окончания, имели обычные профессии, происходили из самых разных слоев населе-

ния, — сходство этих людей с соседом по дому, провизором из аптеки через дорогу, семейным врачом, почтенным школьным учителем или собственным отцом внушало неподдельный страх.

Бремя этого открытия оказалось слишком тяжелым. Молодые западные немцы (в отличие, к слову, от их сверстников из ГДР и Австрии) со всей ясностью увидели преступления, совершенные их родными отцами, — преступления, которые «будут тяготить мир, где мы живем, всегда, пока он существует»¹¹. В этих условиях вполне объяснима их паническая «реакция избегания», обернувшаяся неуправляемым бегством в горячее марево революционного бреда. Поскольку родители, семья и общественные силы были не в состоянии — по-видимому, для этого еще не созрев, — что-то противопоставить страшным фактам, студенты и школьники в 1968 году избрали своим главным врагом государство.

В целом 1968 год был следствием Второй мировой войны, которая оказалась для немцев наиболее масштабной массовой травмой со времен Тридцатилетней войны. В Вестфальском мирном договоре 1648 года сказано: нельзя поминать прошлое. Применительно к 1945 году это означало следующее: уцелевшие — и жертвы, и побежденные в кровопролитной борьбе преступники — должны были вытеснить прошлое из памяти, чтобы начать жить заново. Человечество, израненное телесно и душевно, прописало себе своеобразный целительный сон, что-то вроде искусственной комы, в которую сегодня врачи погружают пациентов с тяжелыми травмами. Политической формой этой искусственной комы была «холодная война»: она, в сущности, заморозила прошлое. Но время шло, выросло первое послевоенное поколение, и мир начал выходить из коматозного состояния. Пробуждение оказалось неприятным, сопровождалось мучительными болями, спазмами и потерей ориентации. Особенно болезненно оно протекало в стране, которая развязала войну и — спасибо союзникам! — ее проиграла. Ведь в 1945 году, в отличие от 1648-го, виновниками войны, вне всякого сомнения, были немцы. Именно поэтому в Германии бунт 1968 года носил более жестокий и затяжной характер, чем в Англии, Америке или Франции. В странах, которые вели оборонительную войну и одержали победу, силы, сплывающие общество и верные традициям, оказались гораздо более мощными, чем в Германии, где общество утратило нравственные основы и внутреннюю гибкость. (Кстати, то же можно сказать о волнениях 1968 года в других странах-агрессорах — Японии и Италии.)

В 1995 году Одо Марквард, которого я уже цитировал, назвал протесты 1968 года попыткой «вновь запустить» «механизмы освобождения от бремени вины», с помощью которых часть немецкого общества после 1945 года старалась бежать от прошлого. В середине 1950-х годов эта потребность в самооправдании усилилась: отчасти из-за роста благосостояния, очень быстро превысившего уровень жизни в странах, которые пострадали от расовых войн, развязанных Германией, отчасти в связи с вскрывшимися подробностями массовых убийств, которые больше невозможно было замалчивать.

Все это делало «чувство вины и стыда нестерпимым», особенно для молодого поколения. В 1968 году молодежь «бежала» «от обычной совестливости к самоотождествлению с совестью человечества»: «От угрызений собственной совести можно было избавиться или хотя бы их смягчить, становясь угрызениями совести для других». Далее Марквард пишет о типичной «запоздалой непокорности»: «Нужно было наверстать упущенное, сказав “нет”, — тем самым это “нет”, так и не прозвучавшее до 1945 года, обретало силу применительно к теперешней ситуации в ФРГ. Неспособность сопротивляться тирании надо было компенсировать, сопротивляясь тому, что тиранией не было. А отрицание диктатуры, которого не было в свое время, требовалось загладить отрицанием строя, не имевшего с диктатурой ничего общего. Это новое отрицание буржуазности на деле способствовало не демократизации, а прежде всего возрождению симпатий к революционным диктатурам»¹².

О том, как эта реакция избегания выглядела и почему она стала возможной, я рассказываю в моей книге. Нельзя во всем обвинять поколение-68, но и гордиться особыми заслугами оно не вправе. Поступки этих людей были обусловлены серьезным общественным конфликтом: они оказались вовлечены в него не по своей воле и не могли не принять в нем участия. Это объясняет молодежные протесты и позволяет более хладнокровно определить их место в немецкой истории XX века.

(Издание в твердой обложке содержит мелкие неточности, обнаруженные внимательными читателями; здесь эти ошибки исправлены.)

Берлин, май 2009 г.

ВСЕГДА НА ПРАВИЛЬНОЙ СТОРОНЕ

Упоение революцией, уверенность в себе

Человек, которого сегодня приглашают на 60-летний или 65-летний юбилей бывшего товарища по протестным выступлениям 1968 года, оказывается среди бодрых, самоуверенных людей. Многие убеждены, что их прошлое было наполнено героической борьбой, и ставят себя выше нынешней молодежи, которая, как они считают, уже ни к чему не стремится. Описывая свою юность, эту хмельную революционную эпоху бури и натиска, веселые гости излагают как бы историю некоей улучшенной армии спасения: они причисляют себя к политическому «движению», которое защищало слабых, боролось за справедливость и прогресс во всем мире, в целом оздоровило обстановку в ФРГ и привлекло общественное внимание к прежде замалчиваемой теме национал-социалистического прошлого.

Мало кто из этих людей сознает, что немецкое поколение-68 испытало сильнейшее влияние патологических тенденций XX века и самым прискорбным образом походило на своих родителей, поколение-33. И те и другие позиционировали себя как «движение», намеревавшееся смести с исторической сцены республиканскую «систему». Они презирали — как нацистский юрист Карл Шмитт — плюрализм и любили — как Эрнст Юнгер — борьбу и активное действие¹³. Мания величия сочеталась в них с холодной беспощадностью. Несмотря на декларируемый коллективизм — чисто интеллектуальный, но почему-то считавшийся народным, — поколение-68 очень быстро обнаружило склонность к культу личности. Руди Дучке, Ульрика Майнхоф, Че Гевара, Хо Ши Мин, Мао Цзэдун пользовались у молодежи широким уважением из-за решимости, с которой они пропагандировали свои социальные утопии. Поколение-68, в отличие от своих

родителей, восторгалось самыми разными освободительными движениями в дальних странах — во всяком случае, такими, в названии которых присутствовало слово «национальный». Когда я напоминаю бывшему соратнику, сегодня занимающему пост высокого правительственного чиновника, как тепло мы в 1972 году приветствовали камбоджийскую революцию под руководством Пол Пота, он фыркает в ответ: «Али, такого никогда не было!»

Не все участники движения-68 должны помнить о Пол Поте, но никто из них наверняка не забыл большевистскую «расстрельную» балладу* Владимира Маяковского в исполнении Эрнста Буша, которая долгие годы гремела во время многочисленных демонстраций и собраний: «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер». Говоря обычной прозой: хватит болтать, берите винтовку и жмите на курок. Снайперский девятимиллиметровый пистолет производства немецкой фирмы «Маузер» был культовым оружием времен Октябрьской революции.

Разумеется, бунтовать было приятно и очень романтично. Да и причины для бунта действительно имелись. Однако притязания молодых людей на роль социального авангарда, их вера в прогресс, небывалая, неистовая жажда перемен, желание начать все с чистого листа и — немедленно появившаяся — готовность к насильственным действиям оказались при ближайшем рассмотрении поздними побегами тоталитаризма, глубоко немецкими по своей природе. Отсюда название этой книги: «Наша борьба». Лишь такой угол зрения позволит воздать бунтарям историческую справедливость и оценить их с известным снисхождением.

Протесты начались в 1967 году и продолжались до конца 1969-го. Потом их участники разбрелись кто куда. Одни перешли на монодиету, питаюсь только мюсли, другие стали профессиональными революционерами, прочие посещали по средам специальный кружок, чтобы искать точку G, начали сознавать свою гомосексуальность, занимались оборудованием детской игровой площадки или организацией районной инициативной группы. Некоторые поняли, что в глубине

* «Левый марш» Маяковского (переведен на немецкий Гуго Гуппертом).

души консервативны: они спасали здания эпохи грюндерства от сноса, который им повсеместно угрожал, защищали от уничтожения природу; забыли хунвейбинов ради дождевых лесов, уличные бои — ради декоративной штукатурки, антибуржуазность — ради буржуазности. Кто-то увлекся анархистскими идеями Михаила Бакунина, патологического антисемита, кто-то повесил на плечо джутовую сумку с изображением белого голубя мира. Выбор для желающих обрести личное счастье в рядах альтернативных левых был велик: от съезда Туникс* и глубокой обеспокоенности гибелью тропических лесов до так называемых «дней хаоса»**. Так, Йошка Фишер, будущий министр иностранных дел, состоял в группах «Революционная борьба» («Revolutionärer Kampf») и «Отряд зачистки» («Putztruppe»). Целью обеих групп было свержение «системы» с помощью децентрализованных боевых акций.

Лиловый, красный, розовый, черный и зеленый — за каждым из этих цветов таились разные возможности и комбинации; желтый же означал: «Атомная энергетика? Нет, спасибо!» Вне зависимости от того, оправдан или не оправдан был каждый из этих разноцветных проектов будущего, их создателей долго связывало нечто общее: они гордо считали, что принадлежат к лучшей части человечества. Возникнув в 1967 году, студенческое движение некоторое время именовало себя «внепарламентской оппозицией»; позже к входившим в него группам стали применять общее название: «новые левые» или «новые социальные движения», в отличие от «старых левых», которых представляла ГДР. Восточных немцев считали «ревизионистами», соглашателями и замшелыми ретроgrадами. Поначалу главным оплотом движения стал Социалистический союз немецких студентов (ССНС).

Хотя студенческие волнения можно с полным основанием назвать явлением международным, именно в государствах-агрессорах, виновниках Второй мировой войны — Германии, Италии и Японии, некогда составлявших «Ось», —

* От разговорного *tu nix* (*tue nichts*), «ничего не делай, бездельничай».

** С 1983 г. — слеты панков, в которых принимали участие и другие левые группы.

протесты университетской молодежи вскоре приобрели особенно непримиримые, насильственные и крайне стойкие формы¹⁴. В отличие от своих собратьев из Англии, Франции и США, немецкие антиавторитарные «дети цветов» почти сразу впали в безумие мировоззренческой борьбы.

В 1965 году Ульрика Майнхоф, одна из лидеров едва зачинавшегося движения новых левых, настолько огорошила своими идеями Иоахима Феста, что тот невольно вспомнил своего нацистского политрука: тогда, в 1944 году, сказал ей Фест, «он в последний раз сталкивался со столь напористой самоуверенностью в суждениях об устройстве и предназначении мира». Майнхоф осеклась было, но тут же со смехом вернулась к своему «веселому боевому настрою». И продолжала в прежнем духе. Перебив ее, Фест возразил: после стольких лет нацизма он не понимает потребности, «подталкивающей ее вести ребяческую игру в “небо-и-ад”»^{15*}.

Спустя два года, 2 июня 1967 года, демонстрант Бенно Онезорг был застрелен полицейским, и берлинские студенты сделали огненными знаками своего протеста подоженные газеты, издаваемые концерном Шпрингера. Фест, в то время телерепортер Norddeutscher Rundfunk, комментирует это событие так: «Трагические воспоминания не тревожат членов экстремистских групп — политическое сознание этих людей чуждо понятию вины. Для них главное — устранить то, что они (опять-таки не задумываясь о возможной вине) именуют “системой”»¹⁶. Пусть этот факт, возможно, раздражает бывших активистов, но леворадикальное студенческое движение 1968 года во многом унаследовало черты, свойственные движению праворадикальных студентов 1926—33 годов. Именно поэтому ниже, в одной из глав, я рассказываю о годах становления Национал-социалистического союза студентов Германии.

В бывшей ФРГ поколение-68 стало первым, получившим возможность значительно продлить юность — ту часть жизни,

* Популярная в Германии детская игра. Квадратный лист бумаги складывается и раскрашивается в голубой (небо) и красный (ад) цвета таким образом, чтобы один из игроков, развернув бумажку вдоль одной из двух возможных осей, попадал на «небо» (голубой разворот) или в «ад» (красный разворот); другой же игрок должен угадать, куда «попадет» первый.

когда человек не связан необходимостью работать и отвечать за себя и других. Противозачаточные таблетки у молодых людей были, а о СПИДе они слыхом не слыхали. Они жили в полном достатке и не подозревали, что немцы когда-нибудь могут стать желанными гастарбайтерами в Польше. Благодаря сверхплотной структуре социального страхования многим удавалось вести молодежный образ жизни вплоть до преклонных лет. Любители и любительницы незастроенных социальных выплат, а то и страхового мошенничества — такие, скажем, как бывшая учительница, коммунистка, получившая пенсию досрочно, в возрасте 40 лет, поскольку ранее уехала преподавать в село, — долгое время оставались причисленными к леворадикальному миру, пользуясь благодаря своей эгоистичной изворотливости общим уважением. Сегодня большинство этих людей сконфуженно молчат. После 1989 года гордиться паразитическим образом жизни стало зазорно.

Живи вольготно, живи свободно. Террор? Охотно!

В обособленном пространстве Западного Берлина 1970–80-х годов еще долго сохранялись остатки леворадикальной среды. Некоторые, особенно энергичные ее представители захватили целые дома; выдержав ради приличия несколько лет, многие устроили там собственные квартиры. Параллельно можно было использовать другие источники: основать левую ежедневную газету, существующую на деньги налогоплательщиков, или разжиться какой-нибудь государственной субсидией. Время от времени не грех было пожить на пособие по безработице, а потом — Западный Берлин был свободным городом (свободным от самых разных видов контроля), — закатиться куда-нибудь в Тоскану. Цены на недвижимость падали, субсидии из Западной Германии росли. Враг принял законы о чрезвычайном положении и «двойное решение НАТО»*.

* Законы о чрезвычайном положении были приняты бундестагом в мае 1968 г. Двойное решение НАТО (1979 г.) — комплекс контрмер, вызванных установкой в Белоруссии советских ракет средней дальности.

Сидел этот враг в Бонне, которому карикатурист Герхард Зайфрид дал название «город Бонз».

Сторонники мира автоматически зачислялись левыми радикалами в сторонники сохранения статус-кво. Хельмут Коль был для них чем-то вроде зомби; Че Гевара и Ульрика (читай: Майнхоф), напротив, не умерли: их изображения стали талисманами. В Кройцберге*, нежно прильнув щекой к стволу вздетого автомата Калашникова, палестинская террористка Лейла Халед устремляла потупленный взор прекрасных черных глаз на двухспальную кровать, изготовленную в «альтернативной» мебелиной фирмой «Holzwohm». На стенах домов красовались надписи: «Живи вольготно, живи свободно. Террор? охотно!» или «Ласково, но жестко». Возник своего рода сентиментальный сталинизм. В краткой автобиографии медленно стареющий «революционер»** писал: «живу и работаю в Берлине». Последний глагол можно было понимать как угодно.

Несмотря на спад производства, зарплаты и пособия в огороженном идиллическом оазисе по-прежнему соответствовали коллективным договорам о тарифных ставках, заключенным в результате переговоров в Штутгарте, — и к ним еще добавлялись выплаты, причитавшиеся жителям фронтового города. Штат государственных служащих был раздут. Тот, кому не перепало теплое местечко, мог пристроиться в Свободный университет или в Союз поддержки прогрессивного интеллектуального и культурного достояния, — иначе говоря, на презираемые «казенные хлеба». Заметим еще, что в этом западноберлинском балагане на каждого хулиганствующего шваба, уклонявшегося от военной службы, приходилось отряжать по меньшей мере одного полицейского.

Вплоть до конца 1980-х район между перекрестком Kranzler-Eck и станцией метро Schlesisches Tor оставался местом обитания самовлюбленных бездельников¹⁷. Их материальное положение обеспечивалось изоляцией города

* Район Западного Берлина, населенный эмигрантами, в основном турецкими.

** Revoluzzer — слово, введенное в оборот Эрихом Мюзамом; ироническое обозначение «горе-революционера».

от европейского мира. Отсюда стойкая антипатия, которую после 1989 года многие бывшие участники «движения» питали к представителям своего поколения и более молодым людям, прибывающим из ГДР. Восточные немцы были полной противоположностью западных сверстников: получили хорошее образование, не растратили понапрасну многих лет жизни, разве что против воли. Конечно, те, кто летом 1989 года голосовал против ГДР «ногами», добивался в Праге или Будапеште права на свободу передвижения и в итоге сокрушил железный занавес, могли иметь в виду западное благосостояние. И что же? В результате грандиозного фортеля, который выкинула история, они подарили свободу прежде всего западноберлинским членам «альтернативного» движения. Причем освобожденные, как и в 1945 году, отнюдь не радовались освободителям, пришедшим с Востока.

Незванные восточные гости разрушили с трудом созданный «альтернативный» мирок. В 1980-е годы «движению» наконец удалось создать партию и сформировать в Западном Берлине красно-зеленый сенат — не в последнюю очередь для более интенсивной подпитки левых проектов из средств налогоплательщиков. В Бонне «зеленые» под предводительством Йошки Фишера и Антье Фольмер уже предвкушали свой скорый приход — совместно с Оскаром Лафонтеном, — на смену правительству Коля. И тут восточные немцы все испортили: в результате воссоединения Германии западные зеленые в 1990 году вылетели из бундестага.

Новая ситуация открывала новые возможности, и неисправимые леворадикальные умники поспешили, изменив плюс на минус, найти для себя наиболее удобное поле деятельности. Бывшим маоистам, самостоятельным уличным бойцам, а также дамам и господам, которые привыкли лентяйничать, предаваясь, в отличие от трудового народа, «политической “сиесте”», нужно было лишь вспомнить о критике, которой в свое время подвергали «советский ревизионизм» и московский «социал-империализм», — и вот они уже снова на правильной стороне. Можно начинать травлю сотрудников Штази. Поскольку сами «работники последнего часа» усвоили демократические процедуры лишь наполовину, они со всем пылом неофитов набросились на «структурных антидемократов» — «косных,

изуродованных тоталитаризмом» обитателей «зоны». Вы попробуйте присмотреть себе домик в Бранденбурге — увидите, какие там дачные поселки! И при всем этом — какая неотесанность! Какая рабская манера речи!

Так, стоило одной женщине средних лет как-то представиться: «Меня зовут Лиза Шмиц, я патологоанатом из Йены», — как ее собеседницу, западную феминистку, передернуло: «Не анатом, а анатомка!». Подумать только: милая дама до сих пор не слыхала о женской эмансипации! Между прочим, Ангела Меркель тоже не в курсе. Недавно на вопрос, как долго она рассчитывает оставаться на своем посту, Меркель ответила: «Я мыслитель* краткосрочного плана». Тот факт, что в новых федеральных землях среди оканчивающих среднюю школу и сейчас сохраняется самая высокая, причем с заметным отрывом, доля девушек, в этой картине мира не учитывается. А ведь уже в 1960-е годы соответствующий показатель в ГДР сравнился с долей юношей, тогда как в ФРГ примерный паритет был достигнут двадцатью годами позже.

В одном из своих интервью, которое включено в сборник, изданный в сентябре 2006 года, Антье Фольмер отвечает на вопрос, почему Ангела Меркель сумела сделать карьеру в ХДС: у нее, считает Фольмер, нет «гена», из-за которого западные женщины-политики раз за разом попадались в «женскую ловушку». «Это тот исключительный случай, когда социализация на восточногерманский манер оказалась полезной». Столь же самоуверенным тоном она распекает Меркель и дальше: «Идея гражданского общества ей в любом случае чужда. Она ведь не принимала участия в движении за гражданские права в ГДР». Такого Меркель никогда и не утверждала. В отличие от теолога Фольмер, она не выдает свой жизненный путь за стезю неколебимой добродетели. Когда интервьюер заметил, что федеральный канцлер все же пришла в ХДС из партии «Демократический прорыв», Фольмер нашлась: «В сущности, она вообще явилась невесть откуда; талантливый специалист в области естественных наук, она воспитывалась в образованной семье, далекой от общественных процессов, и не готовилась к тому, чтобы в них участвовать».

* Вместо «мыслительница».

Антье Фольмер выучилась подобным приемам в 1970-е, вдыхая идеологический чад, производимый маоистской Коммунистической партией Германии. Вот что она пишет, например, в биографии Клары Цеткин, которую опубликовала в 1978 году и переиздала, несколько пригладив, в 1984-м. Речь идет о социал-демократическом правительстве 1918 года: «Широкие массы, с одной стороны, не распознали тогдашнего главного врага революции в социал-демократах; с другой — не были вооружены. Но прежде всего им недовстало сильного революционного центра, который мог бы направить, организовать и ускорить действия масс; им недовстало коммунистической партии»¹⁸. Фольмер опубликовала эту книгу под именем «Карин Бауэр» — германофильским и в то же время аграрно-революционным криптонимом. Как многие другие, она расставалась с коммунистическими догматами очень медленно.

В 1985 году журнал Spiegel организовал дискуссию между Фольмер и ее коллегой по фракции Отто Шили (тогда еще «зеленым»). На вопрос Шили, согласна ли Фольмер с его заявлением, согласно которому зеленые признают государственную монополию на насилие, она ответила: «Мне не нравятся ваши расспросы. Нет, я его не поддерживаю». Газета Tageszeitung в лице Клауса Хартунга тогда поддержала Фольмер¹⁹. Ни словом не обмолвившись на почти трехстах страницах сборника интервью о своей многолетней деятельности в маоистско-сталинистской фасадной организации *, Фольмер уверяет, будто наделена «природной невосприимчивостью к сектантству». Стремление задним числом облагородить свою биографию свойственно многим ее ровесникам и бывшим соратникам. Скоро внук Антье Фольмер запишит: «Бабушка вообще не участвовала в движении-68!»²⁰

Как согреться на чужом пепелище

В 1968 году молодежь ФРГ мечтала о фундаментальных, коренных переменах. Этот грандиозный революционный

* Здесь: легальная организация, прикрывающая нелегальную деятельность.

замысел не дал никаких осязаемых результатов. Все же в начале 1980-х новые левые обзавелись своим щупальцем в парламенте — фракцией зеленых. Проект нескольких поколений пережил запоздалую кульминацию в 1998 году, в правление Шредера/Фишера, и спустя семь лет знаменательным образом обрел бесславный конец.

Время от времени друзья, выросшие в ГДР, спрашивают меня, в чем причина неприкрытой антипатии к восточным немцам, выказываемой, например, той же Антье Фольмер. Поколение-68 презирало ГДР изначально. Будничная, скромная и мирная жизнь этого государства заставляла видеть в нем что-то вроде диктатуры садоводов-любителей и домашних умельцев. Тем не менее в конце своего существования ГДР сумела выйти из коллапса мирным путем. Но как раз этот аспект перемен интересовал бывших воинственных борцов за лучший мир в последнюю очередь. Добропорядочные бедные родственники, вернувшиеся под родной кров, вызывали у них раздражение. Эти непрошеные новые граждане угрожали подорвать материальную основу их псевдореволюционного благоденствия. Так называемой альтернативной культуре, процветавшей в берлинском оазисе, они «сломали кайф», заставили пригревшуюся там компанию ощутить сквозняк мировой истории и отвели поток субсидий в свою сторону. Благодаря восточным немцам, многие бывшие бунтари повзрослели, узнали, что такое стесненные материальные обстоятельства. Отсюда и напряженные отношения.

На протяжении десяти, а то и двадцати лет многие «революцеры» тешились самостоятельным альтернативным мироустройством. Они видели в себе антиправительственную группу сознательных аутсайдеров. Лишь в начале 1980-х многие попытались наверстать упущенное. Характерен в этом отношении политический взлет давних участников теневой экономической деятельности, которую вели франкфуртские левые, — Йошки Фишера, Даниэля Кон-Бендита, Тома Кенигса, Томаса Шмида. Но зеленый «проект» не мог вместить всех желающих. Подходящих должностей у зеленых было слишком мало. Кроме того, бывшие бунтари, задумавшиеся о позднем возвращении в нормальное общество, начали замечать в себе печальные признаки старения

и, не так уж редко, сознавать свою недостаточную образованность. В этой ситуации неожиданно открылись новые перспективы, вызванные крушением ГДР. Рынок труда переживал подъем. Появление новых карьерных возможностей на востоке страны обернулось улучшением ситуации и на западе. И там и тут нужно было оттеснить интеллектуалов ГДР. Представителей тамошних элит — безусловно, сращенных с прежним аппаратом, — снимали с постов и отправляли куда-нибудь подальше, потому что на каждый такой пост уже нацелились люди с запада, включая и бывших «альтернативных» противников государства.

Неудивительно, что охотники за должностями из Киля или Штутгарта, близкие к ХДС, СДПГ или СвДП, сорвались с мест и отправились пытаться счастья в Лейпциг или Грайфсвальд. Заведующие кафедрами выбивали для своих подхалимов «горящую» синекуру в Росток. В чиновничьей иерархии открывались заманчивые места: можно было получить высокооплачиваемое местечко и аппетитную надбавку за отдаленность в довольно приятных городах — Потсдаме, Эрфурте, Дрездене. В старых федеральных землях служащие хладнокровно и с полным единодушием внимали сигналу: «раз, два, взяли!»

Социальный педагог из западноберлинского района Нойкельн, когда-то участвовавший в уличных боях, неожиданно для всех стал профессором педагогики в Потсдаме; болтливая журналистка постмарксистского направления перешла из *Tageszeitung* в бывшую столичную газету Социалистической единой партии Германии на должность заведующей отделом. Какой-то несостоявшийся профессор был назначен в той же газете редактором отдела мнений. Безработные социологи, прежде избегавшие «отношений капиталистической эксплуатации», исцелялись от своих предубеждений на востоке: они просачивались даже в Управление федерального уполномоченного по документации бывшего МГБ ГДР. Персонаж, зарабатывавший на жизнь массажем, получил профессуру в Эрфурте. Энергичный боец из ССНС обрел позднее профессиональное счастье в многоэтажном деловом центре в Мекленбурге. «Левые» западноберлинские учителя,

двадцатью годами раньше нахваливавшие «революционную профессиональную практику», бросили своих трудных учеников на произвол судьбы и отбыли в бранденбургское министерство образования.

Проигравшие «револющеры» так и не сумели осуществить свою мечту о перевороте в обществе благоденствия. Теперь они извлекали выгоду из переворота, который совершили другие. Одного этого было достаточно, чтобы смотреть свысока на жителей ГДР. Более того: марксистские выученики 68-го постепенно расставались со своей терминологией, далекой от реальности. Йошка Фишер опубликовал книгу «Левые силы после социализма» лишь в 1992 году. Вместо основных и неосновных противоречий, вместо труда и капитала он и другие левые, за неимением свежих идей, начали говорить о гражданском обществе. Пусть с опозданием, они все же открыли для себя преимущества социального расслоения и осознали: в единстве может быть и глупость*.

Именно в этот момент в историю Западной Германии ворвались новые граждане из восточных земель. Они ориентировались на ценности, среди которых выросли: трудовая бригада, боевая рабочая дружина** и коллектив жильцов. Сложные мысли они нередко выражали с помощью марксистских формул. В политических дискуссиях снова замесили старые понятия: интересы капитала, производственные отношения, империализм, историческая закономерность. Западные левые отвергали этот избитый лексикон с отвращением. Восточные немцы держали перед ними зеркало, в котором, если не отворачиваться, можно было сразу увидеть, насколько тоталитарным было прежнее мировоззрение бунтарей. Это лишь усиливало в них желание отмежеваться.

Показательным примером может служить Томас Шмид. В 1990 году бывший участник франкфуртского движения кое-как перебивался временными грошовыми заработками,

* Парафраз идиоматического выражения «В единстве сила» (по-немецки: *Einigkeit macht stark*).

** Специфический восточногерманский термин, обозначающий военизованную организацию на предприятии.

но уже в 1993-м был назначен главным литературным редактором восточноберлинской газеты *Wochenpost*, а потом и заместителем главного редактора этой газеты. Таким образом, он вступил на журналистское поприще в нежном сорокашестилетнем возрасте. Сегодня Шмид — главный редактор газеты *Welt*. Ничего не имею ни против самой должности, ни против работодателя. Меня интересует лишь одно: почему Шмид комментировал воссоединение Германии столь высокомерным тоном; почему в 1991 году, говоря о своих соотечественниках из ГДР, сурово констатировал, что их «в сущности, не коснулись новые демократические веяния, — напротив, во многом это люди, которые еще не пришли к демократии, к гражданскому обществу»²¹.

Само название опубликованной в 1990 году книги Шмида «Похороны за государственный счет. О гражданском обществе» («*Staatsbegräbnis. Von ziviler Gesellschaft*») выдает в нем демократа «последнего часа» и претендента на незаслуженное наследство. Он явно завидовал скорой победе, одержанной жителями ГДР: «Режим не был поставлен на колени, не было упорной борьбы. [...] Народ не вступил в ближний бой с рушащимися под его напором государственными институтами. Он не оказывал на эти институты давления и не сталкивал их друг с другом, не отвоевывал территорию шаг за шагом, неся время от времени потери, — люди попросту хлынули на улицу, образуя физическую массу»²².

Так Шмид попрощался со своими былыми воинственными фантазиями, рассказывая о современных понедельничных демонстрациях* в ГДР. В отличие от Йошки Фишера, выступившего в роли уличного бойца, он показал себя подстрекателем. В 1970 году на заводе «Опель» в Рюссельсхайме он, бывший тогда так называемым постоянным членом группы «Революционная борьба», хотел поставить «вопрос о власти», плохо соотносящийся с ценностями гражданского общества. Позже Шмид стал редактором и автором журнала «Автономия. Против общества фабрик» («*Autonomie — Materialien gegen die Fabrikgesellschaft*»). В 1975 году на страницах этого

* Мирные протестные демонстрации, требовавшие демократизации общества. Проходили в ГДР в 1989-м и отчасти в 1990 г.

журнала он ностальгически вспоминал Великий четверг 11 апреля 1968 года, когда 23-летний подсобный рабочий Йозеф Бахман произвел роковые выстрелы в Руди Дучке, и писал о том, как во всей стране студенты, «школьники, ученики на предприятиях, молодежь в самом широком смысле» «в прекрасные пасхальные дни 1968 года вступили в уличную борьбу». Напомню: эти «прекрасные» события привели к тому, что два человека лишились жизни. Шмид же вколачивал в головы читателей: дело идет о «разрушении буржуазного общества», о создании «альтернативной власти», о «революционном процессе», который должен быть «разлагающим, разрушительным, негативным».

Подобное тогда писали многие, а в 1977 году Шмид уже покончил со своим революционным громоуханием. Впоследствии он сделал немало для смягчения левой идеологии. Но нельзя умолчать о том, что мирных революционеров 1989 года — Фолькера Брауна и лейпцигских пасторов — он чернил со своих прежних позиций, определявшихся культом насилия. Ему пришлось не по вкусу «тихое», «старомодное стремление к свободе и ответственности», проявленное людьми, которые, подготавливая ликвидацию ГДР, действовали человечно и осмотрительно²³. Союз «и» между словами «свобода» и «ответственность» Шмид выделил курсивом. В 1975 году он проповедовал, что современному революционеру не следует возиться с проектами «постепенного обновления старого общества», поскольку революционеры «отрицают понятие ответственности»²⁴.

Хозяева собственной истории

Поколение-68 заполняет мемуарами ветеранов — и апологетическими, и самокритичными, — целые книжные полки. Среди них встречаются замечательные сочинения: можно выделить книгу Герда Кенена «Красное десятилетие» («Das rote Jahrzehnt»), а также работы Вольфганга Краусхаара. Но все они опираются преимущественно на листовки, брошюры, книги и протоколы, которые были созданы деятелями леворадикального прорыва. Возражения бывших противников, какими бы они ни были — неуклюжими, умными, злобными,

дельными, нацеленными на компромисс, — авторов этих воспоминаний не интересуют²⁵.

Хотя в Германии действует тридцатилетний запрет на обнародование служебной документации, ссылки на эту норму можно считать отговоркой. В конце концов, некоторые важные источники — речи политиков, которые несли ответственность за решение проблемы, и настоятельные призывы, с которыми в 1967 году выступал Рихард Левенталь*, — были опубликованы очень быстро. Уже десятки лет доступны многие ценные личные архивы, а с 1998 года — и правительственные документы, относящиеся к интересующему нас периоду.

Иначе обстоит дело со свидетельствами многих тогдашних активистов. Так, Гретхен Дучке-Клоц, вдова Руди Дучке, передавая в 1985 году архив мужа в Федеральный архив, наложила на его использование третьими лицами бессрочный запрет. Опубликованные ею дневники Дучке изобилуют бесчисленными, толком не обоснованными купюрами, которые по большей части служат не законному желанию оградить частную жизнь от внимания посторонних, а приукрашиванию действительности.

Примерно в 1980 году руководство маоистско-сталинистской КПП, основанной в 1970-м, полностью уничтожило документы этой опереточной партии, всячески поддерживавшей насилие. При этом оно сослалось на аргумент, вполне отвечающий славной немецкой традиции: «Не следует ставить под угрозу будущие карьеры товарищей»²⁶. Один из лидеров этой группы, Вольфганг Швиджик, передал в Федеральный архив часть своих записей, относящихся к начальному периоду студенческих волнений и ограниченных во времени концом 1969 — началом 1970 года. Сведений о совместной поездке Швиджика и Йошки Фишера в 1969 году в столицу Алжира, где проходил конгресс солидарности с народом Палестины, в этих материалах нет; обойдены стороной и панегирики Сталину, которые Швиджик слагал в 1975 году²⁷. Боевые друзья и подруги из маоистской КПП, не разлучавшиеся вплоть до 1976–80-х гг., впоследствии заняли видное положение в обществе. В их число входят: вице-президент ФРГ,

* Известный политолог, юрист, член СДПГ.

главный редактор газеты Handelsblatt, уполномоченный по делам сект в Евангелической церкви Германии, влиятельный комментатор газеты Welt, председатель партии зеленых, профессор истории Восточной Европы, преуспевающий автор специальной литературы с выраженным философским уклоном, референт Фонда Конрада Аденауэра, правая рука президента Союза изгнанных Эрики Штайнбах... Список можно продолжить²⁸.

Заметать следы начали рано. И сегодня среди «бывших», случайно встретившихся на городском вокзале, в магазине деликатесов, во время ретроспективы в кинотеатре или по случаю закладки мемориального «камня преткновения»* в полной мере соблюдается кодекс молчания. Некоторые из них знают, кто именно при освобождении Баадера выстрелил в живот 62-летнему сотруднику библиотеки Георгу Линке; знают и то, что «в этой истории был замешан целый ряд людей, помогавших пересечь в другие машины и т.п., но в их отношении расследование не проводилось». Знают, но помалкивают. То же можно сказать и об участниках франкфуртского движения: официально до сих пор не установлено, кто именно 10 мая 1976 года изготовил и бросил «коктейль Молотова», нанеся опасные для жизни ожоги полицейскому Юргену Веберу. Между тем это известно многим. Омерта соблюдается свято²⁹.

Подобных примеров хоть отбавляй. В 1972 году я получил в «Красной помощи»** Западного Берлина 100 марок с напутствием: «Истрать и верни сумму через месяц». Было ясно, что это деньги из недавно ограбленного банка. В отмывании участвовали, считая это совершенно естественным, по меньшей мере 20 человек. Иные из моих тогдашних товарищей, когда я с ними заговариваю об этом случае, говорят, что помнят его; иные забыли.

Существуют, разумеется, еще и встречи старых революционеров в ресторанах, на службе и в домашнем кругу. Они

* Программа увековечения памяти жертв нацистских репрессий, послужившая образцом для российской программы «Последний адрес».

** Rote Hilfe — организация, занимавшаяся материальной помощью левым активистам.

ничем не отличаются от встреч ветеранов энной пехотной дивизии вермахта Великой Германии, которые я посещал ребенком вместе с моим отцом. Общая судьба связала бойцов на всю жизнь. Они пересчитывают выбывших, рассказывают о недавно умерших и вздыхают: «Снаряды ложатся все гуще». Летом 2000 года старейшины ССНС узнали — не в последнюю очередь благодаря «исследованиям господина Кнабе из Управления федерального уполномоченного по документации бывшего МГБ ГДР», — что в их легендарную организацию были внедрены агенты Штази. Далее они заслушали «доклад о прекращении работы биографической группы» и постановили: «Наше собрание омрачено безвременной кончиной нашей соратницы Биргит Шт. Поэтому намеченное ранее обсуждение темы “Глобализация”, к сожалению, не состоится». «Биографическая» группа несколько месяцев пыталась определить, кого сегодня следует считать «левым», и безуспешно выявляла специфические и особо примечательные черты сходства биографий членов ССНС³⁰.

Верить документам, а не ветеранам

Многочисленные попытки «бывших» облагородить их личную историю несколько не облегчают задачи ее написания. Из-за недостаточной четкости многих свидетельств, да и обычной склонности людей фильтровать собственные воспоминания, а также по принципиальным причинам методического характера я предпочитаю использовать источники, которые до сих пор не подвергались анализу. К их числу принадлежат документы, которые федеральное министерство внутренних дел и ведомство федерального канцлера (ВФК) вели под рубрикой «Молодежные волнения».

Поскольку с ежемесячных секретных «Справок» (Informationen) федеральной службы защиты конституции (ФСЗК) в период до 1976 года по моему ходатайству сняли секретность и передали их в Федеральный архив, эти документы теперь также доступны для изучения. Если вплоть до середины 1968 года отчеты ФСЗК о новых левых бедны фактами и скорее дезориентируют читателей, то в дальнейшем они становятся ценным и информативным источником,

которым могут воспользоваться, среди прочих, и историки. Конечно, просмотреть можно лишь небольшую часть этих бумажных кип; к тому же еще немало документов лежит в министерских регистрах. Все же, надеюсь, мне удастся набросать сравнительно адекватную картину поведения тогдашних государственных чиновников.

Кроме того, протестные выступления отразились в зеркале письменных свидетельств, оставленных профессорами, которые были вынуждены эмигрировать при национал-социализме, но затем вернулись домой, поскольку принимали близко к сердцу судьбу немецкой культуры и восстановление страны на демократических началах. Так как сам я с декабря 1968 года по летний семестр 1971 года не столько обучался в Институте Отто Зура* (ИОЗ) Свободного университета (СУ), сколько участвовал в протестах, я счел полезным обратиться к письмам и рукописям профессора Эрнста Френкеля и профессора Рихарда Левентала, которые там преподавали. Чтение этих двух необычайно содержательных архивов принадлежит к числу лучших моментов работы над настоящей книгой. Оно позволило мне задним числом ознакомиться с идеями моих учителей, которых в годы учебы я отвергал как «реакционеров».

Поскольку для поколения-68 ведущую роль играло понятие «антиобщественности» и как раз в то время утвердилась дешевая техника офсетной печати, удобная для немедленного тиражирования любых экспериментов, до наших дней дошли бесчисленные тогдашние листовки, газеты и брошюры. Многие образцы этой продукции хранятся в архиве «внепарламентской оппозиции» (APO-Archiv) Свободного университета Берлина. Они открывают нам мир, о котором с удовольствием вспоминают прежние активисты, рисуя — сдержанно или восторженно, — его крайне обобщенную картину. Лишь скрепя сердце они включают в эту картину некоторые странные детали. Чтение давних письменных источников — полузабытых, пожелтевших, напечатанных слепым шрифтом и всегда превеличенно крикливых, — стало для меня суровой проверкой на прочность. Писать о чужом прошлом не в пример легче.

* Кафедра политических наук Свободного университета.

Лишь после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году и похищения Шлейера в 1977-м*, после силового столкновения между демократическим государством и террористическими осколками движения-68, после фильма о холокосте, вышедшего на экраны в январе 1979 года, после исламской — а отнюдь не социалистической — революции в Иране и начавшегося распада Организации Варшавского договора большинство участников протестного движения сумели приспособиться к новым условиям. Окончательное завершение их реинтеграции в нормальное общество, которая подготавливалась не один год, а от многих потребовала еще долгих блужданий, ознаменовалось публикацией статьи Йошки Фишера «По дикому Курдистану»**. Эта статья, напечатанная в феврале 1979 года франкфуртской городской газетой Pflasterstrand, заканчивалась вздохом облегчения: «Вопросов будет еще много: к чему ведут события? что делать? Но ответов я не знаю и больше не хочу их знать», — писал Фишер³¹.

Тогда же Рихард Левенталь с удовлетворением отметил, что «подавляющее большинство радикалов отвернулись от необакунинского культа насилия, который исповедовали их кумиры Мао Цзэдун и Гевара», как и от «основополагающего представления о необходимости революционного свержения демократического строя». «То, что начиналось как “долгий поход через государственные институты”***, давно стало процессом интеграции бывших революционеров в общество, причем как раз через эти институты. [...] Анархо-террористов, которые в развитых государствах напоминают о себе до сих пор, уже нельзя считать воплощением очередной волны разрушительного насилия: это лишь человеческий мусор, выброшенный на берег предыдущей, давно схлынувшей волной»³². В сущности, начиная с конца 70-х новые левые — иные быстро, иные медленно, — стали возвращаться из мира фантазий в нашу рыночную и прагматичную эру, которая

* Промышленник Ханс-Мартин Шлейер был похищен, а затем убит группой террористов из «Фракции Красной Армии» (РАФ).

** *Durchs wilde Kurdistan* — название одного из знаменитых романов Карла Мая.

*** Известный слоган Руди Дучке, отсылающий к «долгому походу через Китай» Мао Цзэдуна.

определяет жизнь их детей. Нелегко объяснять собственным дочерям и сыновьям, что двигало тобой в годы молодости.

Учась в 1967–68 гг. в достаточно элитарной мюнхенской Германской школе журналистики, я внутренне сочувствовал протестам, но не принимал в них активного участия. Все изменилось после моего переезда в Берлин в ноябре 1968 года. Летом 1970 года меня избрали студенческим представителем в новоучрежденный совет ИОЗ, причем в качестве кандидата от «Красных ячеек» (Rote Zellen). В первой половине 1970 года я был одним из четырех редакторов газеты *Hochschulkampf* («Университетская борьба»), которая вскоре сделалась боевым листком недолго просуществовавшей маоистской партии «Пролетарская левая/Партийная инициатива» (Proletarische Linke/Parteiinitiative, PL/PI); с начала 1972 года по середину 1973-го я состоял в «Красной помощи» Западного Берлина.

РАСТЕРЯННОСТЬ И СЛАБОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Гибель Бенно Онезорга

В начале 1967 года сотрудники Федеральной службы защиты конституции (Кёльн) еще не замечали рождавшегося протестного движения. Явно скучая, они держали под колпаком давно известных врагов: разрешенную Социалистическую единую партию Западного Берлина (SEW), управляемую из ГДР; Государственный секретариат по западногерманским вопросам, действовавший в «советской зоне»; участников «Пасхальных маршей»*; запрещенную, но не слишком активно преследуемую КППГ, а также гамбургский ежемесячник *Aktuelle Frauenpost*, «руководимый коммунистами». Сотрудники спецслужб вели регулярную слежку за участниками кампании против войны во Вьетнаме; тогда эти протесты, еще не набравшие ход, контролировались старшими церковными инспекторами, левыми профсоюзами и функционерами Германского общества мира, пользовавшегося поддержкой ГДР.

На противоположном конце политического спектра ФСЗК следила за праворадикальными кругами, в первую очередь — за неожиданно возникшей и вскоре окрепшей Национал-демократической партией Германии (НДПГ). В 1966–1967 гг. эта партия прошла в ландтаги земель Нижняя Саксония, Бремен, Бавария, Шлезвиг-Гольштейн и Рейнланд-Пфальц, а в 1968 году собрала 9,8% голосов в Баден-Вюртемберге. Ее лидеры требовали защитить «национальную экономику» и, не отставая от социалистов, сетовали, что «сокращение субсидирования сельского хозяйства, отмена студенческих стипендий и рост налогов на предметы потребления угнетают “простого человека”»³³.

* Шествия пацифистской и антимилитаристской направленности, которые начиная с конца 1950-х регулярно проводились в ФРГ.

В месячном отчете, который ФСЗК завершила 6 июня 1967 года, спустя четыре дня после гибели Бенно Онезорга, не содержалось ровным счетом никаких сведений о центрах кристаллизации новых левых. Демонстрация 2 июня была направлена против посещения Берлина персидским шахом, снискавшим дурную славу восточного нефтяного деспота, которого поощряют США. Распоясавшийся шахский режим бросил в тюрьмы и выдал из страны десятки тысяч иранцев. Многие из них проживали в Германии.

Вечером 2 июня тысячи студентов собрались перед зданием Немецкой оперы. Сотрудники иранских спецслужб и немецкие полицейские разгоняли протестующих дубинками, и в это время прозвучал выстрел, причем не в давке перед Оперой, а во дворе одного из домов в Шарлоттенбурге. Пуля попала в затылок студента Бенно Онезорга. Стрелял переодетый в штатское сержант политической полиции Карл-Хайнц Куррас. В суде он не смог указать сколь-нибудь рациональную причину, которая оправдала бы его поступок даже с полицейской точки зрения. Тем не менее его оправдали, сославшись на «особое психогенное состояние». Куррас заявил: «Сожалею о гибели студента, но совпало так много обстоятельств, что в одиночку я с ними справиться не сумел». На одной из фотографий можно видеть, как сослуживец поздравляет Курраса перед зданием Уголовного суда района Берлин-Моабит. Оба от души смеются, радуясь успешному исходу дела. В суде следующей инстанции в 1970 году Курраса повторно оправдали, и до выхода на пенсию в 1987-м он продолжал служить в полиции Западного Берлина.

Спустя 20 лет Рихард Левенталь заметил: «Сомнительное приглашение сомнительного шаха. Не менее сомнительный бунт радикально настроенных студентов, часть которых была иранцами, скверно управляемая и скверно организованная полиция. Истерик-полицейский, который, столкнувшись с предполагаемым агрессором, выстрелил. Справедливо возмущенное большинство населения, прежде всего студенты, но не они одни»³⁴.

Полицейского офицера, руководившего операцией 2 июня 1967 года, звали Ханс-Ульрих Вернер. В 1939 году он вступил в СС, прошел курс по нацистскому мировоззрению

с оценкой «очень хорошо»; впервые отличился в 1943–44 гг. на посту командира роты военной полиции на Украине — в ходе антипартизанских карательных акций, которые обычно сопровождались массовыми убийствами гражданских лиц, не участвовавших в партизанской борьбе. Был награжден бронзовым нагрудным знаком «За борьбу с бандитами». После начала наступления Красной Армии перешел в марте 1944 года в штаб главнокомандующего силами СС и полиции в Северной и Средней Италии. Там он занял пост штабного политкомиссара. После 1945 года Вернер стал заместителем директора полицейской академии в Хильтрупте и соредактором профессионального журнала *Die Polizei*. Позже он перевелся в Берлин³⁵.

В 1967 году пост начальника полиции занимал член СДПГ Эрих Дуензинг. В 1936–1945 гг. он был кадровым офицером вермахта; в 1962 году возглавил полицию Западного Берлина, в которую систематически принимал на службу старых товарищей по вермахту и СС, включая сотрудников Главного управления имперской безопасности и бывших руководителей звеньев гестапо³⁶. Он ценил «боеспособные части, исполненные наступательного духа». Свою убийственную стратегию, которая была применена 2 июня, Дуензинг впоследствии охарактеризовал знаменитой фразой: «Демонстрация похожа на ливерную колбасу, верно? Значит, нужно рубануть посередине, чтобы ливер брызнул из кончиков».

3 июня Генрих Альберц, правящий бургомистр Западного Берлина, бывший сенатор по внутренним делам, «однозначно и безоговорочно» одобрил действия полиции. Он заявил, что гибель студента лежит на совести демонстрантов. Шпрингеровская ВЗ вышла с заголовком: «Сеющие террор должны готовиться к суровому отпору». Грубо искажая истину, полицейское управление заявило, будто Куррас «столкнулся с угрозой для жизни». После чего берлинский сенат запретил вплоть до дальнейших уведомлений любые демонстрации. Вице-председатель бундестага Рихард Йегер (ХСС) прокомментировал случившееся словами: «Ландграф, будь твердым!»* Заняв пост министра юстиции в правительстве

* Пословица, восходящая к легенде XII в. о ландграфе Тюрингии Людвиге II, которого простой кузнец призвал обуздать алчных баронов.

Эрхарда, Йегер неустанно выступал за смертную казнь, отчего получил прозвище Головореза Йегера. Он носил эту кличку с гордостью.

Принимая во внимание тогдашние обстоятельства, биографии ответственных лиц и их высказывания, трудно полностью разделить мнение Левентая. Гибель Бенно Онезорга, христианина и пацифиста, была не случайной: его убил потенциал насилия, возникший во время Второй мировой войны, а затем продолжавший накапливаться в обществе. С другой стороны, нельзя согласиться и с Оскаром Негтом, говорящем об «убийстве, которое организовало государство»³⁷.

МВД ищет зачинщиков

ФСЗК в своих текущих и последующих отчетах не проронила ни слова об этих событиях. Тем не менее 6 июня она упомянула две демонстрации против войны во Вьетнаме, состоявшихся месяцем раньше в Мюнхене и Франкфурте. В Мюнхене на демонстрацию вышли около тысячи человек, не так уж мало по тем временам; среди них был и автор этих строк, мирно осуществлявший свое конституционное право. Разумеется, я ни на секунду не задумался над исконно немецким чувством стиля организаторов: для протеста против американской интервенционной политики — выгодной для Германии! — они выбрали в точности 8 мая. Шествие завершилось перед зданием американского генерального консульства. Там около ста человек «прорвались со знаменами Вьетконга и портретами Мао и Маркса через оцепление, забросали полицейских из кордона яйцами, камнями, пакетами с мукой и краской и сожгли соломенное чучело, изображавшее президента Джонсона». Полиция задержала пятерых предполагаемых зачинщиков беспорядков.

Во Франкфурте события развивались более мирно. Около «двухсот молодых людей» с рупорами, плакатами и дымовыми шашками — по мнению ФСЗК, «главным образом члены ССНС, провокаторы и хиппи»³⁸ — попытались сорвать открытие недели германско-американской дружбы. По вполне понятным причинам официальная церемония состоялась 7 мая, в канун годовщины капитуляции Германии, и амери-

канская армия провела ее с военной пышностью. В отчете об этом событии агенты ФСЗК обошли молчанием самое интересное обстоятельство. А именно: с торжественным докладом «Сегодняшняя Америка в восприятии немцев» выступил Макс Хоркхаймер. Как создатель критической теории общества, у демонстрантов он пользовался большим уважением. В 1933 году Хоркхаймер был вынужден бежать в США, но после войны возвратился во Франкфурт; при этом он сохранил американское гражданство. В этот день, 7 мая 1967 года, ему с помощью некоторых слушателей удалось пресечь беспорядки. Хоркхаймер обратился к главарям протестующих. Он не стал оспаривать их право критиковать агрессивное поведение США, но напомнил («а теперь послушайте хорошенько»), что «мы бы не собрались тут и не могли говорить свободно, если бы Америка не вмешалась и в конце концов не спасла Германию и Европу от чудовищного тоталитарного террора»³⁹.

В отличие от Хоркхаймера, боннские бюрократы реагировали вяло. Они не знали, что следует предпринять в связи со студенческими волнениями. Пытаясь найти причины протестов, они выдвинули теорию заговора, управляемого извне. Через шесть дней после гибели Онезорга начальник отдела культуры и спорта МВД Карл-Ульрих Хагельберг распорядился собрать сведения о «берлинских событиях», сопроводив свой приказ таким комментарием: «Я исхожу из того, что фактические зачинщики и кукловоды связаны с коммунистическими и маоистскими группами, а их действиями, вероятно, так или иначе руководят с востока». Кроме того, Хагельберг намекнул на влияние серых кардиналов из университетской среды: «Очевидна негативная роль профессоров Гольвитцера и Вайшеделя». Функционер инстинктивно напал на двух человек, чье поведение при нацистах разительно отличалось от его собственного: Хельмут Гольвитцер был одним из выдающихся пасторов Исповедующей церкви*, философ Вильгельм Вайшедель — участником французского Сопротивления. Напор протестных выступлений Хагельберг объяснял при помощи категорий, которые были для него привычны издавна. Он хотел установить, не удалось ли «хорошо известным

* Христианское Сопротивление в нацистской Германии.

подстрекателям» «захватить власть» в больших студенческих общежитиях и «не выведут ли они на улицу сплоченную массу обитателей этих жилых комплексов»⁴⁰.

На 26 июня 1967 года МВД назначило совещание у заместителя министра, где должны были обсуждаться студенческие волнения. Были приглашены главы ведомства федерального канцлера, министерства общегерманских дел, федерального ведомства печати, министерства обороны, министерства по делам семьи и министерства образования. Вместе с приглашением был разослан документ, представленный на обсуждение. Его составил заместитель министра внутренних дел профессор д-р Вернер Эрнст. Он, как и Хагельберг, ссылаясь на фантазмагорическое «коммунистическое влияние и просачивание агентов из советской зоны», т.е. ГДР, и говорил о «деструктивном» поведении Гольвитцера и Вайшеделя; к списку лиц, замеченных в подрывной деятельности, он присовокупил и педагога Вильфрида Готшалха. Обо всех этих подрывных элементах Эрнст имел самое смутное представление, а имена двух последних записал в искаженном виде. Все трое преподавали в Свободном университете. Студенты любили их за леволиберальные взгляды, искренность, критическое отношение к современному обществу. Однако ни один из них не мог быть инициатором и тем более руководителем протестных акций. МВД явно поспешило отнести всех университетских преподавателей без разбора в тот же сомнительный разряд, куда были зачислены предполагаемые темные личности из «восточной зоны»: профессора-де сбивают студентов с пути истинного или пасуют перед смутьянами. Эти домыслы, продиктованные внутренней неприязнью, вели в неверном направлении.

Эрнст сетовал на недостаточный суверенитет культурных институтов и федеральной полиции. Он делал ставку на ужесточение системы экзаменов, которая «с первого же семестра принудит студентов-гуманитариев к напряженному труду», и на близкие каникулы: они-то уж «определенно» положат конец наваждению. Призрачная надежда Эрнста опиралась на предположение, что «волнения несут на себе печать несомненной психопатии, и можно ожидать, что со временем они сами обнаружат свою беспочвенность». Кстати,

годом позже в ведомстве федерального канцлера обсуждалось мнение «профессора-терапевта Шуберта, личного врача федерального президента»: он, в свою очередь, заключил, что беспорядки «следует трактовать как абсолютно “патологическое” явление»⁴¹.

Еще одной причиной студенческой строптивости Эрнст назвал «прискорбную слабость государства». Он доподлинно знал ее корни: «Слабость нашего государства проистекает прежде всего из его федеративного устройства, но не только из него: важную роль играют также чувства вины и раскаяния, которые мы после 1945 года заботливо пестуем, подавляя любые проявления чувства, внушаемого авторитетом государства»⁴².

Эрнст начал свою карьеру в 1936 году в Имперском министерстве труда, затем вступил в НСДАП, в 1938 году стал уполномоченным по жилищным вопросам. После войны он трудился в земле Северный Рейн-Вестфалия, участвуя в восстановлении страны; продолжил карьеру в должности судьи федерального административного суда, поднялся до поста заместителя министра строительства, а затем — заместителя министра иностранных дел. В апреле 1968 года Эрнст вместе со своим министром Паулем Люкке ушел в отставку и занял должность коммерческого директора в мюнстерском Центральном институте территориального планирования. С 2003 года премией Вернера Эрнста отмечают выдающиеся достижения в городском и региональном планировании. Преемником Люкке на посту министра внутренних дел стал в начале апреля 1968 года Эрнст Бенда.

Канцлер: обеспокоенный, но рассудительный

В отличие от заместителя министра МВД Эрнста, федеральный канцлер Курт Георг Кизингер (член НСДАП с 1933 года) хорошо сознавал масштаб проблемы. Но его обеспокоенность почти никак не проявлялась. 20 июня 1967 года ввиду «тревожных событий» он отправился в Берлин, где обсудил происходящее с правящим бургомистром Альберцем и, в частном порядке, со студентами. Поначалу канцлер хотел

встретиться еще и с Руди Дучке. Тот согласился, но с условием, что после встречи ему позволят зачитать политическое заявление для прессы⁴³. Из предложения главы государства ничего не вышло. Кизингер интересовался «причинами и отправной точкой» студенческих волнений, хотел помешать их «распространению на западную часть страны» и ускорить реформу высшего образования. Еще на посту премьер-министра Баден-Вюртемберга он основал университеты нового типа в Констанце и Ульме.

На следующий день, 21 июня, правительство сформировало специальную межминистерскую комиссию, которая должна была изучить проблему «молодежных волнений». Возглавил ее Бруно Хек (министр по делам семьи, ХДС), а членами комиссии стали: Георг Лебер (министр транспорта, СДПГ), Герберт Венер (министр общегерманских дел, СДПГ), Карло Шмид (министр по делам бундесрата, СДПГ), Герхард Штольтенберг (министр научных исследований, ХДС) и Хорст Эмке (заместитель министра юстиции, СДПГ); в состав комиссии, однако, не вошел министр внутренних дел. Вопрос о начале ее работы оставался открытым. Трудно поверить, но первое заседание состоялось только спустя одиннадцать месяцев⁴⁴. За это время прогремели (11 апреля 1968 года) выстрелы в Руди Дучке, а в ходе последовавших затем демонстраций в Мюнхене погибли два человека.

Кизингер по-прежнему проявлял заинтересованность, но мешкал⁴⁵. Его поведение можно резюмировать тем словом, какое он сам всегда использовал во взаимодействии с буйными, заносчивыми, колючими студентами: рассудительность. Он просил Клауса Шютца, преемника Альберца, унять направленный на студентов «народный гнев», явно накопивший в Берлине. Он называл протестующих «моими непослушными сыновьями» и приписывал им «известную склонность к заблуждениям». Столь мягкие оценки объяснялись воспоминаниями канцлера о собственных студенческих годах. В ту пору «мы», «молодежь 20-х годов», не устал твердить Кизингер, относились к политикам так же высокомерно, как сегодня наши студенты относятся к нам». Видимо, Кизингер вел себя столь осмотрительно по той причине, что когда-то сам, движимый юношеским радикализмом, «плохо

отличал национальное от националистического» и вступил в ряды НСДАП⁴⁶.

Он раз за разом отвергал жесткие меры, предлагаемые некоторыми высокопоставленными чиновниками. Начальник отдела МВД Хагельберг мог сколько угодно настаивать, чтобы государство наконец «показало свою силу», — реальных политических последствий его жалобы не имели. В тех случаях, когда эту силу все же удавалось продемонстрировать, люди из МВД не скрывали своего удовлетворения. Большую радость доставил им кратковременный захват студентами «уголовой комнаты на третьем этаже южного крыла» берлинского представительства бундестага*; вот как они рапортовали («вниманию г-на федерального канцлера!») об этом происшествии: почти сразу же «полицейские должным образом угостили дубинками и выдворили вон» нарушителей⁴⁷. В ведомстве федерального канцлера сотрудники штаба планирования, пораженные этим описанием, оставили на полях отчета негодующие вопросительные знаки. Они предупреждали, что «МВД более других» способствует пагубному впечатлению, будто правительство не «намерено по-настоящему вникать в причины происходящего». Именно поэтому чиновники из ВФК прибегли к помощи внешних консультантов — Макса Хоркхаймера, политолога Гилберта Цибуры, историка Ханса Буххайма и католического философа Хельмута Куна, которые предлагали нечто более содержательное, чем привычные *law and order***⁴⁸. Такие действия чиновников были возможны потому, что их поощрял Кизингер.

О неспособности протестующих видеть подлинное положение вещей свидетельствует лозунг ССНС, звучавший в январе 1969 года во Франкфурте: «Надавайте затрещин Кизингеру, терроризируйте террористов!» Среди пропагандистов подобных бредовых идей был Оскар Нетт, желавший посредством марксистского анализа доказать, что федеральное правительство находится в плену «террористического мышления, делящего мир на друзей и врагов», — мышления, которое «обосновал [...] Карл Шмитт, тайный советник

* Основное здание бундестага находилось в эти годы в Бонне.

** Закон и порядок (англ.).

Кизингера и идейный предтеча национал-социалистского переворота»⁴⁹.

5 февраля 1968 года канцлер провел совещание с однопартийцами из числа земельных премьер-министров и министров культуры, а также главами фракций ХДС/ХСС в ландтагах. Он хотел обсудить ситуацию в университетах. ХДС испытывал давление из-за успехов НДПГ, в Баден-Вюртемберге начиналась местная избирательная кампания. Кизингер призвал партийных грандов не ограничиваться негодованием и действовать твердо, не оставлять безнаказанными противоправные выходы радикалов, допускавших все более откровенные «проявления нигилизма и анархизма», и сделать «заметный шаг вперед» в реформировании высшей школы. В этом Кизингер усматривал главную задачу консерваторов. СДПГ, по его мнению, в новых условиях «испытывала трудности из-за своего левого крыла»; кроме того, ее «связь с государством в последнее время была нарушена».

Ничего интересного участники совещания не придумали. Премьер-министр Баден-Вюртемберга Фильбингер и баварский министр культуры Хубер дружно заявили, что нужно «поймать зачинщиков». Их коллега из Гамбурга поносил недостаточно мужественных профессоров. Хельмут Коль предложил неудачную зоологическую метафору: «Берлин — это паук, раскинувший паутину над Гамбургом и Майнцем», после чего констатировал «необходимость наверстывать упущенное, расширив присутствие» ХДС в университетах. Франц Амрен (председатель берлинского отделения ХДС) сожалел о том, что примиренческая политика сената, контролируемого СДПГ, превратила полицию в «неуверенный» и «бесхребетный» организм⁵⁰.

Карл Карстенс, глава ведомства федерального канцлера, подвел итоги этого совещания в довольно односторонней служебной записке, помеченной грифом «секретно». Он ухватился прежде всего за теорию заговора: «Рассадник находится в Берлине. Оттуда рассылают эмиссаров в другие университеты: в Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Марбург, Гейдельберг». В отличие от Кизингера, Карстенс полагал, что положение дел «в корне изменится», как только государство продемонстрирует свою власть. Впрочем, он сделал и оговорку в духе

своего начальника: «В целом причины волнений еще недостаточно проанализированы»⁵¹.

В 1969 году, сразу после избрания премьер-министром земли Рейнланд-Пфальц, Коль выступил против того, чтобы стратегия ХДС/ХСС ориентировалась только на порядок, дисциплину и нравственность. Он предупредил Кизингера, что чисто репрессивный подход «без убедительного проекта реформ» породит «новые кризисы». Коль решительно отверг предложение министра внутренних дел Эрнста Бенды лишать стипендии участников протестов: такая мера «выглядела бы наказанием малоимущих студентов, зависящих от пособий»⁵².

Протестные выступления застали государство врасплох. Его представители считали себя всего лишь управляющими некоего налаженного коммунального хозяйства. Когда 21 августа 1968 года после ввода советских войск в Чехословакию десятки демонстрантов осадили советское посольство, федеральное правительство направило туда ровным счетом семерых полицейских. Они прибыли с полицейского поста в Ремагене; посольство же располагалось в Роландзекке*. Поскольку Ремаген находится в земле Рейнланд-Пфальц, полиция Бонна (Северный Рейн-Вестфалия) не могла действовать там без особого распоряжения. Конституционные нормы не позволяли вмешаться и Федеральной пограничной службе; ближайшие казармы частей спецназа находились в восьмидесяти километрах, в Вуппертале; но командировать их из земли Северный Рейн-Вестфалия в землю Рейнланд-Пфальц можно было только в условиях общегосударственного чрезвычайного положения (Notstandsstaat), для которого мятежные студенты обычно использовали сокращенное именование «NS-Staat»: «национал-социалистическое государство». О таких мерах — и уж тем более о «фашистском аппарате насилия» — не могло быть речи.

Земельные министры предпочитали дистанцироваться от ректоров, вызывавших в университеты полицию. В образцовом Баден-Вюртемберге Фильбингера чиновники ради драгоценного мира закрывали глаза на демонстрации,

* Окраинный район Ремагена.

запрещенные судом; то же самое, судя по сообщениям прессы, происходило в Баварии. Ситуация вылилась в классическое «ни тпру ни ну». Наконец вовсе не Кизингер и его товарищи по партии, а Хельмут Шмидт, председатель фракции СДПГ, потребовал обеспечить исполнительной власти надежное «тыловое прикрытие». Социал-демократ Карло Шмид лично обратился к федеральному канцлеру с призывом «предотвратить распад государства» и положить конец «трусости должностных лиц». Вилли Брандт тоже потребовал «решительно задушить в зародыше [...] противоправные действия»⁵³. Вот вам и нарушенная связь с государством! Социал-демократы очень быстро превратились из заклятых врагов старой КПП в заклятых врагов новых левых радикалов. Тут же снова грянуло: «Кто у нас предатели — не социал-демократы ли?»*

* Речевка времен начала Первой мировой войны.

СИЛА В РАДОСТИ*, НАСЛАЖДЕНИЕ В ДЕЙСТВИИ

Марксизм с уклоном в психодраму

В отчете ФСЗК за июль 1967 года «движущей силой» беспорядков был назван ССНС. Сообщалось, что его члены распространяли «листовки противоправного содержания» и строили свои акции так, «чтобы они веселили студентов»⁵⁴. В августе 1967 года сотрудники ФСЗК снова вычеркнули новоявленных нарушителей спокойствия из своей повестки. Все внимание они по привычке сосредоточили на опасностях со стороны ГДР, хотя та отнюдь не сверлила их грозным взором, а скорее сонно помаргивала. Если в 1961 году были изъяты 12 миллионов экземпляров агитационной литературы из «восточной зоны», то в 1968-м этот показатель снизился до 600 000 экземпляров⁵⁵.

В сентябре ССНС снова, хотя и вскользь упомянут в ежемесячном отчете ФСЗК. Там указано, что этот союз «стремится установить связи с революционерами всего мира», особенно с движением «Black Power» в США и с левыми силами на Кубе и в Латинской Америке. «Коммуна-1», основанная Райнером Лангхансом, Дитером Кунцельманом, Фрицем ем и другими, поддерживает контакты с китайским посольством в Восточном Берлине и получает там «библии Мао», «которые продает по две марки за штуку»⁵⁶.

В начале 1968 года ФСЗК заказала берлинскому социологу Рене Альбергу экспертизу политической концепции ССНС57. Прошло несколько месяцев, и лишь после покушения на Дучке Альберг прислал довольно хлипкий документ. Он представлял собой компиляцию теоретических положений — Маркузе,

* «Сила в радости» — название объединения, занимавшегося организацией досуга граждан Третьего рейха в соответствии с нацистскими идеалами.

Маркса, Мао, — лежавших в основе протеста. Неожиданному расширению рядов мятежных студентов, привлеченных идеями ССНС, которые уже давно вызревали в небольших кружках, Альберг, однако, не уделил ни единой фразы. Причины нарастающих протестных выступлений не интересовали ни ФСЗК, ни ее экспертов⁵⁸. Они не стремились понять, отчего так много молодых людей вдруг решили, что совершают какой-то «прорыв»⁵⁹. Как только Альберг представил свою не слишком информативную записку, кёльнское ведомство поспешило разослать ее в срочном порядке — «курьерами!» — соответствующим чиновникам, тем самым лишь способствуя неадекватной реакции с их стороны.

ССНС был основан в 1946 году в качестве социал-демократической студенческой организации; согласно уставу, его члены должны были поддерживать идеи социализма. На первых порах к числу активистов ССНС принадлежали студенты, участвовавшие в войне, — в частности Хельмут Шмидт. Начиная со времени перевооружения ФРГ дороги социал-демократов и студенческого союза стали расходиться. После многолетних стычек из-за выраженного марксистского курса ССНС, социал-демократы, чья программа сдвинулась в сторону левого центра, в ноябре 1961 года объявили членство в союзе несовместимым с членством в партии. Еще раньше при партии было создано новое студенческое объединение: Социал-демократический университетский союз, — позже, однако, и он вышел из-под ее контроля. После вступления в декабре 1966 года в «Большую коалицию»* СДПГ окончательно перестала быть объединяющей силой в левой части политического спектра.

Оказавшись в изгнании, члены ССНС и близкие к нему партийные «старики» строили свои мессианские элитарные теории, поначалу не затрагивавшие большинства студентов. Еще летом 1966 года сознание этих молодых людей вполне соответствовало их буржуазному бытию. Тогда студенты Свободного университета устроили одну из первых сидячих забастовок, протестуя против «катастрофы в области образования». Они держали, среди прочих, такие плакаты: «Элита

* Первое в истории совместное правительство ХДС/ХСС и СДПГ.

творит нищету» и «Завтрашние великаны учатся сегодня в карликовых школах*»⁶⁰.

ССНС объяснял социально-экономические отношения противостоянием угнетателей и угнетенных, бюрократов и жертв, принуждением, наслаждением и отчуждением. Эта простая биполярная теория, взятая на вооружение союзом, была сопоставима со схемой «друзья-враги» периода «холодной войны». Успехи ФРГ в сглаживании социального неравенства стратеги из ССНС попросту отметили, считая их мишурой, мешающей видеть реальные властные отношения. Простые жизненные желания и скромные притязания обычных людей в их глазах ничего не значили.

На деле теория, призванная осчастливить мир голодных и рабов, несла свободу не «проклятьем заклеянным», а попавшим в трудное положение членам ССНС. Анафема, которой их предала СДПГ, стала для этих людей серьезным ударом, лишив их возможностей продвижения в аппарате СДПГ или в профсоюзной иерархии, которые до сих пор выглядели неоспоримыми. Они остались на бобах. Пришлось изобретать «практику преодоления системы», осыпать бравью аппаратные структуры, прежде служившие для них кормушками, а также работающих там «узколобых специалистов». «Мы считаем, — говорил Руди Дучке в октябре 1967 года, — что бюрократия представляет собой организацию, опирающуюся на насилие, и поэтому должна быть разрушена»⁶¹.

Составные части теории ССНС поблескивали то одной, то другой гранью — в зависимости от направления светового луча и от времени суток. В единое целое их собрали монтажники постарше, по большей части родившиеся во время войны. В дело пошла всякая всячина, которую удалось натащить из разных углов библиотеки. Они приладили друг к другу сочинения Карла Маркса, ленинское учение об империализме, волюнтаристские манифесты тогдашних антиколониальных движений и труды Франкфуртской школы, представленной Максом Хоркхаймером, Гербертом Маркузе и Теодором В. Адорно, с их критикой «ложного сознания».

* Игра слов. Zwergschule — школа (в сельской местности) с небольшим количеством учащихся.

Сварганив эту идейную композицию и придав ей определенную — адаптированную к немецкой специфике — связность, изобретатели покрыли свою работу толстым слоем защитного лака. Слой этот защищал от внешних влияний — точнее, от эмпиризма, который конструкторы из ССНС привыкли презрительно называть «плоским». Это объясняет, почему наведенный лоск продержался так долго. Подобную «крайнюю враждебность по отношению к фактам и бесплодный методологизм» Рихард Левенталь причислял к «удручающим аспектам радикализации идейных воззрений». В теоретизирующем чванстве новых левых он видел пристрастие к «нескончаемым спорам без вдумчивого изучения предмета», сумасбродную попытку приобрести способность «к самостоятельному мышлению без основательных знаний»⁶².

Как насмешливо писал Никлас Луман, новые радикалы в своем учении смешали «полпорции Маркса с целой порцией Франкфуртской школы (да еще и с прибавкой психодрамы)»⁶³. Правда, Хоркхаймер и Адорно держались от поколения-68 на расстоянии, но это не умаляло влияния их ранних сочинений. А оставшийся в США Герберт Маркузе стал для движения 1968 года идейным глашатаем. Его доходчиво изложенное учение отводило студентам ведущую роль в обществе, суля к тому же всевозможные веселые развлечения. Согласно анализу Маркузе, на революционный потенциал промышленного пролетариата развитых стран рассчитывать теперь не приходилось, — ведь дочь рабочего может делать себе такой же макияж, что и дочь эксплуататора, а сам рабочий в принципе может ездить на такой же машине, как его начальник. Все жители этих стран одурманены «репрессивной толерантностью», одурачены «сублимированным насилием» повседневного манипулирования, уведены в сторону от своих «настоящих потребностей» позолоченными путеводными нитями «индустрии сознания».

По мнению Маркузе, эту проблему едва ли сознает средний образованный человек, — ее понимание доступно только высоколобым интеллектуалам из развитых стран. Они способны прорваться сквозь сети утешительных «маскирующих взаимосвязей», сквозь «ложное сознание». Студентам в построениях Маркузе при этом отводится — не лестно

ли? — ведущая роль в рядах «революционной интеллигенции», поскольку они еще не интегрированы в общество через профессию и не испорчены потреблением. С помощью целенаправленных провокаций они должны заставить «господствующую систему» с ее человекоподобными «характерными масками» перейти от «сублимированного» насилия к насилию «открытому». Тогда задобренные и одурманенные массы постепенно осознают внутренне «репрессивную» сущность капиталистического государства и примкнут к студенческому сопротивлению.

Приведу слова Йоханнеса Аньоли, идейного вдохновителя восстания, позже ставшего моим учителем: «Когда организованный капитализм достигает государственно закрепленного и целостного состояния», «первым шагом к подлинной демократии становится актуализация классовой борьбы и дезинтеграция общества. Восстановление политического антагонизма — вот насущная задача внепарламентской оппозиции»⁶⁴. Это был призыв к нападению. И как только жертвы этого нападения начинали защищаться — например, обращались в полицию или прибегали к карательным мерам, — они «окончательно» себя «разоблачали» и подтверждали «теорию».

Мысль новых левых еще долго не выходила из порочного круга, защищавшего ее от любых возражений. Убийство главного федерального прокурора Зигфрида Бубака (1977) осудили почти все левые. Но не могли не сопроводить осуждение оговоркой: у прокурора не было заслуг перед демократией, он был частью репрессивной системы. Почему же? Потому, что он по долгу службы преследовал убийц из «Фракции Красной Армии», своих будущих палачей.

Как писал в 1967 году Маркузе, объединяться следует не рабочим капиталистических стран, приученным к сладкому неведению, а изгоям, маргинальным группам общества, — и, кроме того, угнетенному населению «третьего мира». Лозунг «Мир Вьетнаму» вскоре был признан «недостаточно политическим» и «чисто пацифистским», после чего демонстранты стали выступать за победу Вьетконга: сомкнувшись в плотные цепи и двигаясь почти бегом, они скандировали

«Хо-Хо-Хо-Ши-Мин». Мирное «We shall overcome» сменилось агрессивным: «Раз, двас — долой спецназ!»

Против «безысходного неистовства» нашего времени

Если лозунги, которые сегодня звучат по меньшей мере странно, позже стало нетрудно отбросить и забыть, то пресловутая стратегия маргинальных групп повлияла на судьбу многих бунтарей гораздо сильнее. Она оставила след в моей собственной биографии и в жизни многих моих тогдашних друзей, — точно так же, как в жизни Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Ульрики Майнхоф. В 1969 году Баадер и Энслин продвигали проект «Штаффельберг»^{***}: они оказывали помощь воспитанникам детского дома, бежавшим оттуда, и побуждали остальных также совершить побег; Майнхоф в 1969—70 гг. участвовала в создании фильма о беспорядках в детском доме для девочек, так и называвшегося: «Заваруха»⁶⁵. Сам я в 1973 году поступил на работу в управление по делам молодежи берлинского района Шпандау, чтобы в качестве руководителя молодежного клуба в новом районе Фалькенхагенер Фельд настраивать против государства его посетителей, в том числе и членов местного кружка «Освежись»^{***}. Среди нас были девушки, оставившие карьеру архитекторов ради преподавания в профессиональных училищах; учителя гимназии, перешедшие в общеобразовательные школы; кто-то пытался агитировать пациентов психиатрических больниц; некоторые, оставив академическую стезю, направились на предприятия или нашли какие-то другие формы сближения с «народом». Ни один из проектов, рожденных одной и той же основополагающей идеей Маркузе, не удалось реализовать в полном соответствии с первоначальными намерениями. В результате некоторые участники движения еще более бескомпромиссно порвали со своим прошлым, большинство же, включая меня, рано или поздно

* Мы победим (англ.).

** Название детского дома в городе Биденкопфе (Гессен).

*** Trink-Dich-Frisch, слоган Фанты в 1950—60-е гг. Этот кружок, видимо, посещали трудные подростки, боровшиеся с алкогольной зависимостью.

адаптировались к новой ситуации. Опыт работы с членами кружка «Освежись», с малолетними преступниками и даже убийцами, в 1976 году заставил меня сделать два вывода: «воспитание — это адаптация к общественному принуждению» и «для воспитателя молодежь не может быть объектом применения теорий»⁶⁶.

Согласно Маркузе, современный западный человек живет в условиях «бесконфликтной, разумным образом демократизированной несвободы». Похожий взгляд на вещи можно обнаружить у его учителя Мартина Хайдеггера. Отчасти эта установка проливает свет на «рецидив романтизма» (Левенталь), пережитый поколением-68, обнажает еще один корень его мышления. Хайдеггер также считал мир, где господствует техника, «пустым и ничтожным», уродливым порождением «безысходного неистовства»*. Отсюда восприимчивость философа к национал-социалистической идее крови и почвы, не выветрившейся из немецких семей и школ даже после 1945 года. В 1967 году Александр Шван указал на подспудную «самоидентификацию с государством фюрера», которая прослеживается в философских сочинениях Хайдеггера. В своих докладах Шван высказывался еще более резко⁶⁷.

Модель демократических советов, которую пропагандировали радикально настроенные студенты, фактически отсылала к романтическим представлениям Хайдеггера о желательном устройстве общества. «Безликие», «оторванные от жизни» парламенты, созданные по принципу представительства, молодежь мечтала заменить советами (Sowjets), которые в любой момент можно переизбирать. Такие учреждения должны были объединить интересы небольших, обозримых сообществ — отдельных предприятий, жилых округов, высших учебных заведений, — а на более высоком уровне сотрудничать друг с другом «на паритетных началах».

Эта концепция таит в себе пассивистическую мечту о старом добром сословном государстве. Как и она, фантазии

* Из «Введения в метафизику» (1935): «Россия и Америка суть, с метафизической точки зрения, одно и то же; безысходное неистовство разнужданной техники и построенного на песке благополучия среднего человека» (перевод О. Гучинской).

о советах исходили из представления о неподвижном состоянии современных индустриальных обществ: в предприятиях видели статичные, сравнительно небольшие и устойчивые единицы экономики, а не хозяйственные подразделения, которые вынуждены, чтобы не потерпеть крах, безостановочно расширяться, искать партнеров в разных странах мира, постоянно изменять ассортимент продукции и местоположение производства. Идея демократических советов была продиктована страхом перед слишком быстрыми переменами, перед свободой как таковой, она была обусловлена потребностью в регрессии, защищающей от грозного будущего, дарующей стабильность, «мнимую теплоту стойла», которую обеспечивают ясные и предсказуемые общинные отношения.

Об этой одержимости неподвижностью свидетельствует беседа, состоявшаяся в октябре 1967 года между Руди Дучке, Берндом Рабелем и Кристианом Землером, с одной стороны, и Хансом Магнусом Энценбергером — с другой. Без тени иронии революционный квартет рисовал желанную картину общества, состоящего сплошь из небольших коллективов, «свободных от обезличивания» и «численностью не более двух-трех тысяч человек, которые, таким образом, не утрачивают непосредственной связи друг с другом». Все четверо участников, нисколько не шутя, пришли к выводу, что «стоит и вправду взвесить вопрос, не следует ли людям проживать на фабрике». Примеры подобной практики они почерпнули в истории Парижской Коммуны 1871 года и какой-то итальянской стачки 1920 года⁶⁸.

Потребность в теплоте «сословной» сплоченности сказалась — и сказывается по сей день — на облике левых демонстраций: за колонной учительского профсоюза следует колонна геев и лесбиянок, далее, плотно сомкнув ряды, идут врачи, борющиеся с атомной угрозой, «красные медсестры», сквоттеры, Совет по освобождению женщины*, объединение «Серо-зеленые пантеры»**, альтернативная

* Феминистская организация, созданная в 1968 г.

** «Серые пантеры» — небольшая политическая партия, существовавшая в 1989–2008 гг.; интересовалась среди прочего экологическими проблемами.

левая группа одного из городских районов, фронт инвалидов-колясочников, хозяева небольших магазинов, следующие принципу справедливой торговли, экофермеры левых взглядов и т.д. и т.п.

Постоянно звучавшее в 1967–68 гг. требование равного — по одной трети — представительства профессоров, ассистентов и студентов в органах университетского самоуправления вытекало из того же архаичного регулирующего принципа, характерного для сословного общества. А ведь демократия в высшем учебном заведении принципиально отличается от корпоративной «справедливости», уравнивающей права студентов, ассистентов и профессуры — соответственно нижней, средней и верхней части конструкции (в Берлине вскоре добавились в качестве четвертого сословия «прочие служащие», т.е. персонал, не занимающийся научной работой). Наука определяется понятиями свободы, идеи и результата. Для успеха ей нужны несложные, профессионально целесообразные, легко изменяемые иерархические структуры, конкуренция и прозрачность, а вовсе не механизмы по производству равенства и справедливости.

Болтовня о советах лишь мешала увидеть, как сильно поколение-68 и в этом пункте тяготело к немецким традициям, враждебным свободе, исходящим из идеала безопасности и общественной гармонии. Холодной структурной жесткости конституционного государства оно противопоставляло идею уютной домашней общности. Идея эта отвечала тому же фундаментальному сословному принципу, который в 1933–45 гг. ярко проявился в таких организациях, как Имперская палата фармацевтов, Национал-социалистический механизированный корпус, Имперская лига женщин, Имперское земельное сословие и т.д.

Оргазм протеста и общий котел коммуны

Многие члены ССНС — например, Райнер Лангханс, Бернд Рабель, Руди Дучке и Ян-Карл Распе — выросли в ГДР. Тамозний социализм был им знаком и ненавистен. Впрочем, эту ненависть они разделяли с покушавшимся на Дучке Йозефом

Бахманом (род. 1944), который тоже был родом из ГДР и напал на свою жертву со словами: «ах ты грязная коммунистическая свинья». Напротив, их западные ровесники и те, кто эмигрировали из ГДР в ФРГ рано, в детстве и юности сталкивались главным образом с наставниками иного типа, к которому принадлежали заместитель министра МВД Вернер Эрнст и начальник полиции Эрих Дуензинг. И тот и другой вид жизненного опыта способствовали наклонности левых украшать заново открытый марксизм, осуждаемый в ФРГ, гирляндами антиавторитаризма и анархо-синдикализма.

Американские хиппи внесли в этот идейный коктейль свой пряный ингредиент. «Твоя и только твоя среда, твоя и только твоя жизнь, товарищеская взаимопомощь, твоя и только твоя область деятельности. Телесные потребности, как бы они ни проявлялись, не будут подавляться...» — мечтал Дучке. В миролюбивых калифорнийских детях цветов и марихуаны Дучке порицал лишь то, что они «упустили из виду вопрос о власти»⁶⁹. Упоение простой, раскрепощенной жизнью в сочетании с волей к власти прекрасно отвечало стереотипам национальной истории, из которых немецкое поколение-68 черпало дополнительные силы. В этом поколении нашли продолжение жизнестроительские идеи немецкого молодежного движения*, культурный пессимизм, напор экспрессионистско-футуристических акций, а также (право) элитарные традиции немецких студенческих союзов периода Веймарской республики, требовавшие политической активности. Католический философ Хельмут Кун, вернувшийся после войны из американской эмиграции, в начале 1968 года отмечал, что немецкое студенческое движение содержит «мощную примесь» ценностей и идей, «восходящих к поздне-романтическим, антидемократическим и антииндивидуалистическим мечтаниям об общности, которые были свойственны XIX веку и вскормили равным образом противников этого движения, фашистов»⁷⁰.

В условиях неизменного противостояния советского коммунизма и западного либерального общества достижений привлекательной альтернативой тому и другому оказалась

* Движение первой трети XX века.

идейная мешанина, соединявшая критику современного мироустройства, коллективистские пристрастия изгнанников из социал-демократического лагеря и личный опыт трансгрессии. От ее приверженцев прежде всего требовалось революционное преодоление собственных буржуазных предрассудков («ломка ложного сознания»). Поскольку такое преодоление могло дать результат лишь «в конкретном действии», одновременно начались протесты против «истеблишмента», против политики стариков. Эти протесты лучше всего выражал лозунг: «Не доверяй никому старше тридцати!» Критический дух времени был следствием не какой-то целостной, оформленной идеологии, а скорее общего «недовольства» (Богом и миром). На удивление расплывчатое понятие протеста, которое в те времена упоминали к месту и не к месту, обнаруживает внутри себя свою противоположность — достигнутую удовлетворенность. Она ведет к наслаждению обывательским единением — к общему котлу коммуны, вокруг которого и должны сплотиться все те, с кем, как выразился Райнер Лангханс, «можно разговаривать на одном языке».

Опираясь на этот фундамент, уопеение протестом постепенно набрало силу, проявляясь в предпочтении антибуржуазной, бродячей жизни, а позже — в откровенном вандализме. Этому способствовали и внешние обстоятельства. Студенток и студентов, которые прежде обращались друг к другу на «вы» («фрейлейн Дрейер», «герр Шмидт»), а к профессорам, в их приемные часы, — с упоминанием ученого звания, книксенами и поклонами, на экзамен же являлись в галстуках и в плисированных юбках, обуял дух весеннего пробуждения от спячки. В 1971 году одна леворадикальная монография все еще сообщала как о чем-то сенсационном: «Студенты начинают обращаться друг к другу на “ты”»⁷¹. Молодежь наслаждалась новыми формами близости и соответствующими театральными эффектами. Утопический лучший мир, в котором, по Маркузе, будет достигнуто «умиротворенное бытие», забрезжил в настоящем. Со своей стороны Герберт Маркузе, которого 10 июля 1967 года чествовали в аудитории Макса Каде Свободного университета, был готов оказать духовную поддержку студентам: «Даже если мы не видим, что противостояние

власти нам помогает, все равно нужно продолжать — да, нужно продолжать, если мы хотим по-человечески трудиться и быть счастливыми, — а в союзе с системой это невозможно»⁷².

Сказывался еще и специфически мужской порыв к пляскам на «обезьяньей скале»*, завешанной плакатами с изображениями Че Гевары и Карла Маркса. Революционное единение и сексуальная революция, достигшие западногерманских университетов одновременно, окрыляли друг друга. Тут обнаружилось диалектическое противоречие, естественным образом подхлестывавшее процесс: в те годы на трех студентов приходилось самое большое по одной студентке⁷³. На фотографиях ранних коммун, хэппенингов, конференций делегатов ССНС и массовых мероприятий всегда можно видеть одну и ту же картину: по меньшей мере трое бурно жестикулирующих, пыжащихся бунтарей, окружающих красивую женщину, которая обычно хранит выжидательное молчание. В условиях постоянного сексуального возбуждения журнал konkret всегда был готов предложить что-то на любой вкус. От сухих научных рассуждений «О женском оргазме» до сочной стихотворной продукции Вольфа Бирмана: «В придорожные кусты мы отбежали, / Ее тело на траву я положил...» Последняя строка рифмуется с «пока достало сил»⁷⁴.

Ведущий сексолог ССНС Раймут Райхе, отпрыск прусского офицерского рода, сопровождал происходящее маршем научной легитимации: «Фрейд сумел выявить “сильных индивидов” среди тех, кто отклоняется от общепринятых норм, разглядеть в них “энергичных и независимых деятелей или оригинальных мыслителей, бесстрашных освободителей и реформаторов”». По мнению Райхе, именно таким мужчинам с раздутым петушиным гребнем удастся избежать неврозов, «потому что они не склоняются перед принятыми в обществе нормами (сексуальной воздержности)». Трах-тарарах! Это революционное преобразование, направленное и на себя, и на других, преследовало довольно нехитрые цели. Бывший председатель ССНС Райхе знал, о чем говорит. В том же выпуске журнала konkret, где он воспевал бесстрашных, телесно одаренных бугаев-освободителей, рекламировалась акция:

* Подразумевается скала в обезьяньем вольере берлинского зоопарка.

«Каждой девушке — противозачаточные таблетки»⁷⁵. Статью Райхе еще не успели набрать, как подоспела отповедь женского совета франкфуртского филиала ССНС: «Не думайте, что мы будем стоять разиня рот! Даже если мы его откроем, из этого у вас ничего не выйдет! Когда мы открываем рот, нам его тут же затыкают: мелкобуржуазными мужскими причиндалами, социалистическим насильственным траханьем, социалистическими детьми, любовью, социалистической заброшенностью в мир, всякой высокопарщиной, ненасытной социалистической похотью...» Заключительная фраза подводила итог предельно коротко и ясно: «Лишите левых кардиналов их буржуазных причиндалов»⁷⁶.

Эта характерная для тогдашнего времени смесь революционного пыла и мужской похоти наложила отпечаток на отчет Бернда Рабеля «Секс и воспитание на Кубе». Летом 1968 года автор в обществе примерно сорока немецких единомышленников совершил специальное образовательное путешествие на — воспользуемся заголовком из журнала *konkret* — «красный остров сахара»,⁷⁷. В то время как рядовые товарищи обоего пола были вынуждены сажать кофейные кусты и не покидать территорию трудовых лагерей, руководители ССНС Рабель, Райхе и Лефевр на правах официальных гостей государства остановились в отеле. Позже Рабель с восторгом вспоминал, что кубинец удовлетворяет «сексуальное влечение» более «жизнерадостно», чем его товарищи по полу других национальностей. Не осталась без внимания и тема революции. Вскоре наш путешественник вновь очутился «в вихре карнавала», и там к нему обратился с вопросом молодой кубинский рабочий: «У вас в Германии тоже есть горы? Что ж, начинайте тогда освободительную борьбу»⁷⁸.

Даже в отчетах о леворадикальных группах, которые подготавливала ФСЗК, грызня их членов и принимаемые ими демонстративные позы, их фанаберия, внутренние расколы и акты усмирения послушников предстают чем-то вроде козлиных брачных танцев. Вот как в конце 1969 года сотрудики ФСЗК характеризуют положение дел на уровне правления ССНС, а также отношения между местными отделениями: «Удо Кнапп пренебрежительно отзывается о работе» его коллег Клауса Бенкена, Удо Рихмана и Буркхарда Блюма

и «хочет требовать их отставки». Это требование «поддерживает Моника (Мона) Штеффен». Бенкен и Блом струхнули, оставили руководящие посты и обещали заняться «черновой работой».

В то же время лидеры гейдельбергского филиала ССНС Ханс-Герхарт (Йоша) Шмирер и Гюнтер Мангольд потребовали «разгромить» и «отправить в архив» правление союза. Оно, по их мнению, представляло собой «социал-демократический пережиток», воплощение «немощи», — не исключая и самого Кнаппа. Гейдельбержцы требовали «расчистить площадку». По данным ФСЗК, они заняли осторожную позицию на следующем совещании союза, которое состоялось в Оденвальде, и «во время дискуссии вели себя сдержанно»⁷⁹. Начавшийся чуть позже процесс распада леворадикальных организаций на мелкие и совсем крошечные группки подчинялся той же логике. Шмирер стал председателем Коммунистического союза Западной Германии; на новом посту он сохранил привычку изгонять конкурентов-мужчин, обвиняя их в «реформизме»⁸⁰.

В сущности, давно назрела необходимость учесть в критическом, научно-материалистическом анализе поведения членов ССНС врожденную склонность любого самца пометать свою территорию. По мере того как регулирующие и сдерживающие условности, богатые тонкими оттенками, сметались с пути, на первый план закономерно выдвигались поведенческие шаблоны, свойственные животным. С преодолением «буржуазности» женский протест сразу же влился в общее протестное движение на правах «новой открытости», и дело пошло веселей.

Недвусмысленные следы происходившего можно найти в протокольных записях, которые сегодня всем противно читать. Отпугивает уже развязный, нарочито доверительный тон. Возьму для примера брошюру «Жизнь в коммуне. Проблема или решение?»; из нее хорошо видно, чем все это обернулось. Брошюра переиздавалась шесть раз издательством Direkt. Вот что в ней можно прочесть о «границах нежности» (дело происходит в одном гамбургском общежитии):

«К.: Ну, разрыв — для меня этого как-то не существует. Если мне кто-то нравится, я хочу с ним переспать. Пока

не было возможности переспать с парнями [из общежития], но легко могу это представить.

Г.: Ну а я вот не могу. [...] Что мне в тебе, например, нравится, так это что ты, например, сама проявляешь инициативу и можешь меня поощрить, то есть не избегаешь определенных мест, а берешься, например, прямо за брюки и гладишь мой член, сам бы я о таком не думал ..., есть такие вещи, ну, которые тоже связаны со страхами и где сам я могу выпутаться, только если действовать напрямую. Это такие вещи, которые просто происходят сами по себе ... и у меня бывает иногда еще чувство, что с Клаудией какие-то вещи тоже могут получиться — помимо Карин, — которые раньше как-то не получались».

Получалось все на свете. «Как-то». Включая и достижения в чисто материальной сфере. В данном конкретном случае таким достижением стало открытие чайного клуба. Там встречались шапочно знакомые члены ширящегося левого сообщества, причем обязательно звучал вопрос: «А в политике ты чем сейчас занимаешься?» Автор брошюры, интересующийся проблемами и решениями, тоже не может не спросить: «Что же дальше произойдет с чайной в содержательном плане?» Ответ прост: «Она должна стать центром общения для людей, которые действительно хотят вести полезную деятельность, да. И вся эта деятельность будет связана с альтернативным движением, да»⁸¹.

Революционные сознательные группы* в действии

Подобные «бортовые журналы», теперь заброшенные, ориентировались на вполне серьезный образец — книгу записей «Коммуны-2» за 1969 год. Участники этой старейшей берлинской коммуны, — включая обаятельного Ян-Карла Распе, в 1970 году переметнувшегося во «Фракцию Красной Армии», — поставили крайне рискованный эксперимент над собой. Едва успев начать совместный анализ своих любовных

* Bewusstseinsgruppe, «группа сознания, сознательная группа» — термин Руди Дучке.

отношений, разногласий, жизненных историй, травм и желаний, они потерпели неудачу. Последний написанный ими коллективный документ — попытка внести вклад в изучение вопроса: «Существует ли способ, позволяющий буржуазным индивидам преодолеть свое буржуазное происхождение и соответствующее устройство психики в такой степени, что бы перейти к постоянной практической деятельности?»⁸²

Концепция революционного самообразования не требовала централизованного руководства. В этом заключалось ее преимущество, этим объясняется ее действенность. Только так и можно было сколь-нибудь успешно «расшевелить», как тогда выражались, «окаменелые» отношения. Методы различались в зависимости от местной специфики. Так, в Берлине высоко за спиной у правящего бургомистра Клауса Шютца, пока тот спорил с рассерженными студентами, был поднят хамский плакат: «Нами правят кретины! Вздор молоть, лупить дубинками людей — может ли быть политика глупей?» — но это не имело серьезных последствий. Зато в швабском Биберахе безобидная песенка, исполненная во время одного из мероприятий предвыборной кампании Кизингера, произвела эффект взорвавшейся бомбы. Стишки «Майский жук летит, весна, во Вьетнам пришла война, а у нас тишь да гладь, ХДС, можешь спать» не на шутку встревожили и кандидата, и полицию, и всех жителей городка⁸³.

Такого рода акции, разнохарактерные, но преследующие общую цель, организовывались неформальным образом и, несмотря на постоянный — противоречивый и проникнутый сексуальным подтекстом — коммуникативный обмен, почти не координировались друг с другом. В чад событий быстро сменялись действующие лица. «Революционные сознательные группы» (Дучке) охотно принимали новичков. Их объединяла простая идея: мы больше не соблюдаем правила игры — мы ведем свою собственную игру. Контакты поддерживались от случая к случаю, в ходе «пропаганды действием»⁸⁴. Одно время эти объединения метко именовали «летучими» группами (группами «ad hoc»). В дальнейшем их деятельность — сочинение и печатание листовок, расклейка плакатов и рисование лозунгов — трансформировалась в акции иного рода, направленные так или иначе, в зависимости от вкусов

собравшихся, на расширение сознания, — совместное курение гашиша, эротические эксперименты, обычное слушание музыки или увлекательные товарищеские беседы по вечерам. Участники не ставили специальных задач, не следовали заранее намеченному плану. Несмотря на хаотичный характер акций, вовлеченные в них молодые люди действовали с уверенностью сомнамбул, как бы по общему плану.

Во время захвата помещения семинара германистики Свободного университета участники акции обсуждали вопрос, какие лозунги следует написать на стенах. Клаус Хартунг заявил, что сначала нужно эти лозунги согласовать и лишь затем можно будет переносить — в брехтовском смысле — «идеи из голов на стены». Противоречие между наслаждением и учебной по самостоятельно составленному плану он попытался преодолеть, указав, что «учебные группы и музыка впредь будут неразрывно связаны друг с другом». Фриц Тойфель поддержал его мысль, сделав акцент на том, что «революция должна доставлять радость»; Ульрих Энценсбергер хотел «обязательно выразить наше недовольство осязаемым образом — например, на стенах». Хартунг, напротив, предложил ввести мораторий на лозунги, поскольку «любое решение будет проявлением сталинизма по отношению к отсутствующим». Все же стены были украшены рекомендациями такого типа: «Студент, не будь доверчив и прост: дергай начальников за буржуазный хвост». Семинар несколько дней носил название Института Розы Люксембург, захватчики стащили из библиотеки целый ряд ценных книг, а ночью, как сокрушенно отмечал директор Петер Вапневски, спали вперемежку на надувных матрасах и в спальнях мешках, «устраивались — и женщины, и мужчины, — с революционным удобством, наслаждаясь свободой, какой обучение в университете до сих пор не предполагало»⁸⁵.

В свободных объединениях, в анархистских акциях было что-то живое, резко контрастирующее с бездушным, рациональным фасадом тогдашнего немецкого государства. Казалось, они предвосхищают свободные ассоциации независимых индивидов, как их описал, или, лучше сказать, в общих чертах обозначил Маркс, увенчавший ими свою утопическую картину мира, где исчезнут отношения господства. Каждый

был волен искать себе место по душе, постоянно его меняя, — среди бунтующих бродяг, подсевших на гашиш, посетителей курсов марксизма, в группах, срывающих публичные мероприятия, на случайных массовых слетах, на концертах, в «специализированных» пивных — наконец, и в обычной, все еще буржуазной жизни. Математики издавали «Красный вектор», филологи-германисты радовались лозунгу: «С размаху по науке хряснем — был голубым цветок, стал красным!»; филологи-романисты писали на транспаранте «Просыпайся, друг-студент, едет красный ассистент!», а на демонстрациях полицейским кричали: «На улице вы короли, а в койке сущие нули!»

Основные политические идеи молодежное движение черпало из теорий ССНС, критикующих капитализм и империализм. Их обобщенный характер позволял «критически усомниться» в чем угодно, не чрезмерно утруждая себя аргументами. Это тоже было приятно. История создания магазина политической литературы «Polibula» в Гёттингене показывает, как просто тогда подходили к делу. На Страстную пятницу 1970 года коллектив основателей сколотил фанерные стеллажи и подготовил магазин к открытию: «критическую теорию положили слева, ревизионизм справа, проблемы классовой борьбы — посередине, а свободную любовь пристроили у кассы. Вдобавок из кассетного магнитофона неслись “Страсти по Матфею”: не все члены коллектива успели распрощаться с высокой буржуазной культурой»⁸⁶.

Вскоре акции стали сопровождаться насилием — например, битьем окон. Для этого, разумеется, нужно было перешагивать через пороги терпимости, высоту которых каждый определял сам, находить достаточные побудительные причины и нравственные императивы. О превращении буржуазного индивида в участника борьбы за общее дело можно судить по гамбургской листовке, датируемой февралем 1968 года: «Во Вьетнаме детей каждый день сжигают напалмом, а мы не смеем даже запустить камнем в окна американских учреждений вроде генконсульства США и т.п.!!!»⁸⁷ Уличные побоища, кровопролитие, разбитые оконные стекла — все это придало деятельности нового левого сообщества «физическую осязаемость». Руди Дучке назвал происходившее «непрерывным процессом обучения активистов». Так крепили группы

самообразования, экспериментировавшие — для утверждения или опровержения чего бы то ни было, — с наркотиком «прямого действия». Не слишком жесткие полицейские преследования лишь сильнее спланивали эти группы.

1 февраля 1968 года в Большой аудитории берлинского Технического университета состоялись слушания «дела Шпрингера». Мероприятие было предварено показом фильма об изготовлении и применении «коктейлей Молотова»; фильм этот завершался крупным планом высотного здания в Берлине, где размещалось издательство Шпрингера. Позже показ повторили. Докладчик как бы вскользь упомянул, что помимо центрального офиса существует 21 филиал концерна⁸⁸. Претенциозная — как в графическом, так и в литературном отношении, — листовка объявляла о «выпуске облигаций антишпрингеровского займа». О доходности «ценных бумаг» говорилось следующее: «Проценты определяются самими владельцами и могут в любое время дня и ночи быть обналичены посредством совместных действий, направленных против высотки Шпрингера в Берлине и любых филиалов шпрингеровского концерна». В конце автор, придумавший выпуск облигаций и текст в целом, задавал вопрос: «Чего вы ждете? Щепетильность по отношению к врагу равнозначна жестокости по отношению к революции»⁸⁹. Уже на следующую ночь обвинители перешли к делу. Аксель Шпрингер позвонил председателю бундестага Ойгену Герстенмайеру и спросил: «Что мне делать?»; Герстенмайер посоветовал подать заявление о преступлении⁹⁰.

В своей книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арентс описывает процесс, в ходе которого от объединений, опирающихся на тоталитарное мировоззрение, откалываются новые и новые мелкие группы, стремящиеся к еще большему радикализму и идеологической чистоте. Она называет эти группы фасадными организациями. Так, НСДАП последовательно произвела СА, СС, СД, вспомогательные войска СС, подразделения «Мертвой головы» и т.д. По такой же схеме движение 1968 года, исповедовавшее общий культ насилия, породило небольшие террористические группки. Вскоре их члены, снискавшие известность на местных леворадикальных сценах, начали повсюду сеять страх и ужас, зверствовать и убивать.

Хотя лишь немногие протестующие примкнули позже к «Фракции Красной Армии» (РАФ), «Движению 2 июня», «Революционным ячейкам» и феминистской организации «Рыжая Зора», можно утверждать, что терроризм был порожден именно мятежом 1968 года. От акции гамбургской группы «Команда “зеленый июнь” — революционные декораторы», уничтожившей сад председателя местного земельного суда ядовитыми химикатами, было не так трудно перейти к массовому насилию, прямо направленному на людей. Трудно отрицать более или менее реальный вклад протестного движения в общее расширение свобод — демократизацию, защиту прав женщин и сексуальных меньшинств, рост экологической сознательности, вообще во все доброе и прекрасное. Сегодня бывшие товарищи по борьбе, напирая на эти заслуги, используют террористические группы типа РАФ или особенно несимпатичных персонажей вроде Андреаса Баадера в качестве козлов отпущения, с помощью которых можно отвлечь внимание от собственных неприглядных слов и поступков. Но история РАФ не так интересна, как совместные первые шаги поколения-68.

В полной мере любовь этого поколения к насилию проявилась после пасхального восстания, последовавшего за покушением на Руди Дучке в Страстную пятницу 11 апреля 1968 года. Волнения начались тем же вечером, и в них ежедневно принимали участие от 5000 до 18 000 молодых людей в 26 городах ФРГ. Во время осады мюнхенского книгоиздательского комплекса, в котором печатался местный выпуск газеты Bild, студент Рюдигер Шрек и фотокорреспондент Клаус Фрингс были убиты брошенными булыжниками. Вопреки противоположным гипотезам следственной комиссии, которую создала внепарламентская оппозиция, практически нет сомнений в том, что камни бросали демонстранты.

Спустя два дня Кизингер назначил встречу с представителями Объединения немецких студенческих обществ (ОНСО; Verband Deutscher Studentenschaften), которых разрешил доставить в Вюртемберг на военном самолете. Он хотел побеседовать и с представителями ССНС — однако поставил условием, чтобы те публично заявили об отказе от актов насилия по отношению к людям и материальным объектам. Лидеры

ССНС отвергли это компромиссное предложение⁹¹. Студенты и их неформальные лидеры, настроенные после гибели Бенно Онезорга еще более радикально, очертя голову бросились в борьбу. Об этом 30 апреля 1968 года рассказал, опираясь на гораздо более пространный отчет ФСЗК, выступивший в бундестаге министр внутренних дел Эрнст Бенда. Вот отрывок его впечатляющей речи, явно далекий от преувеличений⁹²: «В Мюнхене акции радикального меньшинства привели к гибели двух человек. До сих пор единственной группой из причастных к акциям, публично признавшей, что разделяет ответственность за эти бессмысленные смерти, стал Либеральный студенческий союз (Liberaler Studentenverband). Вице-председатель ССНС Франк Вольф выразил сожаление в связи с гибелью журналиста Фрингса, но тут же заявил, что теперь не время “распускать нюни”. Господин Малер — как он сам утверждает, адвокат по профессии, — в связи с гибелью Фрингса заметил, что “возможность подобных несчастных случаев принималась в расчет с самого начала”. Отвечая на упреки потрясенных студентов, он сказал: “Мы никого не считали настолько тупым, чтобы объяснять это публично. Садясь за руль автомобиля, я должен учитывать, что может лопнуть шина”».

Руководители ССНС открестились от высказывания Малера. Не называя по имени его автора, пользовавшегося в их среде общим уважением, они заявили, что «настойчиво сравнивать теперешнюю политическую ситуацию, сопряженную с насилием, с опасной зоной уличного движения, — без сомнения, абсурдно»⁹³. Критика со стороны Бенды была куда более определенной: «По-моему, скорее уж можно сопоставлять цинизм, с каким гибель от брошенного булыжника уподобляется несчастному случаю на производстве, и поведение человека, сажающегося за руль в пьяном виде. У него, конечно, нет специального намерения лишить других людей жизни, но он знает или должен знать, что его поступок может с высокой вероятностью повлечь за собой такие последствия. Согласно действующим у нас правовым нормам, такие действия преступны. Если же совершающий их учитывает заранее, что его поступок может привести к несчастному случаю со смертельным исходом, и все-таки не воздерживается,

то в правовом отношении он действует с косвенным умыслом, *dolus eventualis*, который наказуем так же, как прямой умысел на убийство».

Далее Бенда обрушился на руководителей франкфуртского отделения ССНС, зачитав боевые призывы, распространявшиеся ими 15 апреля: «Формируйте бригады захвата, включая в каждую 12 мужчин: они должны будут выдергивать и избивать особо ретивых полицейских. Поджоги перевернутых автомобилей и бросание “коктейлей Молотова” отныне признаются мерами вынужденной самообороны. С чего бы нам бояться ткнуть полицейскому пальцами в глаза?» Кроме того, министр внутренних дел процитировал франкфуртского функционера ССНС Удо Рихмана, который «после мюнхенских «событий, повлекших человеческие жертвы», не нашел ничего лучшего, как заявить: «Жаль, что во Франкфурте сгорели два супермаркета; я предпочел бы увидеть, как огонь пожирает издательство *Societät* и американское генконсульство»⁹⁴.

ВЫХОД ИЗ БЕДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Партизаны, учителя-палочники, блюстители нравов

Международная ситуация с каждым днем лишь усиливала присущий студентам моральный ригоризм. В аналитической записке «Молодежные волнения», составленной в 1968 году, МВД обозначило наиболее сложные проблемы в этой области. Так, любой аргумент, приводимый в пользу продолжения войны во Вьетнаме, сразу же интерпретировался студентами как оправдание действий США. В 1967–68 гг. освободительные движения в десятках стран — Анголе, Мозамбике и других — пытались свергнуть колониальное иго. Страны Латинской Америки, «заднего двора США», страдали от своих жестоких тиранов. За десять дней до открытия в Мехико летних Олимпийских игр 1968 года студенческие демонстрации, требовавшие демократизации государства, были разогнаны войсками. Во время резни 2 октября 1968 года солдаты на бронетранспортерах врзались в толпу и стреляли по демонстрантам; в общей сложности было убито около 500 человек. Игры все же состоялись, как будто ничего не произошло.

В США в эти же годы не раз вспыхивали негритянские восстания: равноправие американских граждан, провозглашенное законодательно, нужно было отстоять на деле, преодолеть расовую сегрегацию в школах. Среди 17 500 студентов, учившихся в Колумбийском университете Нью-Йорка, к началу 1968 года насчитывалось равным счетом 77 человек с черным цветом кожи⁹⁵. После того как 6 апреля 1968 года был убит Мартин Лютер Кинг, генеральный консул Германии в Чикаго докладывал: «Итоги трехдневных негритянских волнений, крупнейших в этом городе за несколько последних десятилетий, таковы: в городской черте сосредоточены

12 000 солдат Национальной гвардии и регулярной армии; погибли 10 человек, 500 ранены, 3 000 арестованы; сожжены сотни зданий»⁹⁶.

В Европе ситуация также была непростой. На Пиренейском полуострове еще правили фашистские диктаторы Салазар и Франко; испанский режим применял гарроту для казни своих противников, участвовавших в акциях сопротивления. Министерство иностранных дел докладывало о студенческих волнениях в Испании: «Правительство и студенты находятся в состоянии войны друг с другом. Действия правительства отличаются слепой жестокостью»⁹⁷. В Греции, входившей в состав НАТО, в апреле 1967 года произошел военный путч: к власти пришли «черные полковники», которые на глазах у западных союзников казнили и подвергали пыткам своих противников.

ФРГ старалась сохранять с западноевропейскими диктатурами нормальные дипломатические отношения. Могло ли государство-правопреемник Третьего рейха, пользовавшееся дурной славой и находившееся в международной изоляции, вести себя иначе? Сегодня этот груз прошлого, наверное, сочли бы смягчающим обстоятельством. Сегодня, но не тогда: поэтому власти и реагировали соответствующим образом. Так, в 1967 году ректорат Боннского университета отказался предоставить Генеральному студенческому комитету (Allgemeiner Studentenausschuss, AStA), официально избранному органу студенческого представительства, помещение для политической дискуссии «Диктатура в Греции». Как объяснил свое решение проректор, нехорошо было бы «критиковать внутреннюю политику дружественного государства»⁹⁸.

В июне 1967 года разразилась так называемая Шестидневная война: Израиль сражался с Египтом, Сирией и Иорданией. В результате Суэцкий канал оказался на восемь лет закрыт для судоходства, и это стало зримым символом хрупкого состояния тогдашнего мира. Наведя друг на друга атомные ракеты, два враждующих блока сохраняли рабочую температуру глобальной политики на нулевой отметке; в то же время на мировых окраинах полыхало яркое пламя. Мечтая о народно-освободительной войне, Руди Дучке писал:

«В начале 1958 года в мире можно было насчитать двадцать три восстания. 1 февраля 1966 года — уже сорок»⁹⁹.

Леворадикальная повестка гласила: чтобы освободить человечество, нужно соединить борьбу в промышленно развитых странах с борьбой на мировой периферии. Тезис выглядел перспективным и нравственно оправданным. Как заявил главнокомандующий вооруженных сил США генерал Уильям Уэстморленд, при необходимости американские ВВС «разбомбят» Северный Вьетнам, опрокинув его «в каменный век», — если, конечно, тот не «попросит пощады». Несмотря на столь варварские угрозы, вьетконговцы, воевавшие в Южном Вьетнаме, пощады просить не собирались: напротив, в январе 1968 года они начали Тетское наступление и организовали в Сайгоне недолгий, но символически значимый штурм одного из крыльев здания, в котором размещалось посольство США.

Как в 1967–1968 гг. справедливо констатировала ФСЗК (впрочем, несколько поспешившая успокоиться), смутьяны из студенческой среды держались на расстоянии от известных коммунистических организаций старого типа, поддерживаемых ГДР. Сближение с замшелыми партийцами могло испортить удовольствие от революции. По данным осведомителей, Руди Дучке воспользовался 17 июня 1967 года — днем, который был объявлен в ФРГ нерабочим в память о жертвах восстания 1953 года в ГДР, — чтобы выступить с резкой критикой «террористических и бюрократических методов, применяемых коммунистическими режимами в Советском Союзе и Восточной Германии». В своем дневнике Дучке записал: «Впервые от нас исходит требование “второй революции” для ГДР, Восточной Европы и С[оветского] С[оюза]»¹⁰⁰. Правда, согласно записи Штази, сделанной в январе 1967 года, он уже давно называл «социализм в ГДР не иначе как дерьмовым»¹⁰¹. Осенью 1968 года ФСЗК, почти не скрывая радости, рапортовала: «В настоящее время не приходится ожидать солидарных действий коммунистов и ССНС»¹⁰².

17 июня 1967 года во Франкфурте, в день, свободный от учебных занятий, ССНС объявил о создании «Центра действий независимых и социалистических школьников»

(Aktionszentrum unabhängiger und sozialistischer Schüler, AUSS). Петер Брандт, старший сын Вилли Брандта, выступил с докладом «Почему погибло семнадцатое июня», поместив тему в контекст «холодной войны». Как сообщало ФСЗК, собравшиеся гимназисты выдвинули два требования: коренным образом реформировать «патриархальную школьную структуру, не изменявшуюся с конца XIX века», и ввести в школах «полноценное сексуальное просвещение, раскрывающее вопрос во всей широте, включая извращения в этой сфере». Прежде всего юный Брандт требовал выдачи противозачаточных таблеток всем половозрелым девушкам и «прекращения сексуальной дискриминации учащихся со стороны школьного начальства»¹⁰³.

Многие учителя по-прежнему прибегали к насилию в отношении школьников. В силу тогдашних юридических норм, опиравшихся на старое имперское правосудие, они могли бить учеников, поскольку это разрешалось «обычным правом». Недаром в 1969 году франкфуртские школьники и студенты предупреждали: «Впредь учителям-палочникам мы будем давать отпор палками!»¹⁰⁴ Лишь в октябре 1970 года баварский ландтаг одобрил следующее ходатайство (о полноценном законе речь еще не шла): «Просим федеральное правительство запретить применение телесных наказаний в баварских школах и организовать психологическую помощь для особо трудных детей». В 1972 году школьные власти Гамбурга объявили телесные наказания оправданными лишь постольку, поскольку они «умеренны, соразмерны провинности и, кроме того, преследуют воспитательные цели». Показательно, что в 1970 году 60-летний гамбургский учитель набросился с кулаками на практикантку, которую принял за школьницу. Она получила сотрясение мозга и была вынуждена целый месяц провести на больничном. В 1975 году в федеральное правительство поступил малый запрос* о телесных наказаниях в школе. Правительство успокоило авторов запроса, указав, что в настоящий момент право учителей прибегать к наказаниям «в значительной степени» ограничено соответствующими административными предписаниями

* Запрос депутата бундестага к правительству, поддержанный фракцией.

федеральных земель. Но при этом оно отказалось ввести однозначный уголовно-правовой запрет — «во всяком случае, прямо сейчас или в ближайшее время»¹⁰⁵.

Иначе обстояли дела в ГДР. В феврале 1952 года Верховный суд лишил школьных учителей права использовать телесные наказания. Его постановление решительно отвергает практику «реакционного имперского правосудия»: «В Германской Демократической Республике воспитание должно ориентироваться на принципы прогрессивной педагогики. С применением телесных наказаний в качестве воспитательной меры следует беспощадно бороться». Суд взял подрастающее поколение «под особую защиту», безоговорочно запретил «старые, изжившие себя воспитательные методы» и сделал телесные наказания в школе уголовно наказуемыми¹⁰⁶.

Не столь резко, но все же заметно различалось в двух немецких государствах и школьное половое просвещение. В этом отношении детям из «восточной зоны» тоже повезло. В ГДР Вальтер Ульбрихт лично потребовал на V съезде СЕПГ в 1958 году «просвещения, отвечающего человеческой природе», чтобы уберечь детей от «трудностей и конфликтов». С тех пор в школах ГДР проводились уроки полового воспитания¹⁰⁷. Невозможно представить, чтобы Аденауэр, западный противник Ульбрихта, отважился на подобные высказывания. Когда в 1966 году в ФРГ стали «все больше», и притом публично, обсуждать проблему включения в школьный учебный план «так называемого “просвещения в вопросах пола”», Германская ассоциация семьи активно этому воспротивилась и сочла, что «разговор о сексуальной гигиене» должен в первую очередь быть задачей родителей.

Впрочем, к концу 1966 года Школьная комиссия при Постоянном совещании земельных министров культуры (КМК) все же рискнула «провести экспертизу» вопроса. В ноябре 1967 года федеральная земля Гессен выпустила директивы касательно сексуального просвещения в школах. Они должны были вступить в силу в начале 1968/1969 учебного года и считались «самым смелым начинанием в сфере школьного образования со времен войны». Директивы предусматривали обсуждение на занятиях «щекотливой проблемы сексуальных извращений». Излагая детали гессенского

указа, газета *Welt am Sonntag* выразила опасение, как бы эти предписания «не напугали до смерти некоторых добропорядочных отцов семейства». Председатель земельного профсоюза работников образования и науки счел информирование выпускников народных школ о самом факте гомосексуальности не чем иным, как «откровенным совращением» подростков. Профсоюзная совесть функционера велела ему воспрепятствовать тому, чтобы учителей скоропалительно и бездумно «отряжали заниматься подобным делом». Он считал чистым «авантюризмом» проведение с «сельскими подростками, практически детьми», бесед «о сущности и причинах проституции в больших городах»¹⁰⁸.

После того как гимназистами прочно овладели протестные настроения, КМК в конце 1968 года приняла решение рекомендовать введение уроков сексуального воспитания, предполагая, что в дальнейшем эта рекомендация будет поэтапно реализована с помощью распоряжений земельных министерств образования. В конце 1969 года «обязательный новый предмет: половое воспитание» ввела Бавария. Этот поворот стал следствием общественного давления. Внезапно было признано, что директивы начальства «продиктованы насущной политической ситуацией». Впрочем, даже в сравнительно прогрессивном Гессене новшество вводилось неторопливо. Летом 1969 года Кете Штробель, социал-демократка и федеральный министр здравоохранения, издала первый официальный атлас для уроков сексуального воспитания, составленный Федеральным центром санитарного просвещения. Иллюстративный материал ограничивался схематичными рисунками. Даже Хильдегард Хамм-Брюхер, заместительница земельного министра культуры, известная своим реформаторским пылом, реагировала с раздражением: эту книгу «я не дала бы моей 14-летней дочери». КМК подчеркнуто держала дистанцию. Одно из земельных министерств поначалу не разрешало использовать атлас для преподавания. Автор рецензии, опубликованной в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, возмущался «гнусным языком» и употреблением слова «Lust» (вожделение, сексуальное наслаждение)¹⁰⁹. В конце 1970 года Федеральный центр санитарного просвещения предложил земельным министер-

ствам разослать в школы брошюру Тобиаса Брохера «Психосексуальные основы развития» в качестве «опытного пособия для учительских библиотек»*.

Коричневое видение в Нойкельне

Молодежь ФРГ жила в стране, где грудь Хильдегард Кнеф** была не менее табуирована, чем коммунистическая партия, и где ГДР нельзя было так и называть: ГДР. Эрих Менде (СвДП), до конца 1966 года остававшийся на посту вице-канцлера, гордо носил рыцарский крест, которым его наградила Адольф Гитлер. Владельцы гостиниц и домохозяйки, сдававшие жилье внаем, навлекали на себя подозрение в сводничестве, если селили в двухместном номере неженатых; внебрачные дети и их матери вплоть до 30 июня 1970 года были ущемлены в правах, а геи и лесбиянки считались преступниками. Во время парламентской избирательной кампании христианские демократы поносили кандидата от СДПГ Вилли Брандта, называя его незаконнорожденным и эмигрантом, читай: предателем родины. Активисты ХСС расклеивали плакаты с надписью «...по плодам их узнаете их». На них красовался портрет дородного «проф. д-ра Людвига Эрхарда», а рядом паспортная фотография человека в мундире: «Вилли Брандт, майор норвежской армии в Берлине 1946 года». Ниже значились названия книг, опубликованных двумя авторами: под изображением Эрхарда — «Всеобщее благосостояние» и «Немецкое общее дело», под изображением Брандта — «Преступники и другие немцы» и «Партизанская война»¹¹⁰.

Благодаря моей школьной учительнице географии фройляйн Бугш, уроженке восточной Пруссии, я получил исчерпывающие сведения о Куршской косе и удивительном янтарном берегу возле Пальмникена***, но ничего не узнал о Зауэрланде****. В каждой школе висели плакаты Федераль-

* Подробности содержатся в соответствующих актах конференции земельных министров культуры; Barch, В 304/3124/3125/3151.

** Немецкая актриса и певица (1925–2002).

*** Ныне поселок Янтарный.

**** Горная область на западе ФРГ. Автор подразумевает, что знал родной край хуже, чем земли, отпавшие от Германии в результате войны.

ного центра политического образования, на которых Германская империя, окрашенная в черный, красный и золотой цвета, изрезанная барьерами из колючей проволоки, была изображена в границах от Ахена до Кёнигсберга. Над картой вилась пламенеющая надпись: «Разделенная натрое? Никогда!» В официальных документах утверждалось, что Бреслау и Данциг временно находятся «под польским управлением», Кёнигсберг и Тильзит — под советским.

Порывая с этими косными представлениями, ССНС летом 1964 года решил признать границу по Одеру — Нейсе и существование двух немецких государств, а также установить контакты с Союзом свободной немецкой молодежи — государственной молодежно-студенческой организацией ГДР. Эти шаги ССНС еще больше способствовали его разрыву с СДПГ.

Министр внутренних дел то и дело призывал телевидение делать «объективные» репортажи, т.е. близкие к позиции правительства¹¹¹. Иоахим Фест, будущий соредактор FAZ, излишне либерально вел тележурнал *Rapogama*: к нему придирались и вынудили в 1967 году уволиться. В конце 1966 года после безобидного пешего шествия по Курфюрстендамм берлинский сенат заявил: городу не нужны «отлынивающие от работы провокаторы». Ректор Свободного университета заявил, что шокирован «экстремистами»: «На лацканах пиджаков у молодых радикалов были значки с портретом китайского партийного вождя Мао»¹¹². В общем, вызвать у властей застойного государства-обрубка неадекватную реакцию было совсем нетрудно.

Вскоре протестующие с поразительной регулярностью начали именовать это государство либо пост-, либо протофашистским, либо, используя не вполне четкий термин, — (потенциально) фашизоидным. Важную роль здесь играли умонастроения западногерманского общества, привыкшего следовать за большинством. Не столько в государстве, сколько именно в обществе еще бродили остатки нацистской отравы. Люди привыкли обсуждать спорные вопросы сварливым тоном и с недоверием относились к самой идее свободы. И то и другое усиливало протестные выступления молодежи и оказывало существенное воздействие на их характер. Один

из шпрингеровских колумнистов объявил настоящим скандалом тот факт, что летом 1965 года представители студентов Свободного университета осмелились устроить в его стенах выступление Гизелы Май* из Восточного Берлина, исполнившей зонги Брехта, — саму певицу он назвал «правовойерной, фанатичной коммунисткой, которая с особенным пафосом приветствовала воздвижение стены». В список прегрешений «путаников» было внесено и приглашение «экзальтированного левого литератора Эриха Куби», чьему выступлению еще раньше, до появления в университете Май, сумел, слава богу, воспрепятствовать «его превосходительство профессор Люэрс», «сославшись на право пользования помещением в соответствии с уставом»¹¹³.

Куби должен был произнести речь 8 мая 1965 года, по случаю двадцатой годовщины капитуляции Германии — даты, в ту пору никак не отмечавшейся, поскольку федеральное правительство желало, чтобы этот день был посвящен «спокойному размышлению». Воля правительства, среди прочего, побудила ректора Свободного университета не допустить выступления Куби, автора книги «Русские в Берлине», которая заслуживает внимания и сегодня. «Не получивший четкой оценки день капитуляции» был символом «многих других болезненных противоречий в самоидентификации ФРГ»¹¹⁴. Потребовалось еще двадцать лет, чтобы Рихард фон Вайцзеккер — спустя сорок лет после военного поражения — нашел, выступая в бундестаге с речью о Второй мировой войне и преступлениях Германии, должные слова, которые впервые были одобрены большинством немцев. Впрочем, до сих пор не получил официального признания тот факт, что наибольшие жертвы во время войны понес СССР, на который Германия напала.

Во время торжественной смены ректората 9 ноября 1967 года двое гамбургских студентов развернули транспарант, впоследствии ставший знаменитым: «Мантии прикрыли мерзость тысячелетней гнили». Один из облаченных в мантии — профессор исламоведения, доктор философии и теологии Бертольд Шпулер — не смог «сдержаться», воскликнув: «Им всем место в концлагере»¹¹⁵. Ученая карьера

* Актриса театра и кино (1924–2016).

этого господина началась в Гёттингене в 1939 году. Поскольку нацистская Германия установила с арабами особо дружественные отношения и хотела, с одной стороны, выйти через Кавказ к Басре, а с другой — продвинуться в Северной Африке к Суэцкому каналу, Шпулер тогда стал весьма востребованным молодым специалистом.

19 августа 1967 года в берлинском районе Нойкельн студенты-активисты пережили коричневое видение прошлого. Они пытались сорвать американский военный парад, перегородив улицу и раздавая зрителям листовки против войны во Вьетнаме. Американские солдаты остановились и топтались на месте. Затем вмешались полицейские и публика. Газета *Telegraf* рассказала, как задерживали демонстрантку Йаэль Ботш. «Из толпы неслись обычные крики: “Коммунистические свиньи”, “Идите работать” и “При нацистах вас бы отправили в газовую камеру”, а госпожа Ботш в ответ прокричала: “Совершенно верно, я еврейка”». Полицейская пресс-служба, как и можно было ожидать, заявила, что некоторых демонстрантов, оказавшихся в зоне действия полиции, «задержали для их же безопасности». Согласно занесенным в протокол показаниям студентки Сабины Гольдбах, на нее набросились от 30 до 40 человек. «Из толпы кричали: “Свинья ты, а не студент”, “Вас надо отправить в трудовой лагерь”, “При Гитлере такой сволочи, как вы, вмиг не стало бы”, “Езжайте на восток, там узнаете, что такое диктатура”, “В газовую камеру всех”». Участница демонстрации Карин Кландат сообщила, что жены призывали мужей пустить в ход кулаки и, окружив одну из полицейских машин, где сидели несколько задержанных, кричали: «Отдайте их нам! Мы знаем, что с ними делать!»

Депутат от ХДС Карл-Хайнц Шмиц не преминул выразить «искреннее восхищение» жителями района Нойкельн, которые не стали безучастно наблюдать «наглые действия анархистских и террористических меньшинств» и «нашли приемлемый способ вмешаться»¹¹⁶. Спустя две недели один из редакторов газеты *Zeit* спросил Шмица, считает ли он побои законным средством в борьбе с инакомыслящими. Тот ответил: «Да, если гражданину не изменяет здоровое

чувство меры». Интервьюер не отступался: «Значит, кулаки — достойная защита от оскорблений?» Шмиц: «Иногда вполне оправданная»¹¹⁷.

Авторы бранных писем, адресованных в те дни «крючкотвору» Хорсту Малеру, сыпали недвусмысленными угрозами. Какой-то аноним писал «адвокату Коммуны»: «Старый плут, жди неприятностей! У тебя двое внебрачных детей». Еще один, заменивший свою подпись лаконичным знаком свастики, сулил защитнику «всего дьявольского отродья — Тойфеля, Лангханса, Дучке» неизбежную расправу: «Вас еще припрут к стенке, жалкая грязная свинья!» Кто-то грозил «сровнять с землей» офис Малера¹¹⁸. Следуя общим настроениям, газета Bild 6 февраля 1968 года поместила рядом с броским заголовком «Остановите террор красной молодежи» фотографию Дучке. Через пять недель в Руди Дучке стреляли.

Между «кацетле»*, застоем и модернизацией

Все это весьма своеобразно соотносилось с жизненным опытом студентов. Скажем, те из них, чье детство прошло в пятидесятые годы в швабском Леонберге, знали, что судетские беженцы ютятся в «Малой Варшаве» и «Малой Москве». То, что это названия бывших лагерей для поляков и русских, стало им известно гораздо позже. Следом за Шламковыми, Биношеками и другими изгнанниками, которые перебрались в щитовые новостройки и в новые населенные пункты, в лагеря вселились итальянские гастарбайтеры или, как тогда говорили, «фремдарбайтеры». Со временем зеленые деревянные бараки отслужили свое. В годы войны в городке размещались 7000 заключенных, занятых принудительным трудом, а в 1950-х годах более половины населения составляли беженцы. Для них построили католическую церковь — разумеется, без колокольни.

Вечером жители городка любили встречаться в районе Блосенберг. Так и сговаривались обычно: «Двигаем в каце-

* Диалектное (южнонемецкое) название концлагеря.

тле». Там был поставлен желтоватый оштукатуренный крест из бетона, и люди постарше еще помнили, как в начале 1950-х неподалеку от этого креста были эксгумированы около четырехсот трупов, причем один из них почти не разложился. Слово «кацетле», которое мы, дети, не могли расшифровать и которое употреблялось просто как обозначение территории, на деле обозначало вспомогательный лагерь Энгельбергтуннель, входивший в состав концентрационного лагеря Нацвейлер-Штрутгоф.

Еще в одном швабском городке школьники, бегавшие в лесу кросс, финишировали у «польской липы»; она называлась так потому, что в 1942 году на ней в присутствии горожан повесили двоих поляков, вступивших в запрещенную любовную связь с «арийками». Жители Леонберга ничего не могли рассказать о злодеяниях военного времени, разве только о преступлениях против немцев. В Дрездене во время английских бомбардировок «более 300 000 человек сгорели заживо»: вот это число, завышенное в десять раз, знали все. У кого-то две тети потеряли на войне мужей, у кого-то итальянские партизаны расстреляли дядю («в нарушение международного права»), другой дядя погиб под Хайлигенбайлем*. У кого-то беда случилась в соседнем доме: отец семейства лишился ноги или руки. Что и говорить: война всегда ужасна.

Среди детей насилие и садизм были в порядке вещей. Сегодня газеты не замедлили бы разразиться возмущенными вопросами: «Почему общество так долго закрывало глаза на происходящее?» Тогда эти вопросы мало кого интересовали, — ничего удивительного, если вспомнить, что совсем недавно 18 миллионов мужчин, рожденных именно этим обществом, прошли по всей Европе, стреляя, грабя и убивая. Словом «юденфюрцле»** называли маленькие новогодние хлопушки, а также сухие побеги клематиса, пригодные для курения. В классе было 56 детей, и если они поднимали шум, то это сравнивали «с еврейской школой»; о захлавленной комнате говорили: «как у готтентотов». Культовые лазурные

* В настоящее время Мамоново (Калининградская область).

** От Jude, «еврей», и furzen, «пукать».

велосипеды для мальчиков изготавливала фирма Vaterland*. Если дети докучали родителям просьбами, которых те не хотели или не могли исполнить, ответ был следующим: «Не получишь, клянчи хоть до посинения (букв. «до газа», *bis zur Vergasung*)!» Эта поговорка, тогда широко распространенная, вошла в обиход уже в 1920-е годы. Считается, что она отсылает к опыту применения ядовитых газов в Первую мировую войну или просто к изменению агрегатного состояния вещества при повышении температуры. Но после того как дети узнали о газовых камерах, использовавшихся немцами в 1940—45 гг., она не могла не внушать им ужас.

Помню, еще в 1956 году ремонт школьного туалета был предметом гордости школьного директора Штаймле, который демонстрировал обновленное помещение каждому классу после возвращения с каникул; вскоре, однако, повсюду выросли гимназии и спортзалы, а грунтовые дороги были заасфальтированы. По местным меркам Штаймле был важной фигурой; его сын заведовал окружным судом, а младший брат Ойген, как я узнал позже, был начальником айнзацгруппы, действовавшей на территории Советского Союза. Фермеры по-прежнему вспахивали поля на лошадях. Навозные кучи поначалу можно было видеть даже в районном центре. Затем они исчезли, близлежащие пашни были застроены домами. Директор одной из леонбергских школ, страдавший сильным кашлем, время от времени сплевывал зеленую мокроту в раковину и приказывал одной из девочек, сидевших за передними партами: «Смой!»

Я всегда посещал уроки религии и любил этот предмет. Когда настал срок моей конфирмации, все шесть членов семьи отправились за 150 километров на север к пастору, который был дружен с моей тетей. Там нас, детей, крестили, а родителей соединили церковным браком. Я не скоро понял, какая ошибка была тем самым исправлена. Дело, без сомнения, было в том, что мои родители к моменту их свадьбы в 1942 году перестали быть членами церкви.

Описанную ситуацию можно считать типичной для большей части ФРГ. Бернвард Веспер в романе «Путешествие»

* Отчество.

рисует еще более драматичные события. Его крестили в схожих обстоятельствах.

Западный Берлин заметно отличался от других земель ФРГ более раскованными общественными отношениями, долго оставаясь в глазах мятежных студентов оазисом либерализма и реформаторского духа. В этом крылась еще одна причина его привлекательности для молодежи. Если посмотреть на ситуацию с другой стороны, можно сказать, что в 1960–70-х гг. ФРГ экспортировала молодых людей, возмущенных застоем, в сравнительно свободный Берлин, где можно было жить без назойливого контроля со стороны собственных соседей. Там-то спасавшиеся от репрессий беглецы и пускались во все тяжкие. В сложившейся ситуации политики вроде Фильбингера или Штрауса постоянно осмеивали некомпетентных, с их точки зрения, берлинских руководителей, которые были обескуражены привозной чумой и грызлись друг с другом из-за неспособности решить, нужно ли продолжать хорошо себя зарекомендовавшую политику поощрения реформ или в определенной мере предпочесть реакционную жесткость, более характерную для юга Германии.

Если вдуматься, консервативным западным землям давно следует выплатить репарации Западному Берлину, считая, скажем, по 20 000 евро на каждого западногерманского беженца, спасавшегося от репрессий, плюс 5% годовых. За период с 1 января 1970 года по 31 декабря 2007-го вместе с простыми и сложными процентами на человека пришлось бы 95 979,63 евро. Будем исходить из крайне скромного предположения, что власти западногерманских земель вынудили переселиться в Берлин примерно 100 000 местных уроженцев: если так, сегодня сумма компенсаций составила бы 10 миллиардов евро.

Настроения внутри ФРГ менялись быстро, повсюду в стране нарастало напряжение, которое довольно часто, хотя и не совсем предсказуемо разрешалось в бурных событиях, потрясавших политическую сферу. В 1962 году редактор журнала *Spiegel* Рудольф Аугштайн был под сомнительным предлогом на несколько недель заключен под стражу,

а в редакции прошли полицейские обыски. Аденауэр толковал о разверзшейся «пропасти государственной измены», министр внутренних дел Герман Хехерль (ХСС) заявил, что не может вечно таскать под мышкой конституцию. Двадцать девять профессоров, в том числе Рихард Левенталь, выразили энергичный протест против высказываний этого рода. Аденауэр заговорил о происках «вредных грызунов», то бишь крыс, не брезгуя шаблонными антиреспубликанскими утверждениями о тождестве народа и государства: «Тот, кто подгрызает устои доверия к федеральному правительству, виновен в тяжком преступлении против немецкого народа!» Его преемник Людвиг Эрхард клеймил интеллектуалов, называя их «пинчерами». На Франкфуртской книжной ярмарке 1967 года полиция изъяла «Коричневую книгу ГДР» (das «DDR-Braunbuch»)*, содержащую сведения о военных и нацистских преступниках в ФРГ. Группа депутатов бундестага пыталась продвинуть чрезвычайные законы, которые в случае кризиса могли бы начиная с 1968 года существенно ограничить основные права граждан, — эти документы они называли «Дополнением к конституции» или «Мерами предосторожности в связи с введением чрезвычайного положения». В 1968 году они добились необходимых изменений в конституции, опираясь на 90% голосов Большой коалиции. (До сих пор этот закон не применялся.)

Массовая культура процветающего обрубка бывшей Германии исчерпывалась в основном несколькими понятиями: общество потребления, цветное телевидение, среднесрочное финансовое планирование «Миффрифи» (Mittelfristige Finanzplanung), поддерживаемый правительством союз «Аktion Gemeinsinn» («Гражданская солидарность») и призыв: «Будьте друг с другом вежливы!» Законодатели старались урегулировать общественные конфликты с помощью принципа: «Всем побольше», реализуя этот принцип с помощью обильных денежных потоков. По субботам люди отмывали до блеска машины. Заботились о подобающем внешнем виде, отстирывали белье до «белейшей белизны» и «сажали тигра

* Полное название: «Коричневая книга о поджоге Рейхстага и гитлеровском терроре».

в бензобак»*. За эпидемиями обжорства и автомобилизма последовала эпидемия туризма. Для бывших менеджеров военной промышленности, работавших в молодости на Альберта Шпеера, настало истинное раздолье. Теперь они строили не танковые заводы, а товарные склады; не эксплуатировали труд миллионов подневольных рабочих, а отправляли через свои туристические бюро в Италию миллионы желающих отдохнуть; поставляли бетон не для бункеров Атлантического вала, а для немецких городов. Свою захватническую войну, какой не было равных в истории, они проиграли, но из эпохи восстановления экономики вышли победителями. Свойственная им неутомимость никуда не делась.

В рассказе «Что-то должно произойти» («Es wird etwas geschehen», 1956) Генрих Бёлль описал жизнь западных немцев как вечную гонку. Он показал, какой лихорадкой охватывает сознание людей, видящих в себе машины для достижения успеха. Герой повествования — предприниматель Вунзидель, окруженный усердными, бесконечно целеустремленными сотрудниками. Такова, в частности, его секретарша. До поступления в фирму Вунзиделя она «прокармливала разбитого параличом мужа и четырех детей вязанием, одновременно защитила диссертации по психологии и краеведению, разводила овчарок и приобрела знаменитость как певица в баре под именем Вамп 7»**. По утрам она и ее сослуживцы просыпаются с навязчивой идеей: «Нужно действовать». Жажда деятельности гонит трудоголиков из постели на фабрику так же, как в пору солдатской юности гнала на мыс Нордкап, на Кавказ или — ту, что была штабной машинисткой, — в «Волчье логово». У Вунзиделя эти люди производят и распространяют мыло: простой, полезный во всех отношениях гигиенический товар. Рассказ кончается тем, что Вунзидель падает на пол. Он мертв.

В этом послевоенном немецком обществе, чувствующем онемение во всех своих членах, сменявшие друг друга

* Отсылки к рекламным слоганам производителя моющего средства Dash: «Das weißeste Weiß ihres Lebens» и топливного концерна Esso: «Pack den Tiger in den Tank».

** Перевод Б. Хайльмана и М. Шнейдермана.

федеральные правительства, какими бы они ни были, неизменно брались за назревшие реформы; особенно усердствовала Большая коалиция, пришедшая к власти в декабре 1966 года. В области внешней политики правительство Кизингера/Брандта искало пути к разрядке напряженности между Востоком и Западом. Как ни странно это звучит сегодня, от канцлера потребовалась вся его недюжинная политическая воля, чтобы в 1967 году принять письмо от председателя совета министров ГДР Вилли Штофа. Кизингер ответил спустя месяц. Завязалась переписка, начались переговоры. Теперь Кизингер именовал ГДР не страной, которой не существует, а некоторым «феноменом». Это звучало свежо, смело и в то же время гротескно. Вопреки прежней доктрине Хальштейна, которая исключала дипломатические отношения со странами, признавшими ГДР, — за вычетом Советского Союза, — ФРГ установила отношения с Румынией. Военный бюджет впервые был урезан. С помощью кейнсианских программ стимулирования спроса через бюджетный дефицит министр экономики Карл Шиллер и министр финансов Франц Йозеф Штраус сумели оживить рыночную конъюнктуру, которая после продолжительной фазы «экономического чуда» 1965—1966 гг. переживала небольшой спад. На несколько месяцев темп роста упал ниже 6%, а дефицит государственного бюджета составил два миллиарда марок.

При правительстве Кизингера/Брандта возрастной избирательный ценз был снижен с 21 года до 18 лет, а срок давности по наказаниям за убийство — с учетом преступлений национал-социализма, — увеличен на десять лет. Еще до студенческих протестов были спроектированы и построены университеты нового типа в Констанце, Билефельде, Бохуме, а численность научного персонала в западногерманских вузах в период с 1960 по 1965 год выросла вдвое; в период с 1957 по 1967 год земельные власти увеличили финансирование вузов и школ на 300%. За эти десять лет государство в восемь раз увеличило стипендиальные выплаты. Планировалось, что в период до 1974 года федеральный бюджет должен будет ежегодно возрастать на 6%, ассигнования на развитие науки — на 16%, поистине фантастическую величину¹¹⁹. Как бы то ни было, напряженная обстановка в университетах сложилась

вовсе не потому, что реформы не проводились или активно блокировались сверху¹²⁰.

23 мая 1969 года ФРГ праздновала двадцатую годовщину своего основания. В брошюре «День рождения Федеративной республики» правительство подвело итоги. Оно с радостью демонстрировало многоэтажные автомобильные гаражи, построенные в стране, и высокие достижения в сглаживании социального неравенства. Прежняя социальная пирамида превратилась в толстую луковицу: нижний слой в 1969 году составлял всего 0,6% населения, верхний — 2,6%. К нижнему среднему слою принадлежали 75,8% жителей ФРГ; к верхнему среднему слою — 9,9%. Заработная плата брутто, получаемая рабочим, за двадцать лет выросла с 250 до почти 1000 марок. Оклады служащих были лишь незначительно выше. Реальные зарплаты (с учетом роста цен) ежегодно вырастали на 7,5%. В 1957 году начали расти и пенсии: они ежегодно увеличивались от 6,1% (1959) до 9,4% (1969). Потребление пива в период с 1950 по 1967 год выросло от 35 до 127 литров на человека в год. Число личных автомобилей в период с 1952 по 1969 год увеличилось в десять раз, были построены и сданы более десяти миллионов новых квартир. Целые городские кварталы сносились и застраивались заново.

Государственный долг ФРГ держался в гораздо более узких границах по сравнению со странами-победительницами Англией, Францией и США. Жизнь в Западной Германии, считали власти, должна быть похожа на воскресные гуляния добропорядочных бургеров. Глядя в будущее, люди видели блестящие перспективы. Согласно прогнозам правительства, к 2000 году атомным электростанциям предстояло «производить половину нашей электроэнергии». Министр транспорта социал-демократ Георг Лебер, бывший председатель профсоюза «IG Bau-Steine-Erden», заявил, что в Германии к основным правам человека в ближайшем будущем добавится новое, оригинальное: «не останется немцев, живущих более чем в двадцати километрах от въезда на автостраду».

Обе противоборствующие стороны — и правительство, и леворадикальные студенты, — непрестанно говорили о будущем. Последние «грезили», как свойственно выражаться истинным немцам, о рае, об «утопии, ставшей реальностью»;

первые стремились покрыть асфальтом всю страну, создавая впечатление, что эти автострады, и только они, ведут напрямик к вечному счастью. Единственного тогдашнего утописта, который действительно приблизился к реальности, звали д-р Вальтер Лох. Ему было за сорок, он работал в Министерстве обороны, где развивал концепцию «гражданского воспитания» военнослужащих бундесвера*. Для брошюры «День рождения Федеративной республики» он написал статью «Таинственная картинка от мужчины на пятом десятке». В ней он рисует две картины будущего, которым в то время едва ли кто-нибудь мог поверить, и в последнюю очередь — новые левые.

Вальтер Лох рассказал, какие надежды он возлагает на тридцатую и сороковую годовщины создания ФРГ. К 1979 году он ожидал упразднения всех границ в Западной Европе и отмены священной немецкой марки. В качестве замены он предлагал ввести «европейский талер», имеющий хождение от Берлина до Палермо. Следующий юбилей Лох иллюстрировал записью, которую предполагал сделать в 1989 году после краткого визита собственной внучки. «Студентка-историк, приехала навестить меня. Смотрела на меня как на “древнюю руину”. А ведь я ей как-никак дед. Завтра будет в Варшаве. Собирается вести дискуссии с друзьями из Венгрии и Польши. Думает, не поехать ли на следующий семестр учиться в Прагу. Европейская Федерация расширилась. Европейцы засыпали ров, разделявший Европу»¹²¹.

* В основе этой концепции («Innere Führung») лежало представление о том, что военнослужащий является прежде всего гражданином демократического государства и должен разделять демократические ценности — в частности, отказываясь от выполнения преступных приказов. Ее возникновение объяснялось естественной реакцией на вовлеченность армии в преступление нацистского режима.

О ЧЕМ ДУМАЛИ СТУДЕНТЫ

Традиционное мышление, революционный порыв

В 1967—68 гг. многие политики и лидеры общественного мнения утешали себя мыслью, что новые радикалы составляют «пренебрежимо малое меньшинство». Меры, которыми правительство отвечало на протесты, были направлены на «изоляцию» этого меньшинства от «широкого студенческого большинства»¹²². Подобная стратегия была обречена на провал. В высших учебных заведениях обучались 280 000 студентов, т.е. 5% молодых людей одного возраста. Ясно, что подавляющее большинство студентов были выходцами из буржуазных семей. Из-за войны 20% этих юношей и девушек потеряли отца или мать. Хотя в 1966 году в рядах ССНС числились лишь около тысячи человек, а в 1968 году, в момент наибольшего влияния этой организации, — в лучшем случае две с половиной тысячи, после весны 1967 года идеи этого союза находили все больший отклик в студенческой среде. Это подтверждается результатами двух опросов по теме «Студент и политика», проведенных Алленсбахским институтом изучения общественного мнения и сотрудниками кафедры политологии Мангеймского университета, которой руководил Рудольф Вильденман. Федеральное правительство заказало эти опросы спустя несколько недель после событий 2 июня. В Алленсбахе данные собрали еще в июле 1967 года, в Мангейме — в феврале 1968 года. В начале 1968 года журнал Spiegel поручил институту Emnid* провести третий опрос.

По данным Алленсбахского института, 14% всех студентов заявили, что разделяют взгляды ССНС. Разумеется, этот показатель варьировался в зависимости от специальности

* Один из первых немецких центров изучения общественного мнения, основанный в 1945 году.

студентов и местонахождения университета, существенно различаясь среди фармацевтов и политологов, в Берлине и Айхштетте. Согласно тому же опросу, 47% опрошенных считали ССНС наиболее влиятельным университетским объединением. 48% поддерживали критику парламентской системы ФРГ со стороны этого союза. 38% полагали, что их позицию не выражает ни одна из партий. Более половины (60%) утверждали, что вузовская реформа должна стать частью «назревших» общественных преобразований. Они полагали, что нужно не только перестроить университеты, но и «разрушить отношения господства и зависимости, демократизировать общество» в целом. Столь же большая доля респондентов считала, что «кипение всколыхнувшихся эмоций следует поддерживать и дальше, чтобы немецкое общество наконец очнулось от свойственного ему безразличия».

Опрос, проведенный спустя полгода институтом Emnid и опубликованный в журнале Spiegel, свидетельствует о росте молодежного движения. В опросе приняли участие 2145 учащихся профессиональных училищ, школьников и студентов в возрасте от 15 до 25 лет, проживавших в городах с населением более 10 000 человек. Первый вопрос гласил: «Во многих немецких городах молодежь протестует и проводит демонстрации. Вы это одобряете?» 67% ответили утвердительно (в том числе 65% учащихся профессиональных училищ, 71% учащихся средней и старшей школы, 74% студентов). В полном соответствии с обсуждавшейся выше склонностью сильного пола позировать «на обезьяньей скале» протесты считали «чем-то хорошим» 73% юношей, тогда как среди девушек эту точку зрения разделяли всего 41%. Желание принять участие в протестах высказали 58% опрошенных. Однако среди них лишь 23% выразили готовность дать отпор в случае, «если полицейские начнут избивать демонстрантов», а 7% одобрили наступательные насильственные действия (выразив готовность переворачивать автомобили, бить окна и витрины).

Более двух третей опрошенных выразили симпатию к демонстрантам, 27% — к активному радикализму ССНС. К тому времени уже 36% западногерманских студентов успели приобрести личный опыт участия в демонстрациях. Наибольшую готовность молодежи к протестным выступлениям,

причем с отрывом, демонстрировали консервативные земли Баден-Вюртемберг, Бавария и Нижняя Саксония. Западный Берлин плелся в хвосте¹²³! Сам я, кстати, вырос в Баден-Вюртемберге и Баварии, лишь позже бежав на обнесенный высокими стенами берлинский остров.

О возраставшем участии молодых людей в протестном движении можно также судить по числу отказавшихся от военной службы. В 1964 году на этот шаг решились примерно 2700 человек, в 1968-м — 12 000, в 1971-м — 27 000. 75% отказников составляли выпускники школ¹²⁴. К началу 1972 года около 60% обладателей мандатов в немецких студенческих парламентах принадлежали к леворадикальным группировкам, тогда как на долю Христианско-демократического объединения студентов приходилось лишь 9,6%. Остаток мандатов распределяли между собой «прочие», среди которых также были группы левой ориентации¹²⁵.

Когда в конце осени 1968 года я перебрался в Берлин, социограмма леворадикальных студентов, которая была построена на основе исследования, проведенного по заказу сената, выглядела следующим образом (я соответствовал этим данным буквально по всем пунктам): 90% были протестантами или не принадлежали ни к одной конфессии, 60% выросли в Западной Германии, 52% не отдавали предпочтения ни одной партии, читали газеты *Frankfurter Rundschau* и *Zeit*, точно не знали, какую профессию выберут в дальнейшем, 65% изучали гуманитарные и социальные науки, 68% были «ни в чем не согласны с отцом». У 70% был опыт участия в демонстрациях¹²⁶. Без сомнения, протестные выступления и правонарушения 1967–68 гг. никак нельзя отнести на счет «пренебрежимо малого меньшинства». Консервативные западные немцы, с их шаткими нравственными установками, сами раздули в своем доме пламя протеста. А там, где вспыхивает мощный огонь, возникают неконтролируемые эффекты тяги. В считанные месяцы протестующие добились ослепительного — и ослепившего их самих — успеха в расширении своего движения.

Ответы тех же студентов на вопросы об их убеждениях и предпочтениях обнаруживают алогичную картину, на первый

взгляд противоречащую ожиданиям. Из них видно, что представители этой возрастной группы были верны традициям и в то же время стремились к новому. Эти молодые люди сформировались в те времена, когда на обществе еще лежала тень национал-социализма, и выросли в условиях стремительно крепнущего благосостояния. Согласно алленсбахскому опросу, среди партий студенты явно предпочитали СДПГ, но среди членов правительства, знакомых им по регулярным появлениям в СМИ, те из респондентов, которые были настроены антиавторитарно, более других одобрили канцлера Кизингера, который набрал 40%. В общих результатах опроса же он вышел на второе место. Министр иностранных дел и вице-канцлер Вилли Брандт, олицетворявший стремление к реформам, оказался в задних рядах (16%).

Интересно отметить, что заметно выше прочих политиков студенты поставили социал-демократа Карло Шмида (1896—1979), который, занимая должность министра по делам бундесрата, не так уж часто мелькал в СМИ. Он набрал 51% голосов (обойдя на 11 процентов Кизингера и на 35 — Брандта). Этот старейший государственный деятель пользовался непререкаемым авторитетом ветерана политической жизни и был, в отличие большинства его коллег, признанным образцом духовной элегантности. Сын француженки, переводчик Бодлера и Мальро, Шмид символизировал постнациональную, европеизированную и неагрессивную Германию.

Отвечая на вопрос о примерах для подражания, студенты поставили на первые места Карла Фридриха фон Вайцзеккера и Вальтера Хальштейна. Эти результаты также говорят в пользу европейской ориентации студенчества. В 1961 году фон Вайцзеккер был инициатором тюбингенского меморандума ученых против ядерных вооружений и за признание линии по Одру — Нейсе западной границей Польши; Хальштейн с 1958 по 1967 год исполнял обязанности председателя комиссии Европейского экономического сообщества, а затем стал председателем Международного европейского движения. Со значительным отставанием третье место в этом перечне занял Конрад Аденауэр. Рендорфский старик также принадлежал к поколению бабушек и дедушек, олицетворял консерватизм ненацистского толка, преемственность

и чувство меры. Модернисту и прогрессисту Вилли Брандту досталось 11-е место, Мао Цзэдуну — 16-е.

Совсем иные ответы молодежь дала на вопрос о своих любимых интеллектуалах. Безоговорочно осуждая убийство Бенно Онезорга и критикуя бедственное положение тогдашнего мира, студенты открыли список предпочтений именами Ханса Магнуса Энценсбергера, Хельмута Гольвитцера, Гюнтера Грасса и Петера Вайса. Курт Зонтхаймер и Юрген Хабермас, с их настойчивыми призывами к умеренности, остались далеко позади.

В следующей главе я пишу о том, каким образом неявный антиамериканский консенсус, характерный для старой ФРГ, смог распространиться на студентов, а затем, обретя форму, отвечавшую их возрасту, вылился в протест против войны во Вьетнаме. Интересно, что по другому чувствительному политическому вопросу, имевшему отношение к латентному антисемитизму, который также был присущ старой ФРГ, те же студенты заняли явно противоположную позицию: программу возмещения ущерба Израилю поддержали 85% студентов, тогда как среди всего населения страны — лишь пренебрежимо малая доля респондентов 127. Отметим, что опрос проводился после Шестидневной войны, которая, как показывают многие источники, не сразу ухудшила имидж Израиля в глазах молодых левых. Левый «антисионизм» стал развиваться несколько позже.

Значительные расхождения между студентами и большинством общества подтвердило исследование Вильденмана, проведенное в начале 1968 года. Высказывание «Национал-социализм был в принципе хорошей идеей, но ее плохо провели в жизнь» поддержали с теми или иными оговорками только 9% студентов, тогда как среди их ровесников в возрасте от 17 до 24 лет, не получавших высшее образование, таких набралось 43%. Если же брать население в целом, то в 1968 году эту точку зрения еще разделяли 50%. Почти такую же картину дала оценка тезиса: «Нам снова необходима единственная сильная партия, действительно представляющая интересы всех слоев народа». Показательно, что мнения по вопросу, не следует ли наконец прекратить интересоваться нацистским прошлым отдельно взятых людей, разделились

не столь выпукло (о чем я пишу в заключительной главе): утвердительно ответили 74% населения в целом и 37% студентов. На вопрос, косвенно затрагивавший антисемитизм, — о якобы «врожденном свойстве евреев» так или иначе вступать в конфликт со своими соседями, — утвердительный ответ дали 19% студентов и 42% их сверстников. Опрос населения в целом не стали проводить из осторожности. За признание границы по Одру — Нейсе высказались 58% студентов, 36% молодежи и 21% населения в целом. Похожие расхождения выявил вопрос о признании ГДР. За возвращение смертной казни проголосовали 15% студентов, 60% неувозской молодежи и 69% населения.

Демократическое студенчество, реакционное большинство

В отличие от большинства тогдашних граждан ФРГ, студенты безусловно признавали конституционные принципы.

Алленсбахский и мангеймский опросы обнаружили крайне острый характер противоречий, владевших тогдашними студентами. Неудивительно, что это состояние порождало неуверенность, которую они пытались компенсировать, выстраивая для себя надежную, как им казалось, структуру более или менее стройного мировоззрения. Увязая одной ногой в трясине авторитарных традиций, они силились нащупать другой ногой почву либерализма, о которой мало что знали. Одно полушарие мозга побуждало их видеть ведущую политическую фигуру в главе исполнительной власти, а другое — следовать за наиболее прогрессивными поэтами и мыслителями, отстаивавшими свои политические убеждения. Молодые люди заражались идеями международного студенческого и протестного движения, но в то же время страдали от симптомов запущенного национального недуга. Правой рукой они вцепились в застарелое недовольство Америкой, а на левой кое-как раскачивались, сиюсь сдвинуться в противоположном направлении, наперекор едва прикрытым антисемитским взглядам родителей, унаследованным от нацизма. С одной стороны, они принадлежали к последнему поколению в ФРГ, считавшему нормой создание собственной

семьи, с другой — отвергали террор семьи как принудительного буржуазного института. Они уходили в индивидуализм и вместе с тем подчинялись стадному чувству. Ненавидели воскресный кофе, сервируемый на белоснежных скатертях, и усаживались за накрытый в складчину стол коммуны.

В марте 1968 года сотрудник ведомства федерального канцлера, не скрывая иронии, докладывал о своих впечатлениях от ежегодного заседания Объединения немецких студенческих обществ, на котором верховодил ССНС: «Если публично студенты выражают недовольство всем и всеми», то в своей среде подчиняются «куда более строгим авторитарным структурам, чем существуют где-либо в ФРГ. Было в высшей степени забавно наблюдать, как участники заседания безропотно сносили самые грубые замечания председательствующего и других однокашников. Даже когда их изгоняли из зала заседания, они покидали его покорно и без возражений». Под конец собравшиеся единодушно извинились перед «председателем Клаусом Хубером», который руководил собранием, «за свое отчасти и впрямь недисциплинированное поведение»¹²⁸.

В мае 1968 года Вильденман выступил в правительственной комиссии «Молодежные волнения», комментируя результаты своего исследования. Он подтвердил, что для мятежных студентов характерно сочетание развитого демократического сознания, неуверенности в собственном статусе и чрезвычайно расплывчатое представление о конечных целях движения. В сокращенном изложении материалов Вильденмана, составленном одним из чиновников, о студентах сказано, что они «в гораздо большей степени, чем остальная молодежь и население в целом, приняли принципы демократии». В результате возник «постоянно растущий разрыв между по большей части статичным, ориентированным на прошлое населением и этой прогрессивной молодой интеллигенцией, которая при нормальном развитии могла бы составить завтрашнюю общественную элиту». Если этот разрыв не удастся в кратчайшие сроки преодолеть, следует опасаться «серьезного роста политической и экономической напряженности» с «соответствующими “потерями от трения”»¹²⁹.

Недвусмысленное предупреждение. Ясно, почему, составляя проект постановления, уполномоченный чиновник

д-р Шатц еще больше заостряет результаты исследования Вильденмана: по его мнению, оно свидетельствует об «опасной и, видимо, почти непреодолимой пропасти между прогрессивной демократической позицией студентов и преимущественно реакционным поведением остального населения». Заместитель министра Карстенс подчеркнул эту фразу красным карандашом: «Не откладывать. [...] Изменения оставляю на ваше усмотрение»¹³⁰. В другом документе Шатц советовал своему начальству: «Политическая ангажированность молодежи, которой мы так долго добивались, сегодня налицо. Не будем пугаться: лучше обратить стремления молодых людей на благо всего общества». Примерно о том же говорил, выступая на круглом столе профессоров в канцелярии Курта Георга Кизингера, политолог Гильберт Цибура: «В сущности, я вижу в умонастроениях наших студентов потенциал, который нужно использовать»¹³¹. К слову, друг с другом и с канцлером участники совещания говорили прямо и откровенно: дебаты отличал свободный, антиавторитарный и очень ясный тон.

Ввиду напряженной обстановки в обществе сотрудники штаба планирования ВФК настоятельно рекомендовали политикам участвовать в публичных дискуссиях. Но при этом предлагали отказаться от любых приемов, которые были бы естественными в иных общественных и исторических условиях, были естественными во время студенческих конфликтов в США и снова стали таковыми в Германии наших дней: «Не стоит апеллировать к авторитету, чувству доверия и жизненному опыту». Кроме того, научные консультанты штаба планирования советовали избегать слов «достижение», «испытание» и «традиция», утративших смысл¹³².

Надежды, выраженные Шатцем и Цибурой, подтверждались всеми опросами. Каким бы яростным ни был тон тогдашних прокламаций, на деле студенты 1968 года не были принципиальными противниками демократического государства и открытого общества. Между ними и большинством населения ФРГ, имевшим «весьма слабые представления о демократии и предполагаемых ею правилах игры», действительно возникло драматическое противостояние¹³³. Однако этот дефицит демократизма, свойственный большинству жителей страны, особенно людям старшего поколения, протестующие

студенты проецировали на «государство» и «парламентаризм». Это сопровождалось самой резкой конфронтацией и созданием упрощенных образов врага. В действительности конституционные органы тогдашней ФРГ, как и большинство студентов, были преданы демократическим принципам намного глубже, чем средний немецкий избиратель.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

Революционный психоделический трип

Весной 1970 года прозвучал лозунг: «Разгромить государственный аппарат». Революционная молодежь настойчиво призывала «подпалить зад реакционерам» и нагнать страху на «паразитическую, коррумпированную люмпен-бюрократию»¹³⁴. В цитаделях протестного движения-68, особенно за стенами Западного Берлина, активисты спорили, будет ли «революция» завершена в два года или придется ждать целых пять лет, — на этот счет даже заключались пари. Помню, мы с Нильсом Кадричке ехали как-то в моем желтом «вольво Р 544», и я рассуждал о том, нужны ли будут после нашей победы полицейские.

Уже в начале 1969 года боннское МВД с тревогой констатировало: «Революционное движение идет ва-банк». Мятёжную часть студентов уже не интересуют частичные улучшения: она «замышляет всеобъемлющий переворот»¹³⁵. Женщина средних лет, приехавшая в 1971 году из ГДР на похороны невестки, при встрече с кёльской родней никак не могла уразуметь, на каком свете она оказалась. Ее племянницы и племянники, напивавшиеся «шизофреническими идеями Мао, Ленина, Че Гевары и Фиделя Кастро», ополчились на государство, которое мечтали превратить «в кастровскую Кубу». Вконец растерянная женщина рассказывала: «Молодые люди сыплот напыщенными фразами: они хотят вывернуть общество наизнанку, но при этом сохранить благосостояние, которое им обеспечивали родители»¹³⁶.

В ходе цитированной выше беседы, состоявшейся в октябре 1967 года, Энценсбергер, Дучке, Рабель и Землер со свойственной немцам основательностью рисовали картину будущей жизни в освобожденном Западном Берлине. «Большинству бюрократов придется эмигрировать в Западную

Германию», — предположил Рабель. Он учитывал и ситуации, когда попытка «антиавторитарного» перевоспитания после захвата власти окажется неудачной: «Если выяснится, что перевоспитание невозможно, как, например, в случае с людьми пожилыми [...], таким людям нужно предоставить возможность эмигрировать». Дучке высказался за известную осторожность. Но все были единодушны в том, что «судебная волокита и полиция будут упразднены», а Энценсбергер восторгался планом сделать любую бюрократическую функцию такой, «что ей можно будет обучиться за три недели». Кроме того, четверо исторических мыслителей насмеялись над многочисленными пенсионерами «престарелого» Западного Берлина: «Тоска берет, — говорил Рабель, — смотреть, как эти живые трупы сидят на городских скамейках». Органически затуманенным глазам Рабеля городская бюрократия представлялась состоявшей «по большей части из женщин, искалеченных женщин»: «достаточно хотя бы раз посмотреть на этих фрустрированных женщин, чтобы испытать ужас»¹³⁷.

Энценсбергер организовал эту беседу для своего журнала *Kursbuch*, превращенного в своеобразное место для randеву лидеров новых левых. Журнал довел тиражи до баснословного уровня. В октябре 1967 года Энценсбергер высказал предположение, что после освобождения Западного Берлина, которое в скором будущем осуществят студенческие штурмовые группы, революционеров, среди прочих основных трудностей, ждет следующая неприятность: «Со стороны ФРГ вполне вероятна такая реакция на события: беженцев мы примем, но поставки прекратим». Дучке не видел тут проблемы. Обосновывая свою позицию, он напомнил о призыве к захвату власти, который опубликовал 12 июня того же года, через десять дней после гибели Бенно Онезорга, под псевдонимом Р. С. в газете *Oberbaumblatt*, напечатанной тиражом по меньшей мере 15 000 экземпляров.

В этой статье он настаивал на «всемирно-исторической актуальности революции» и описывал, как Западный Берлин посредством прямых насильственных действий и акций организованного гражданского неповиновения, игнорирующих господство «бюрократических характерных масок», будет превращен в «независимую “ассоциацию свободных

индивидов”». Отношения господства сменятся самоуправлением, для которого не нужны будут чиновники, — их функцию возьмут на себя демократические советы, созданные освобожденными горожанами. «Парламент, партии и исполнительная власть» будут вынуждены «объявить свои каникулы бессрочными». Чтобы добиться желанной свободы, следовало подвергнуть государственные институты «непрерывно возрастающему давлению» и «сотрясти их до основания». Дучке считал эту стратегию весьма перспективной, так как, с одной стороны, положение «позднего капитализма», с его структурными проблемами, столь плачевно, что берлинская модель коммунистических советов сразу же завоеует симпатии и начнет функционировать как «стратегический трансмиссионный ремень, служащий будущему воссоединению Германии», а с другой — оккупационные войска Запада «всерьез поостерегутся» утопить новую систему в крови, превратить Западный Берлин «в Будапешт образца 1956 года, но с обратным знаком».

Говоря о переходном периоде, который продлится вплоть до мировой революции, провозвестник переворота требовал от союзников по НАТО лишь крохотного встречного шажка: «Мы, однако, ожидаем, что они предоставят спецтранспорт, чтобы отправить ненужных политиков и бюрократов в Бонн. В истинно свободном и солидарном обществе понятие политических заключенных теряет смысл»¹³⁸. Спустя несколько месяцев эта декларация Дучке утратила силу: отвечая на вопросы Осипа К. Флехтхайма, специалиста по проблемам мирного сосуществования, он решительно не согласился с тем, что можно «выпускать на свободу фашистов». Флехтхайм, родившийся в 1909 году в украинском городе Николаеве и бежавший позже из национал-социалистической Германии, хорошо знал, что такое погром. Теперь ему пришлось услышать из уст Дучке следующее рассуждение: «массы в их новом, сознательном состоянии» позаботятся о том, «чтобы у контрреволюционеров не было законных способов снова поставить революцию под сомнение»¹³⁹. В то время все, кто не способствовал продвижению революционных идей или, того хуже, активно выступал против них, зачислялись в ряд «фашистов».

Как Дучке представлял себе революционное действие, можно судить по его дневниковым записям от 13 и 14 июня 1967 года: «Демонстрировать и практиковать ответное насилие (отряды самообороны — изучение карате — если пустят в ход дубинки — “коктейли Молотова” и т.д., см. США)». В качестве следующего этапа дестабилизации структур господства — по мнению Дучке, крайне шатких, — он рассматривал военные операции на периферии промышленно развитого мира: «Снова читал Фанона. В наши дни он и Че — и, конечно, Мао — глубже всех понимают практические проблемы массовой борьбы за национальное освобождение в третьем мире». Спустя три дня Дучке, вообще-то негативно относившийся к алкоголю и не куривший, продолжал захлебывающимся тоном, словно пьяный боец на передовой: «Че живет и работает в Боливии, третий фронт учрежден, т.е. в наличии по меньшей мере 200 полностью подготовленных партизан. Это очень много!! У них уже есть ракетное оружие!! Даже Вьетконг получил лишь недавно!»¹⁴⁰

Франц Фанон родился в 1924 году во французской колонии Мартиника, получил диплом врача в Лионе. Переехал в Алжир, где стал заведующим психиатрическим отделением больницы, а в 1956 году полностью посвятил себя борьбе в рядах Фронта национального освобождения Алжира. Основной труд Фанона — «Проклятьем заклейменные»* (1961). В нем он пропагандирует насилие в качестве психофизического средства, возвращающего жертвам колонизации их человеческое достоинство: «Для колонизированных жизнь может возникнуть лишь из разлагающегося трупа колонизатора». Угнетенный, ограбленный и униженный народ только через насилие может обрести «связующий раствор, замешенный на крови и гнев», только так поймет, что «жизнь — это непрестанная борьба». Далее следуют ключевые фразы: «Насилие сплачивает людей и вселяет в них национальное чувство. [...] На индивидуальном уровне насилие

* Отрывки из этой книги в русском переводе (под названием «Весь мир голодных и рабов») включены в «Антологию современного анархизма и левого радикализма» (2003).

действует как противоядие. [...] Насилие возводит народ на ту высоту, где стоят его вожди»¹⁴¹. В 1966 году, когда я еще был школьником, в мюнхенском отделении ССНС мне рекомендовали прочитать две книги, которые я тут же и приобрел: это было сочинение Франца Фанона и пиратское издание опубликованного в 1927 году исследования Вильгельма Райха «Функция оргазма».

Пропаганда посредством выстрелов*

После 2 июня Дучке публиковал свои воинственные сочинения под псевдонимом, зачитывал их в узком кругу соратников или записывал в личный дневник. Во всех этих текстах фактически можно видеть ответы на убедительную речь, которую вечером 8 июня произнес в переполненной аудитории Макса Каде Свободного университета Рихард Левенталь. Демократия, как и всякая форма правления, говорил Левенталь, имеет несомненные недостатки, но тот, кто верит в возможность совершенного государственного устройства, «непременно придет к диктатуре, к попытке навязать свое представление о совершенстве несовершенным людям».

В подтверждение Левенталь сослался на собственную биографию. В 20-е годы он сам был коммунистическим студенческим лидером, а в нацистской Германии подвергся преследованиям по политическим и расовым мотивам, сражался за свои идеи — кстати, вместе с Флехтхаймом, — в левосоциалистической подпольной группе *Neu Beginnen* («Новое начало»), порвал с коминтерновской теорией «социал-фашизма» и, наконец, был вынужден бежать в Лондон, куда ему удалось

* Цитата из «Организационного реферата», который Дучке огласил в сентябре 1967 г. на съезде ССНС. Дучке, в свою очередь, цитировал Че Гевару, утверждавшего в «Послании народам мира, отправленном на Конференцию трех континентов»: «В первое время нашей задачей будет выживание, но затем начнут работать такие факторы, как сила примера борющегося партизанского отряда и проводящаяся им вооруженная пропаганда. Эту пропаганду следует понимать так, как во Вьетнаме: это пропаганда посредством выстрелов и боев с противником, победных или нет, но ведущих постоянно. Важнейшим в просвещении угнетенных масс является укоренение в них уверенности в непобедимости герильи» (https://scepsis.net/library/id_1478.html).

добратся через Прагу и Париж. После войны он, уже в качестве английского журналиста, вернулся в разрушенный родной Берлин и принял участие в политическом и демократическом возрождении страны¹⁴².

8 июня он призвал новых левых не считать себя «сегодняшним революционным авангардом»: «Если студенты начинают ощущать себя элитой нации, добра не жди». Германия «избавилась от претензий на элитарность со стороны правых студентов» совсем не для того, «чтобы дать укорениться таким же претензиям в левых студентах»¹⁴³. Новые левые, замкнутые в узком мире своих идей, получившие после гибели Онезорга еще и мощную эмоциональную подпитку, пропустили мимо ушей этот настойчивый призыв одуматься, транслировавшийся также и по радио, а вслед за тем появившийся в печати. Левенталь подверг трезвой критике политические фантазии, которыми студенты, настроенные все более радикально, оправдывали самочинно присвоенные полномочия. Внезапно распространившееся представление, что «мы живем в атмосфере, напоминающей подъем национал-социализма», или утверждение, будто сегодняшние студенты неотличимы от «тогдашних евреев», он отклонил, назвав их абсурдными¹⁴⁴.

Дучке, присутствовавший в аудитории, вмешался, начал агрессивно протестовать. Ответное возражение Левенталь он внес в дневник в исковерканной форме: «Господин Дучке — вы хотите “Zarograr Bowi”?»¹⁴⁵ На самом деле Левенталь спросил: «Вы хотите Sandbar Bowie [песчаной отмели Боуи]?», намекая, что Дучке может довести дело до «ночи длинных ножей». Под «песчаной отмелью Боуи» подразумевалась история техасского «героя свободы» Джеймса (Джима) Боуи, известная из вестернов. В 1827 году Боуи отбивался от врагов на песчаной отмели в Миссисипи; когда кончились боеприпасы, он перебил противников длинным и острым ножом. Отсюда название «боевого ножа Боуи» — с обоюдоострым лезвием длиной 23,5 см, шириной 4 см и прочной рукоятью.

Ведомство федерального канцлера признало, что гибель Бенно Онезорга произвела «настоящий взрыв в студенческой среде, способствовавший ее солидаризации». В Берлине 33% всех студентов, в общей сложности 15 000 человек,

шли за гробом к пограничному пункту Драйлинден. Солидарно выступили и берлинские студенческие корпорации (буршеншафты)¹⁴⁶. Многие, построившись в автоколонну, доехали до Ганновера, где Бенно Онезорг был похоронен. ГДР отказалась от взимания транзитных пошлин. Во Франкфурте-на-Майне 8000 студентов устроили в центре города траурное шествие. 9 июня, после похорон, в Ганновере прошел грандиозный массовый митинг. В этой наэлектризованной обстановке Дучке обратился к скорбящим и протестующим, готовым с минуту на минуту пробудиться для борьбы: «Налицо материальные предпосылки, позволяющие творить нашу историю». Он пропагандировал идею «нового человека», «преодолевающего в борьбе свое индивидуальное и родовое, исторически обусловленное прошлое» и заявил на манер елейных сектантских проповедников: «Библейский эдемский сад — это фантастическое исполнение вековой мечты человечества. Но еще никогда в истории не была столь велика возможность ее реализовать»¹⁴⁷.

Эсхатологическую сторону своего мировоззрения Дучке во всей красе продемонстрировал в интервью журналу *Spiegel* и телекомпании ARD. Там он использовал понятие «долгого похода через государственные институты», которое сегодня очень на руку участникам движения-68, поскольку доказывает, что они всегда оставались в (демократических) рамках приличия. В посланиях к узкому кругу соратников Дучке предпочитал мрачную интонацию проповедника ненависти. Он вкрадчиво говорил о «пропаганде посредством выстрелов» и, на манер Эрнста Юнгера, сурово увещал: «Лишь борьба закаляет революционную волю». (Мой дед Вольфганг Али, состоявший в нацистской партии, предпослал своим мемуарам эпиграф из Гёте: «Человеком был я в мире, / Это значит — был борцом!»*) Кроме того, Дучке давал понять, что во время похода в землю обетованную препятствия следует сметать с пути и что кровавый последний бой еще предстоит: «Эта революционная война ужасна, но еще ужаснее будут страдания народов, если люди путем вооруженной борьбы

* «Западно-восточный диван. Книга рая», стихотворение «У врат рая», пер. В. Левика.

не упразднят войну как таковую». Поскольку с незримым и вездесущим врагом не так-то легко сражаться, Дучке назвал точное имя и адрес: «организованный Интернационал угнетения в лице Североамериканских Соединенных Штатов»¹⁴⁸.

В то время подобные фразы наполняли молодых немцев, включая и меня, приятной уверенностью, что они на правильной стороне. Сегодня от них разит фантазиями величайшего фюрера всех времен, его тоталитарных современников и последователей. За ними стоит человек, вращающий глобус и мнящий себя преобразователем мира. Этот человек обещает своим сторонникам, что после нескольких лет борьбы, которая коренным образом изменит их самих и полностью «избавит» человечество от бремени прошлого, они прибудут в страну всеобщего благоденствия.

24 и 25 июня 1967 года Руди Дучке, Урс Мюллер-Плантенберг, Кристиан Землер, Петер Шнайдер, Бернд Рабель, Вольфганг Лефевр и еще несколько человек встретились для обсуждения вопроса «о захвате власти в Западном Берлине». Дучке назвал это совещание «историческим». Оно состоялось в Доме металлиста, находящемся в берлинском квартале Пихельсдорф; присутствовал также молодежный секретарь профсоюза металлистов и член ССНС Лотар Пинкаль. Согласно донесениям Дитриха Штарица, который, состоя в ССНС, одновременно представлял оплачиваемые отчеты в Штази и ФСЗК, участники совещания обсуждали план, исходивший из «отсутствия расположенности» предпринимателей к инвестициям в Западном Берлине. Предполагалось, что набравшее силу студенческое движение может захватить предприятия и стать толчком к стихийным забастовкам, которые «приведут к еще большему росту протестного и мятежного потенциала».

Участники дискуссии, писал Штариц, согласовали следующий порядок действий: «1) усиление политической нестабильности посредством студенческих демонстраций и массовых митингов; 2) налаживание или укрепление контактов с отдельными предприятиями, чтобы в случае студенческих волнений рабочие их поддержали; 3) попытка подтолкнуть эти предприятия к неорганизованным забастовкам, в ходе которых могут стихийно сложиться советы; 4) осторожное

продвижение идеи о политической независимости Западного Берлина от ФРГ; 5) объединение всех протестных и политизированных сил в общее массовое движение, которое смогло бы опрокинуть сенат, т.е. теперешнюю политическую власть, и достичь намеченной выше отдаленной цели. По оценкам собравшихся в Пихельсдорфе, срок, необходимый для реализации этого плана, составлял примерно 5–10 лет»¹⁴⁹.

Городской совет как альтернативный парламент

Наряду с этим донесением, которое двойной агент Штарриц составил для службы госбезопасности ГДР, сохранился рукописный протокол пихельсдорфской конференции, написанный Дучке. Его записи представляют собой набор ключевых слов, развернутых или оборванных предложений. Некоторые из них снабжены сбивающими с толку вопросительными и восклицательными знаками и размашистыми подчеркиваниями. Согласно протоколу Дучке, в начале совещания товарищ Рольф Штанцик из ССНС высказал точку зрения, что в Западном Берлине надо, как и в США, «ожидать периода экономического застоя». Размышляя о том, кого по большей части затронет кризис, он пришел к следующему предложению: «Может быть, оклеивать Веддинг* не плакатами о Вьетнаме, а призывом “Вздерните на виселицу ваших домовладельцев!”?» Затем выступил Дучке. Он рассуждал на тему возможного усиления наступательных действий. Надо было дать ответ на вопрос: «Будут ли экономические тенденции в ближайшее время способствовать нашему успеху?» Когда же Петер Шнайдер поинтересовался, чего он, Дучке, ожидает в следующем году, тот ответил: «Будем поддерживать состояние конфронтации или даже нагнетать ее — держа в уме вопрос о власти — новое 2 июня** мы себе позволить не можем». Еще одно скептическое возражение председатель ССНС, войдя в раж, парировал так: «Впредь

* Район Берлина.

** Дата убийства Онезорга.

нельзя считать постановку в этом городе вопроса о власти надменным заблуждением! Как и утвердительный ответ на этот вопрос!» Дучке мысленно рисовал свободное государство по образцу тогдашнего Гонконга. Он исходил из того, что как минимум сможет получить для Западного Берлина «в качестве обязательной составляющей политического устройства вольных государств международную гарантию четырех великих держав».

Когда проблему прихода к власти обсудили достаточно полно, Землер поднял «вопрос об экспроприации концерна Шпрингера». Ему вторил Шнайдер: «Атака на концерн Шпрингера была бы для движения принципиальным шагом вперед». Дучке возразил им. В «избавлении от концерна Шпрингера» он, в соответствии со своими далеко идущими планами, видел лишь «очередную частную цель», ограниченную «боевую задачу». Помимо этого вопроса споры вызвал также выбор для запланированного массового митинга, который должен был инициировать кампанию экспроприации, исторического места — территории снесенного позже Дворца спорта, где Геринг, Гейбельс и Гитлер, начиная с 1928 года, доводили до экстаза неистово рукоплескавшие толпы.

Как только собравшиеся подвели итог обсуждению темы Шпрингера, Дучке вернулся к проблеме захвата власти и развил свою идею о превращении Западного Берлина в «международный центр революционного движения в странах “третьего мира”». Первым делом следовало сформировать «городской совет» (Stadtsowjet), который станет «альтернативным парламентом». Под заголовком «1. Мероприятия револ. советов» изложены гипотетические представления участников дискуссии о ситуации, которая возникнет на следующий день после захвата власти и заставит их действовать со всей решимостью: «Отток капитала должен быть остановлен револ. способом. Банки переходят к нам — капитал пока не “трогаем”». Далее записаны соображения о «создании особенно ценных отраслей промышленности (химия, электроника, компьютеры и т.д.)» и о перебрасывании революционной искры на территорию ГДР, причем переворот должен был принести пользу не одним местным жителям: «Национализация земли, пожалуй, возможна или даже необ-

ходима (тогда отпуск можно проводить не только в Мариендорфе* и т.п., но и в Потсдаме и т.д.).».

На пути к этим свершениям нужно было решить проблему: «Как именно следует порождать противоречия?» Кроме того, стратеги из ССНС делали ставку на то, что правящий «аппарат [...] сам себя тормозит соблюдением законов» и не станет перекрывать «поток западногерманских “революционеров”, направляющихся в Западный Берлин». Этот поток в ноябре 1968 года принес туда и меня, ставшего студентом Института Отто Зура в Свободном университете. Через два дня после пихельсдорфского совещания Дучке записал в дневнике: «Изложил в пивной “план захвата власти”. Эффект колоссальный».

Стоит остановиться на приведенной выше фразе Дучке: государство «само себя тормозит соблюдением законов». Расчет Дучке напоминает нам о приемах борьбы, которые вплоть до прихода Гитлера к власти практиковали национал-социалисты. Используя эту тактику, оба движения породили особый тип политического адвоката, который искусно обращает к своей выгоде преднамеренно ограниченную власть буржуазного конституционного государства, демонстрируя его слабость. На службе у поколения-33 состоял циничный правовед Ханс Франк; поколение-68 нашло для себя фигуру с отчасти схожими замашками: это был Хорст Малер. Малер снискал хорошую репутацию в качестве адвоката по уголовным делам; он защищал надзирательницу концлагеря, лиц, подозреваемых в экономических преступлениях, и наконец, членов коммун, ССНС и политических поджигателей. Адвокатом внепарламентской оппозиции он стал как раз потому, что умел использовать «слабые места» буржуазного права и выставлять суд в смехотворном свете.

Согласно наблюдениям судебного репортера газеты *Münchener Post*, Франк неизменно сопровождал свои «оскорбительные нападки» в зале суда «кривой насмешливой улыбкой, — поведение, которого не стерпел бы и самый долготерпеливый адвокат противной стороны». Когда цепляться было совсем не за что, Франк советовал своему клиенту — например,

* Район Западного Берлина.

Йозефу Геббельсу — использовать депутатский иммунитет и таким образом обрывать уголовный процесс¹⁵⁰.

Концепция, созданная в Пихельсдорфе, вскоре породила злободневный практический лозунг: «Пустим Шютца на котлеты! Вся власть Советам!» Юрген Хабермас, следивший за происходящим из Ганновера, уже 9 июня — всего днем позже, чем Рихард Левенталь, — обратил внимание на склонность Дучке к насилию. Хабермас дал идеям Дучке адекватное определение: левый фашизм. И, не особенно стесняя себя в выражениях, добавил: «У меня, я думаю, есть веские причины предлагать именно такой термин». Он ставил вопрос, «умышленно ли Руди Дучке провоцирует открытое насилие, встраивая в это насилие заранее выверенный механизм, подразумевающий, мягко говоря, возможность нарушений прав человека»¹⁵¹. Возмущение Дучке и его свиты не знало границ¹⁵². Позже Хабермас частично взял свой упрек назад, назвал его «злополучным», — можно сказать, извинился.

Однако уже 13 июня, через четыре дня после ганноверских похорон, в дневнике Дучке, насквозь пронизанном жаждой власти, читаем новую запись в том же отрывистом ритме: «Ф[риц] Тойфель по-прежнему сидит в камере предварительного заключения; начались дискуссии о его “освобождении” — юрид[ическом] или даже воен[ном]». Неудивительно, что, протолкнув в сентябре 1967 года на конференции делегатов ССНС «две-три принципиальных резолюции, выходящих за рамки законности», автор дневника был обрадован своим «успехом»¹⁵³. В конце ноября Дучке выступил с речью на вечере солидарности с товарищем Фрицем Тойфелем, которому снова грозила тюрьма. Дучке предложил перейти к акциям, нарушающим границы «действующего права» и под гром аплодисментов напомнил, что в 1927 году революционные рабочие сожгли дотла Венский дворец юстиции: «Я говорю об этом только для примера, но каждый должен задуматься сам»¹⁵⁴. Петер Шнайдер писал такие стихи: «Камень, брошенный в американское посольство, / не менее ценен, чем авиационная ракета во Вьетнаме». Или такие (стихотворение написано от лица пьяницы, предающегося сладким грезам): «Когда мы снова проснемся, дело пойдет намного дальше: / если бензин придется нам тогда

не по вкусу, мы обольем им ваши автомобили». В конце этого стихотворения народ громит магазины, поджигает особняки, запасается награбленными бутылками шнапса: «тогда мы почувствуем небывалую легкость»¹⁵⁵.

В начале 1968 года Дучке, выступая в Амстердаме, заявил: «Наш долг — уничтожить в нашей собственной стране нашу собственную власть, капиталистическую власть». Впрочем, следовало сокрушить и американский империализм, используя для этого «любые средства»¹⁵⁶. Осенью 1968 года вернувшийся из кубинского турне Рабель рассказал о том, как быстро может быть осуществлен переворот, и объяснил, почему революционеры вправе наделить себя экстренными полномочиями. Партизанская армия Кастро насчитывала не более двух тысяч человек, однако всего за два года смогла разбить сорокатысячную армию Батисты: «Большая часть населения присоединилась к всеобщей забастовке лишь под самый конец»¹⁵⁷. Вскоре кёльнская ФСЗК с тревогой отметила, что во Франкфурте-на-Майне местное отделение союза отказников от военной службы намерено воспитывать из них «профессиональных революционеров». Статья, опубликованная в декабре 1968 года в вестнике отказников *Zivil*, заканчивалась призывом: «Отказ от военной службы выливается в массовое движение! Громите НАТО! Парализуйте национальные вооруженные силы»¹⁵⁸. Эрвин К. Шойх, знакомый лишь с частью приведенных здесь высказываний, относящихся исключительно к 1968 году, имел все основания заключить, что политика новых левых означает «фактически не что иное, как подготовку переворота с помощью подрывной деятельности и тактически дозированного насилия»¹⁵⁹.

В январе 1968 года у Руди и Гретхен Дучке родился первенец. Родители дали ему имя Осия Че. Ветхозаветный пророк Осия проповедовал в восьмом веке до нашей эры, в мирные и благополучные времена. Евреи тогда по большей части жили легко и весело, поклонялись истукану Ваала, купались в серебре и золоте, распутничали, богохульничали, лгали. Осия же неустанно возвещал, что эту эпоху, столь приятную для народа Израиля, ждет кровавый и позорный конец. Врач Эрнесто Гевара, намеренно предпочитавший свое народное прозвище Че, сражался в джунглях Боливии. Скальпель он сменил

на винтовку, считая, что этот инструмент более полезен для блага человечества.

Руди Дучке умер в рождественский сочельник 1979 года; причиной смерти стали отдаленные последствия покушения 1968 года. Вскоре одна из берлинских улиц была названа его именем. В сборнике текстов Дучке, который издательство Rowohlt опубликовало после его смерти под названием «Мой долгий поход. Речи, сочинения и дневники двадцатилетия», отсутствуют почти все источники, использованные в этой главе. Это была типичная манипуляция общественным мнением — понятие, которое популяризировал не кто иной, как сам Дучке. Бернд Рабель в наши дни охотно выступает на мероприятиях НДПГ. Хорст Малер известен теперь как правый радикал и антисемит. РАФ, одним из основателей которой Малер был в 1970 году, он называет военным крылом ССНС. 20 января 1973 года Малер, обвиненный в терроризме, заявил своим судьям из коллегии по уголовным делам суда города Берлин: «С буржуазным правосудием пора покончить, с клеветами капитала не разговаривают — в них стреляют»¹⁶⁰.

Еще в мае 1974 года Кристиан Землер реагировал на отставку Вилли Брандта броскими газетными заголовками такого пошиба: «Крах Брандта: из государственной колесницы выпрягают врагов народа». Ныне он взял на себя роль рассудительного лидера общественного мнения, выступающего в газете Tageszeitung. Ханс Магнус Энценсбергер до сих пор знает, что с нами будет, в полном соответствии с замечанием Уве Йонсона в его романе «Годовщины», помеченном 29 февраля 1968 года: «Совершенно очевидно, что очевидное лишь выиграет в очевидности, если его выскажет Энценсбергер»¹⁶¹. Напомню, что Юрген Хабермас, оставшись в изоляции, продолжал настойчиво критиковать бунтарей за утрату чувства реальности, нарциссическую самовлюбленность и готовность применять насилие. Энценсбергера он изображал «заезжим шутом при дворе мнимых революционеров, который долго заимствовал для своих стихотворений небедительные метафоры из лексикона 1920-х годов, в наше время никого не способные подвигнуть к действию; по этой

причине теперь он спешит провозгласить себя поэтом революции, по-прежнему сохраняя позу безответственного болтуна, которого не заботят практические последствия его заманчивых призывов»¹⁶².

ЦАРИ ОБЕЗЬЯН С ЗОЛОТЫМИ ЖЕЗЛАМИ

Почитание массового убийцы

Сегодня участники протестов выглядят эгоцентричными провинциалами. Действительно, стержнем мировой политики в 1968 году была не отнюдь не деятельность нескольких десятков тысяч сравнительно благополучных студентов из Беркли, Берлина, Парижа и Турина. По-настоящему важные события происходили тогда в Праге и Пекине. Это критическое замечание, сделанное Ральфом Дарендорфом, затрагивает один существенный пункт¹⁶³. 21 августа 1968 года советские войска вторглись в Чехословакию. Они задушили Пражскую весну и на 20 лет с лишним продлили разделение Европы. В это же время в Китае, охваченном культурной революцией, достигла высшей точки развязанная государством кампания массового убийства граждан.

Лишь кучка новых левых собралась 21 августа 1968 года перед чехословацкой военной миссией в Западном Берлине. На следующий день представители всех влиятельных левых групп (Республиканского клуба, ССНС, Социал-демократического университетского союза, союза «Соколы»*, Объединенного студенческого комитета Технического университета, Объединенного студенческого комитета Свободного университета Берлина, Объединенного студенческого комитета Евангелической духовной школы) составили удивительную листовку. Она гласила, что «военное решение было бы оправданно» только в случае угрозы правого переворота. Однако до этого, несмотря на «проявления буржуазности» в реформируемой ЧССР, дело не дошло. Листовка заканчивалась обычным для тех лет призывом, не имевшим никакого отношения к происходящему: «Да здравствует мировая социалистическая революция!»¹⁶⁴

* Полное название: «Социалистическая молодежь Германии — Соколы».

Следом правление ССНС выбросило на рынок состряпанную второпях брошюру, не свободную от орфографических и грамматических ошибок. На титульном листе красовалось напыщенное обозначение источника: «Выступление по телевидению команданте Фиделя Кастро Рус, премьер-министра революционного правительства и первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Кубы, проанализировавшего в пятницу 23 августа 1968 в “год героя-партизана” события в Чехословакии». Кубинский лидер нашел осторожные слова для критики советского «ревизионизма», но все-таки оправдал вторжение ссылкой на «горькую необходимость». Автор предисловия к брошюре Бернд Рабель нападал на Оту Шика, чешского экономиста еврейского происхождения, бывшего узника концлагеря Маутхаузен, чья новаторская модель якобы сводила на нет успехи, достигнутые «коллективным воспитанием», а также на советского экономиста-реформатора Евсея Либермана. Последняя фраза трескучего предисловия гласила: «Главным врагом европейского социализма являются также американский империализм и его марионетки во всем мире»¹⁶⁵. Публикуя подобные тексты, многие новые левые спешили вытеснить из памяти жестокое подавление Пражской весны. Журнал *Kursbuch*, духовная цитадель Энценсбергера, не стал посвящать этому сюжету свой очередной номер.

Спустя несколько недель после вторжения во Франкфурте собралась конференция ССНС. Злободневную, важнейшую для социалистов тему Чехословакии делегаты исчерпали «в нескольких придаточных предложениях». Только Даниэль Кон-Бендит, которого после парижского мая 1968 года выслали в Германию, «на правах приглашенного оратора подверг критике политическую беззубость конференции — прежде всего потому, что ее участники не касались вопроса о советской интервенции». Так записано в протоколе ФСЗК166. В официальном отчете ССНС о выступлении Кон-Бендита не сказано ни слова. Зато делегаты усердно занимались «вопросом организации» и «женским вопросом», точнее сказать — собой и только собой.

С началом китайской культурной революции новые левые заразились маоистской лихорадкой. Мао положил

начало этому движению в конце 1966 года. Оно опиралось на хунвейбинов и очень быстро охватило три миллиона молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет. Грубый произвол, творимый полчищами хунвейбинов в Китае, бунтари ФРГ и Западного Берлина восприняли как «перманентную революцию», «непрерывный процесс обучения масс и партии, направленный на создание нового человека», как достойную восхищения «попытку породить нестабильность и противоречия в самой основе общества» и в результате за короткое время «смести больше закоснелых институтов, чем можно было мечтать». С людьми, видевшими в культурной революции преимущественно «террор», по мнению левых, «не стоило и говорить»¹⁶⁷. Студенты и студентки весело скандировали маоистские речевки: «Враг с каждым днем гниет все больше, а нам день ото дня только лучше!», «Революция — не вышивание салфеток!» или «Источник любой власти — ствол винтовки!»; очень популярной была и такая: «Ничто реакционное само не рухнет: его нужно опрокинуть».

Иоахим Фест, говоря о немецком молодежном движении 1967 года, заметил в связи с этим феноменом: «Их ведет не Йорг фон Фрундсберг, а Мао. Впрочем, совпадение полное»¹⁶⁸. В то время Фест не мог подозревать, что Гюнтер Грасс служил в подразделении войск СС «Фрундсберг» и что позже он будет объяснять название этой боевой единицы следующим образом: «Я знал, что во времена крестьянских войн он был предводителем Швабского союза и носил прозвище “отца ландскнехтов”. Он символизировал свободу, освобождение». Славившемуся бойцовским характером Фрундсбергу, о котором Грасс, как и историческая наука, имел лишь самое общее представление, приписывается изречение: «Много врагов — много чести». Ну а мы, поколение-68, упивались фантазмагорическим образом Мао, отца вездесущих хунвейбинов, который, как нам представлялось, ратовал за свободу, провозглашая: «Если враг с нами борется, это хорошо, а не плохо».

12 января 1967 года киностудия Свободного университета показала в набитой битком аудитории Макса Каде китайский фильм «Великая пролетарская культурная революция». После показа состоялась дискуссия Рихарда Левенталья

и студента-психолога Райнера Лангханса, члена ССНС. Лангханс недооценивал значение культа личности, видя в нем лишь неизбежное переходное явление; Левенталь же нашел для культурной революции определенное место в истории коммунизма. Он сопоставил ее с наиболее кровавой фазой сталинского террора в СССР. В условиях конфликта между «ветеранами революции» и «технократической бюрократией» Сталин в 1937-м и последующих годах «выкорчевал» тех, кто выступал на стороне «рационально мыслящих специалистов». Нечто структурно схожее, пусть не совсем прояснившееся в деталях, теперь можно наблюдать и в Китае, рассуждал Левенталь. По его мнению, старые революционеры из окружения Мао Цзэдуна создали в своекорыстных целях как бы «искусственных ветеранов», возложив их роль на юных хунвейбинов¹⁶⁹.

20 февраля 1967 года Объединенный студенческий комитет Свободного университета разослал приглашения на доклад о китайской культурной революции. Они были украшены одним из тех цветистых самохвальных лозунгов, которыми хунвейбины пекинского университета Цинхуа покрывали свои дацзыбао: «Революционеры подобны Царю Обезьян, их золотой жезл исполнен мощи, их сверхъестественные силы простираются далеко, их магия всевластна, — ибо они владеют непобедимым учением Мао Цзэдуна. Мы куем наши золотые жезлы, используем наши сверхъестественные силы и пускаем в ход наши магические способности, чтобы перевернуть старый мир вверх тормашками, разнести его на куски, обратить его в прах, устроить хаос и затеять великую смуту: чем сильнее она будет, тем лучше!»¹⁷⁰

Хунвейбины имели в виду мифологическую фигуру Царя Обезьян Сунь Укуна, обладателя золотого жезла — атрибута власти. Царь Обезьян хитер, умеет прятаться, перелезть из одного места в другое, переворачивать все вверх дном — и при этом неизменно одерживает победу над своим противником, военачальником свиней Чжу Бацзе. В середине 1968 года Петер Шнайдер, ссылаясь на Мао Цзэдуна, утверждал в журнале *Kursbuch*: «Осуществление программы реализации либидо в условиях позднего капитализма и империализма и есть мировая революция». В подобных

текстах и речах Мао представлял мессией, который, как казалось авторам, проповедовал желательное слияние насилия и сексуального наслаждения и указывал путь к окончательному и длительному торжеству этого наслаждения¹⁷¹.

Как этот рай выглядел на деле? С 1966 по 1976 год, когда Мао умер, в КНР погибли по меньшей мере три миллиона человек, ставших жертвами проводимых государством «чисток». Кроме того, в ходе культурной революции около ста миллионов китайских граждан потеряли работу, перенесли унижения и пытки, были отправлены в лагеря, где занимались тяжелым принудительным трудом. Дэн Пуфан, старший сын Дэн Сяопина, подвергся издевательствам со стороны хунвейбинов и, пытаясь спастись, выпрыгнул из окна*. С тех пор он полностью парализован. В 1988 году Дэн Пуфан основал Всекитайскую ассоциацию инвалидов¹⁷². Ученицы одной из пекинских женских школ забили насмерть свою директрису; «реакционных» художников хунвейбины доводили до самоубийства; 86-летний крестьянин вспорол грудь мальчику, сыну бывшего землевладельца, чьи земли давным-давно были экспроприированы. «Да, я убил его, — позже сказал журналисту престарелый убийца, — ведь он был врагом... Ха-ха! Я делаю революцию, и сердце у меня красное! Разве не сказал председатель Мао: или мы убиваем их, или они убивают нас? Мы с вами живы, идет классовая борьба!»¹⁷³

Я не могу не напомнить еще раз о кровавой стороне китайской культурной революции, так как западногерманские фанаты «великого вождя» пропускали крики, доносившиеся с бойни, мимо ушей. Сегодня многие бывшие поклонники Мао хранят сконфуженное молчание. Они пытаются создать впечатление, что всеобщий маоистский энтузиазм возник позже, в 1970-е годы, с появлением ультрадоктринерских коммунистических групп профессиональных революционеров, и что экс-маоистом может быть назван лишь тот, кто принадлежал к одной из так называемых К-групп. Об этом не может быть и речи. Не будем забывать: в 1968–69 гг. портрет Мао Цзэдуна украшал каморки многих

* Согласно другой версии событий, его выбросили из окна хунвейбины.

студентов и школьников, симпатизировавших новым левым Западной Германии. Тысячи молодых людей, включая и меня самого, прикалывали к лацкану пиджака маленькие значки с фотографией или золотым профилем Мао на красном фоне.

Безусловно, в культе Мао наличествовал момент провокации, порой — веселого легкомыслия. Можно усмотреть в нем современный отголосок романтической увлеченности Китаем, свойственной прошлым столетиям, поздний след той мощной притягательности, какой бесконечно далекий Восток — мало изученный, создавший необычайно интересную, но трудную для понимания культуру, — издавна обладал для Запада. Однако восторженное отношение левых к культурной революции объясняется в первую очередь ее откровенно варварским характером. Это предельно ясно выразил Левенталь: «В основе восхищения “новых левых” личности — Кастро и Мао лежит романтическая аберрация, из-за которой в этих деятельных и жестоких правителях видят “благородных дикарей” нашего времени»¹⁷⁴. Поскольку культурная революция вершилась где-то далеко, за Великой Китайской стеной, западным поклонникам ее предводителя было нетрудно смотреть сквозь пальцы на творившееся насилие и наслаждаться выдающимися деяниями главной фигуры этого революционного театра теней. Иначе никак нельзя понять подобострастно комментируемые стихи Мао — по совместительству еще и великого поэта, — которые в начале 1969 года напечатал *Kursbuch*: «Четыре моря вышли из берегов, тучи и воды охвачены гневом, / Пять частей света содрогаются, ветер и гром бушуют. / Вы должны вымести прочь всех зловредных насекомых: / Иных врагов у вас нет». Комментатор Иоахим Шикель считает «редкой удачей» тот факт, что Мао Цзэдун, «главнокомандующий в этой битве», сражается на «двух фронтах»: «политическом, который обстреливается литераторами, и литературном, который обстреливается политиками». Участь «зловредных насекомых» Шикеля не интересовала, зато он всю превозносил Движение Четырех Чисток (также называемое Движение за социалистическое воспитание)», которое в 1964 году подготавливало переход к культурной революции¹⁷⁵.

Что могло быть известно о преступлениях Мао?

Сегодня номера журнала Kursbuch и цитатники Мао Цзэ-дуна сгинули в кучах макулатуры. Разве что старые боевые друзья-подруги, понизив голос, перемолвятся на очередном совместном торжестве: «Скверные вещи теперь приходится слышать о Мао; говорят, он и с женщинами не слишком хорошо обращался». Другие, прочитавшие книгу Юн Чжан «Дикие лебеди» или увидевшие фотографии времен культурной революции, сделанные Ли Чжэньшэном, возмущенно ахают: «Откуда же нам было знать!» Листая альбом Ли Чжэньшэна «Красный рядовой репортажа», можно найти снимки 1966–69 гг., которые сразу же заставляют вспомнить нацистскую Германию. На них молодые мужчины и женщины разоряют древние буддистские монастыри и не столь старые христианские церкви, сжигают священные книги и атрибуты культа. Затем с видимым удовольствием разрушают и сами здания. Под крики разгоряченной толпы они издеваются над буддистскими монахами, заставляя тех подниматься на помост, выступать с публичной «самокритикой» и держать над головой транспарант с надписью: «К черту буддистские писания. Это сплошной собачий бздех». Можно видеть и другие сцены ритуального разрушения и поругания: «контрреволюционерам» сбывают или вырывают волосы, в буквальном смысле затыкают рты, а то и публично расстреливают некоторых, подвергшихся абсурдным обвинениям.

Все это мы в те годы попросту не желали знать. Мы, корившие собственных родителей за равнодушное, по меньшей мере, отношение к преступлениям нацистов и за то, что впоследствии они оправдывались своим неведением, — да, именно мы, если речь заходит о преступлениях Мао, приводим точно такие же аргументы, молчим и ни о чем не хотим вспоминать. По аналогии с вопросом: «Что могли знать немцы?», который постоянно всплывает применительно к эпохе нацизма, можно поставить и вопрос в отношении бывлых поклонников Мао: что могли бы с полной достоверностью узнать студенты, что именно мог узнать лично я о преступлениях, которые творились в Китае в 1967–68 гг.?

Очень многое! Уже само постановление, в котором руководство компартии Китая провозгласило начало культурной революции, содержало призыв к широкому применению насилия. Это постановление было опубликовано в Пекине 8 августа 1966 года. В нем критикам политики Мао угрожали «борьбой не на жизнь, а на смерть» и «всей суровостью диктатуры пролетариата». Немецкий ученый Юрген Домес методично собирал, изучал и публиковал такие документы, а также устные и письменные свидетельства, поступавшие из Китая. Его нетрудно было найти в кампусе Свободного университета, в Институте Отто Зура. Это был эксперт высокого класса. Нам ничего не стоило записаться на его занятия. Домес постоянно предлагал студентам участвовать в семинарах, посвященных китайской внутренней политике.

В 1967 году Домес публиковал обзоры, из которых можно было узнать, что повсюду в Китае, прежде всего в Пекине, Шанхае и других крупных городах, тех, кто критиковал вождя партии, хунвейбины «таскали по улицам, избивали, унижали, пытали, а во многих случаях, как достоверно известно, и убивали». Они «разрушали храмы, христианские церкви и некоторые музеи и проводили “домашние обыски”, уничтожая “буржуазные предметы роскоши”, в том числе напольные часы, аквариумы и музыкальные инструменты». 24 января 1967 года во время сеанса «самокритики», устроенного хунвейбинами, китайский министр иностранных дел маршал Чэнь И сообщил, «что только в конце лета и осенью 1966 года было физически ликвидировано более 400 000 кадровых специалистов»¹⁷⁶. С первых дней культурной революции Домес вел на своем рабочем месте точный список функционеров из правящей элиты Китая, которые были арестованы, совершили «самоубийство» или умерли от «сердечного приступа»¹⁷⁷. Еще в 1964 году Домес подсчитал, что социалистические преобразования в сельском хозяйстве и природные катаклизмы привели в Китае к массовому голоду и в течение полутора лет повлекли за собой «по меньшей мере 10,5 миллионов человеческих жертв»¹⁷⁸.

В девятом номере журнала *Kursbuch*, волею случая вышедшем как раз в июне 1967 года, Энценсбергер разместил

80-страничный панегирик: «Диалектика в Китае. Мао Цзэдун и Великая Культурная революция». Его сочинил, буквально наштамповав примечаниями, Шикель, уже представленный мной агиограф Мао. Домеса, опытного китаиста, он не цитировал. Напротив, призывал не доверять «досадным» сообщениям беженцев и ссылался на источники иного рода: «Председатель Мао вместе с миллионом человек на празднестве, посвященном великой культурной революции» (Пекинское обозрение, 1966/35)». Впрочем, автор Kursbuch опирался на немецкого экономиста, который совершил длительную исследовательскую поездку по Китаю и описал ее в книге «Китайская народная коммуна во время и после большого скачка», снабдив свой труд обильной цифирью. Ученый превозносил китайский эксперимент, называя его успешной формой тоталитарной политики развития. Массовый голод, приведший к гибели миллионов людей, он мягко называет «периодом недоедания»; в другом месте говорит о «временном регрессе». С похвалой отозвался экономист о «значительном сокращении городского населения», укрепившем «сельскохозяйственный фронт», и нашел теплые слова для государственной «службы переселения», возвратившей «на полевые работы рабочую силу числом более 20 миллионов человек». Что же касается «крутых мер», «всегда сопряженных с большими жертвами и потерями», то он оправдывал их необходимостью накопления капитала¹⁷⁹.

Главного свидетеля китайских событий, много раз цитируемого Шикелем, звали Макс Биль. В 1940–44 гг. он руководил в оккупированной немцами Польше ведущим отделом Главного управления экономики. В НСДАП Биль вступил в 1933 году. Когда в 1939 году гитлеровская Германия образовала самостоятельное государство Словакию, Биль на страницах гамбургского журнала *Wirtschaftsdienst* советовал новому правительству этой страны немедленно заняться «решением еврейского вопроса», «полной экспроприацией еврейской недвижимости» и «перегруппировкой кредитных учреждений». Как только эти меры были осуществлены, он поспешил выразить радость в связи с тем, что теперь для словаков-неевреев «открылись новые возможности продвижения по государственной службе и в области свободных профессий».

В оккупированной Польше этот человек смог еще более укрепить свою пылкую любовь к службам переселения, которые покажутся ему столь достойными похвал и столь знакомыми спуты 25 лет, в коммунистическом Китае.

В январе 1941 года Биль сообщал своим ганзейским читателям, что политика переселения в оккупированной Польше является «исходной точкой для немецкого строительства»: «Здесь, однако, не место полностью перечислять группы, которые в дальнейшем могли бы подлежать, с одной стороны, выселению, а с другой — возвращению на родину или направлению в польское генерал-губернаторство». В немецко-польском журнале *Wirtschaftliche Leistung*, одним из основателей которого был он сам, Биль в конце 1942 года высказался еще яснее: «Благодаря успешному отсеву евреев теперь перед населением генерал-губернаторства открывается пространство для карьерного продвижения»¹⁸⁰.

Таковыми были духовные основы, послужившие журналу *Kursbuch* для пропаганды культурной революции Мао в 1967 году. Для тех, кто доверчиво проглатывал тогда подобные тексты, это навсегда останется позорной страницей биографии. В сентябре 2007 года Ханс Магнус Энценсбергер заявил, что он, издатель *Kursbuch*, в ту пору был кем-то вроде этнолога-любителя, «небезразличного наблюдателя». Кристиан Землер, который с 1970 по 1980 год был одним из лидеров маоистской КПП, обманывал себя и других, заявляя в 1998 году: сочувствовавшие «китайской утопии» отреклись от нее в конце 1970-х годов, среди прочего, потому, «что открылись факты тяжелого политического гнета»¹⁸¹.

Обо всем этом Землер прекрасно мог знать уже 6 октября 1974 года, когда на заседании по случаю 25-летней годовщины образования Китайской Народной Республики заявил своим соратникам по КПП: «Для немецких товарищей великий творческий вклад товарища Мао Цзэдуна стал надежным компасом». Кроме того, он еще на протяжении многих лет отправлял «рабочие делегации» своей опереточной партии с дружественными визитами в КНР, где дорогих гостей приглашали на торжественные банкеты. После того как 9 сентября 1976 года великий кормчий переселился в лучший мир, немецкие маоисты устроили основное траурное

мероприятие в Дюссельдорфе. В ноябре 1976 года Землер и члены его ЦК расшаркивались перед ЦК братской китайской партии в Пекине¹⁸². 10 апреля 1976 года он со своей правоверной коммунистической сектой провел в Дортмунде «праздничное мероприятие» по случаю первой годовщины взятия Пномпеня головорезами Пол Пота. В январе 1978 года все та же КПП заявила о «безусловной поддержке» вождя красных кхмеров¹⁸³.

Да, большинство прозрело гораздо раньше, чем маоисты из КПП. И все же, вспоминая первые годы протестных выступлений, надо признать: мы, левые радикалы, долгое время просто не желали видеть факты. Они мешали нашим коллективным фантазиям, портили удовольствие от обожания чего-то истинно великого, манившего издалека. Точные знания разрушили бы нашу единодушную убежденность, согласно которой при революционной рубке леса летят щепки и нужно заранее учитывать возможные жертвы. Потому мы и навесили на Домеса, приносившего неприятные вести, ярлык заскорузлого «правого». Во время телевизионной дискуссии в апреле 1968 года министр научных исследований Штольтенберг указал на «акты жестокости», сопровождающие китайскую культурную революцию. Его собеседник Рабель возразил: «С вашей стороны это циничная инсинуация»¹⁸⁴. Тогда же Гюнтер Амедт (ССНС) выпустил 13-й номер альманаха *Voltaire Flugschrift*, бесконечно далекого от просветительских идеалов. Номер назывался: «Китай. Сказочная страна на страницах немецкой прессы». Впрочем, из него можно было извлечь немало правдивых сведений, которые опровергались авторами как поклеп на Китай, возводимый буржуазными СМИ.

Когда я сегодня читаю сочинения Юргена Домеса (1932–2001), передо мной с сорокалетним запозданием — в котором виноват я сам — встает образ ученого, тщательно осмысливавшего факты и с осторожностью выносившего суждения. Гневный антикоммунизм ни в коей мере не застил ему глаза. Но Домес не мог помешать детям нацистов водить хороводы вокруг обожествляемого массового убийцы, восхищаться великим вождем, который изъяснялся образным языком во вкусе Альберта Шпеера и Йозефа Геббельса, махал рукой

счастливым, как казалось, толпам и время от времени обращался к ним с наставлениями.

Либеральные заигрывания с левыми радикалами

Молодежный бунт культивировал любовь к насилию и слепоту по отношению к фактам настоящего и прошлого. Дучке в своем революционном символе веры «Противоречия позднего капитализма» заметил, что после гибели одного из соратников студенты отдали «инициативу врагу» и тем самым пренебрегли «главным правилом, которому мы научились у Мао Цзэдуна, Гевары и Фанона, обдумывая опыт “третьего мира”». Поскольку вначале возмущенным студентам действительно недоставало готовности к насилию, ими в первые недели после 2 июня 1967 года, по мнению Дучке, овладело чувство «беспомощности, они вели себя как евреи и старались рационально оправдать собственную неспособность воззвать к массам»¹⁸⁵.

Как понимать эту метафору, получившую в то время широкое распространение и повторявшуюся в самых разных листовках и речах представителей ССНС? Разве евреи, которых преследовали немцы, погибли из-за того, что забыли своевременно воззвать к массам? К немецким массам? Представьте, что в наши дни бургомистр какого-нибудь бранденбургского городка призвал оказать сопротивление плану строительства мусороперерабатывающего завода или общежития для беженцев, поскольку в противном случае жители «поведут себя как евреи». Неважно, к какой партии принадлежит такой человек, — он уже на следующий день провалится в политическую преисподнюю. А вот Руди Дучке, как и десяткам тысяч его слушателей и читателей, это сравнение не мешало. Может быть, они презирали евреев как раз за отсутствие готовности к насилию?

Том, в котором содержится этот текст Дучке, выпущен издательством Rowohlt в серии *gogoro-aktuell* в мае 1968 года, спустя несколько недель после 11 апреля — дня, когда на автора было совершено покушение. В том же месяце тираж книги достиг 110 000 экземпляров. Что касается истребления

европейских евреев, то Дучке смыслил в этом предмете очень мало или не смыслил вовсе; как будет показано ниже, он вообще не желал о нем знать. В этом отношении он был вполне репрезентативным представителем левых радикалов — таких в этом лагере было много. Когда в 1967 году знакомый Рауля Хильберга предложил издательству Rowohlt перевести книгу этого автора об уничтожении европейских евреев (*The Destruction of the European Jews*), редактор Фриц Й. Раддац, отвечавший за издание сочинений Дучке, ответил: издательство слишком «загружено» актуальным материалом и не планирует «жертвовать другими проектами» ради фундаментального исследования Хильберга¹⁸⁶.

В числе потенциальных «жертв» Хильберга, когда-то бежавшего от нацистов из Вены, могли оказаться бодро штампуемые тома серии *gogogo-aktuell*, как-то: «Эрнесто Че Гевара. Поджигатель или миротворец?», «Мао Цзэдун. Теория партизанской войны, или Стратегия для “третьего мира”», «Габриэль и Даниэль Кон-Бендит. Левый радикализм: насилие как лекарство от старческих болезней коммунизма». Если бы издательство решило содействовать распространению информации о массовых убийствах, совершенных немцами, и напечатать хотя бы одну книгу о немецких воителях за расу, оно, возможно, было бы вынуждено отказаться и от ряда других планируемых публикаций, посвященных критике американской политики вооружения и расовой политики. Как бы то ни было, монументальный труд Хильберга был напечатан на немецком языке лишь в 1982 году маленьким леворадикальным издательством Olle und Wolter. Этой датой отмечено возвращение новых левых на твердую почву исторических фактов.

Издательство Fischer-Taschenbuchverlag лишь в 1990 году включило «Уничтожение евреев Европы» в свой расширившийся со временем план. А в 1967 году каталог этого издательства также блистал другими названиями, например: «Красная книжечка. Речи председателя Мао Цзэдуна». В период до 1977 года общий тираж «Речей» составил 140 000 экземпляров. Аннотация гласила: «Эта книга лежит в основе “пролетарской культурной революции” в Китае; она глубочайшим образом повлияла на политические процессы и на Востоке,

и на Западе. “Идеи Мао Цзэдуна — как только ими овладевают широкие народные массы, — становятся неиссякаемой силой, всесокрушающей духовной атомной бомбой” (Линь Бяо)».

Новые левые, словно их обуял бес, делили весь мир на черное и белое. Они были уверены, что нашли архимедову точку опоры для рычага, способного повернуть мировую историю в новое русло. Точно знали, как различить основные и неосновные противоречия, знали, в чем именно заключаются те и другие. Они оставались слепы к гуманному измерению, которое содержит в себе любой компромисс, причем в этом отношении их поддерживали многие либеральные симпатизанты и салонные большевики вроде Раддаца, Энценсбергера и Себастьяна Хафнера. Последний весной 1967 года пропагандировал китайскую культурную революцию, утверждая, что она открывает «новый материк в истории человечества». По его словам, она продолжила с того места, где «в свое время остановился разочарованный русский большевизм». Хафнер восхвалял и Мао, и Гевару, показавших с «потрясающей меткостью» опасности самодовольного состояния, в которое после победы революции впадает новая власть. С таким же восторгом Хафнер встретил в 1968 году трактат Йоханнеса Аньоли и Петера Брюкнера, доказывавший необходимость революционного «преобразования демократии»: это сочинение он назвал «маленьким шедевром»¹⁸⁷. Эрнст Френкель упрекал носителей подобного умонастроения в заигрывании «с радикализмом кофеен»¹⁸⁸.

Директор Алленсбахского института Элизабет Нелле-Нойман, чью экспертизу политических воззрений студентов мы обсуждали выше, исследовала на своей кафедре публицистики в Майнце вопрос о том, как реагировали на студенческие выступления в связи с визитом шаха и убийством демонстранта Бенно Онезорга ежедневные газеты. Результаты она представила в декабре 1967 года. Бенно Онезорг был застрелен вечером в пятницу после 20 часов, поэтому большинство статей, посвященных событию, вышли в понедельник, 5 июня. 64% газет сообщали о происшествии в нейтрально-деловом тоне, 28% использовали политические ярлыки («левый радикал»), а 15% оценивали студентов с нескрываемым пренебрежением («дебоширы», «хулиганящие

недоумки»). Сумма по трем разграничительным критериям дает 107%, но это объясняется тем, что в одной и той же газете характеристики могли попадать в разные рубрики.

Однозначно дискриминационный тон предпочитали 83% изданий, принадлежавших концерну Шпрингера. В остальных газетах доля пренебрежительных отзывов составляла лишь 6%. Число комментариев, возлагавших ответственность за трагический исход берлинской демонстрации 2 июня главным образом на власти и, напротив, винивших в происшедшем студентов, было почти одинаково, с некоторым перевесом последних¹⁸⁹. О систематической кампании, направленной против протестующих студентов, можно говорить только в Берлине, где более 70% ежедневных газет печатались издательством Шпрингера. В целом же средства массовой информации реагировали на протесты нейтрально или даже с пониманием.

Идеи ССНС находили отклик далеко за пределами студенческого круга — не столько из-за их конкретного содержания, сколько по причине своей эффектности. По заказу федерального правительства институт Emnid провел в начале 1968 года тайный опрос: «Отношение населения к Дучке». Исследование предусматривало дифференциацию респондентов не по возрастным группам, а по социальной принадлежности и партийным предпочтениям. Выводы: «Требования Дучке находят широкое понимание прежде всего в образованных слоях населения. Это можно утверждать уже о выпускниках средней школы, и тем более — о кончивших гимназию или высшее учебное заведение».

Симпатия к реформаторским идеям распространилась также в студенческих корпорациях (буршеншафтах), включая и самые консервативные «фехтующие организации»*. 18 января 1968 года, в годовщину основания империи, распорядитель студенческого праздника — в сорочке с манжетами, в сапогах и при сабле — потребовал введения равного представительства профессоров, ассистентов и студентов в органах университетского самоуправления. Особенно заметны

* Буршеншафты, практиковавшие так называемое академическое фехтование и даже поощрявшие поединки.

были сторонники СвДП, которая под руководством Вальтера Шееля превратилась из объединения кавалеров рыцарского креста* в либеральную реформаторскую партию и избавилась от так называемого гауляйтерского крыла; как правило, свободные демократы считали призывы Дучке к переменам «отчасти оправданными»¹⁹⁰. Без сомнения, новое общественное большинство, поставившее у власти социал-либеральную коалицию под руководством Вилли Брандта и Вальтера Шееля, которой удалось получить небольшой перевес на выборах осенью 1969 года, сформировалось под влиянием неистового натиска студентов. Большинство либералов увидели в студенческих протестах счастливую возможность попытаться наконец расширить демократию. Принимая во внимание отчеты, подобные упомянутому выше, министр внутренних дел Бенда в конце 1968 года отказался от мысли запретить ССНС. Он опасался, что эта репрессивная мера вызовет «серьезную» критику в обществе и «преимущественно негативную реакцию в студенческой среде»¹⁹¹.

* Высшая военная награда в гитлеровской Германии.

ОТКРОВЕННО АНТИКОНСТИТУЦИОННАЯ

Цель оправдывает средства

После покушения на Дучке движение продолжало шириться. На первомайскую демонстрацию в Западном Берлине новые левые вывели сенсационное количество участников — 30 тысяч. Их шествие по рабочему району Нойкельн было куда более привлекательным, чем традиционный митинг Объединения немецких профсоюзов (ОНП) перед рейхстагом, хотя там выступал Вилли Брандт. Десять дней спустя в Париже на улицы вышли 30 тысяч студентов, которые под защитой шестидесяти баррикад днем и ночью сражались с отрядами спецназа. Одновременно в боннском парке Хофгартен около 50 тысяч человек, преимущественно молодежь, провели демонстрацию против чрезвычайных законов. Руководство ССНС, недовольное мирным ходом протестов, видело в них «возврат к временам “пасхальных шествий”»¹⁹². 13 мая на демонстрации, инициированной коммунистическими и леворадикальными организациями, 800 тысяч французов потребовали отставки президента де Голля, который ненадолго улетел в Баден-Баден, где размещалась миссия командующего французскими вооруженными силами в Германии. 28 мая Ханс Магнус Энценсбергер призвал: «Давайте создадим, наконец, в Германии такую же ситуацию, как во Франции»¹⁹³.

После жестоких уличных боев на пасхальной неделе ведомство федерального канцлера произвело ревизию полицейских сил: в тот момент полиция ФРГ насчитывала примерно 20 300 сотрудников в частях специального назначения и около 121 000 — в общеполицейских и земельных частях¹⁹⁴. По мнению ответственных лиц из МВД, против демонстрантов не следовало выставлять подразделения федеральной пограничной охраны, поскольку они могли срочно потребоваться для защиты границ. Кроме того, нужно было

«считаться с тем, что в случае волнений внутри страны» ГДР попытается «забросить на территорию ФРГ “пьяную колону”», которая станет «подогревать» беспорядки¹⁹⁵.

В конце мая 1968 года федеральный канцлер Кизингер получил ряд тревожных сообщений: «аполитичные, в сущности, студенты отделений германистики и романистики берлинского университета толпами переходят в лагерь радикалов», «в Баварии студенческие волнения также становятся все более опасными»; в Баден-Вюртемберге налицо «ультра-революционный настрой» молодежи, сопровождающийся «ребяческими выходками»; «ректоры деморализованы и беспомощны»; «теперь всего опаснее было бы пустить в ход полицейскую дубинку»¹⁹⁶. Впрочем, наблюдалась и противоположная тенденция: летом 1968-го каждый второй берлинский студент отказывался платить обязательный взнос в Генеральный студенческий комитет, которым фактически управлял ССНС¹⁹⁷.

Тем временем пришли в себя осведомители из кёльнской Федеральной службы защиты конституции (ФСЗК). Их информация более или менее соответствовала реальному положению дел. Судя по их донесениям, ССНС из-за отмены правительственных субсидий безнадежно погряз в долгах и явно переживал тяжелый кризис. «Чтобы скрыть затруднения и избежать рационального анализа внутренних противоречий, он может “прибегнуть к активным действиям”». Так и случилось. ССНС сам заговорил о фазе депрессии¹⁹⁸.

Важнейшим полем деятельности политических активистов была «борьба с классовой системой правосудия». На тот момент были возбуждены более 2500 уголовных дел против так называемых возмутителей общественного спокойствия. Статистика свидетельствует о колебании уровня протестных настроений в разных землях и, соответственно, о существенных различиях в практике уголовных преследований: Баден-Вюртемберг — 112 уголовных дел, Бавария — 272, Бремен — 36, Берлин — 491, Гессен — 214, Нижняя Саксония — 82, Северный Рейн-Вестфалия — 261, Рейнланд-Пфальц — 6, Шлезвиг-Гольштейн — 98, Саар — 0199.

Согласно докладу ФСЗК от 6 ноября 1968 года, на заседании ССНС, состоявшемся в Берлине 1 октября, Хорст Малер

предложил создать некий «синдикат» — внутреннюю службу разведки СНСС, которая будет «собирать компромат на действующих судей, включая интересные подробности их личной жизни». Ноябрьская конференция делегатов ССНС приняла его предложение, постановив «образовать “следовательские группы” для “изучения” личной жизни и прошлого судей и прокуроров». Что могло означать такое «изучение», если не одну из форм принятого тогда сексуального шантажа? Во Франкфурте студенты распространили листовку о деятельности председателя окружного суда Ханса-Вернера Гизеке, который, согласно изданной в ГДР «Коричневой книге», во время войны был председателем военно-полевого трибунала в Греции.

На ноябрьском съезде СНСС, который в то время не имел постоянного руководства, делегаты выбрали не обычное правление, а «руководящий коллектив», состоявший преимущественно из мужчин. В него, среди прочих, вошли Райнхард Вольф и Удо Кнапп. Планы реформирования высшего образования перестали быть актуальными для СНСС, и он, как сообщала ФСЗК, устремился к новым берегам: «В своем заключительном слове д-р Вольф обозначил в качестве главных следующие актуальные задачи: координацию борьбы с системой правосудия, студенческий бунт (вторая фаза политики в отношении высшей школы) и подготовку в «базовых группах» «проектных групп, составленных из рабочих», прежде всего в Рурском промышленном районе. Как заявил Вольф, «руководящий коллектив Союза станет координатором борьбы против госаппарата. Основной базой этой борьбы по-прежнему остаются вузы».

4 ноября 1968 года в берлинском земельном суде на улице Тегелервег слушалось дело о запрете на профессию в отношении Хорста Малера. Его обвиняли в нарушении адвокатской этики, поскольку после покушения на Дучке он принял участие в беспорядках возле здания, где размещался медиаконцерн Шпрингера. Кроме того, от Малера потребовали возмещения убытков за причиненный при этом ущерб на сумму 506 996,70 марок. Значительную часть этой суммы составлял ущерб от поджога автофургонов концерна, которым занимался внедренный агент ФСЗК Петер Урбах. К зданию суда

пришли около тысячи студентов, среди которых были и рокеры. Они вступили в уличный бой с полицейскими, чье вооружение состояло лишь из касок и шинелей. В итоге 130 полицейских и 21 студент получили ранения, 46 демонстрантов были арестованы²⁰⁰. По данным служебного расследования, демонстранты выломали из мостовой 2371 камень. Как уже говорилось, в университетах ФРГ в то время учились почти исключительно дети из буржуазных семей. В 1968 году по поводу аналогичных событий в Италии Пьер Паоло Пазолини писал: «Дети буржуазии забрасывают камнями полицейских — детей бедняков»²⁰¹.

Одним из зачинщиков побоища был Кристиан Землер, чей отец Йоханнес занимал, в частности, пост председателя наблюдательного совета компании BMW. Вечером того же дня Землер оправдывал применение силы: «Если мы действительно верим в успех борьбы с системой правосудия, мы должны не упускать из виду возможность поступательного наращивания силовых акций»²⁰². Участие рокеров он рассматривал «как “доказательство” мобилизации молодых рабочих», полагая, что «оправданна любая форма политического действия, включая индивидуальный террор против аппарата юстиции»²⁰³. Вскоре после этого руководитель профсоюза полиции, выступая на федеральном съезде этой организации в Берлине, заявил, что полицейские «не должны превращаться в буфер между бунтующей молодежью и истеблишментом, на который она нападает». Конфликт нужно решать исключительно политическими, а не полицейскими средствами²⁰⁴.

Некий анонимный берлинский «авторский коллектив, представляющий Генеральный студенческий комитет и ССНС», той же осенью 1968 года писал: «Как только мы восстановим массовость движения, нужно будет переходить к боевым операциям. Точечные акции, пропаганда посредством действия, грабежи и т.п. — все это вновь обретет смысл»²⁰⁵. После побоища у берлинского суда еще одна анонимная группа авторов из ССНС восхваляла в студенческой газете FUSpiegel забрасывание полиции «градом камней» и призывала «терроризировать реакционного судью до тех пор, пока он не будет сломлен физически». В разделе «Психологический террор как учебный процесс»

безымянные авторы из ССНС отметили, что «психологический террор против судей и прокуроров — лишь одно из средств борьбы с системой правосудия»²⁰⁶. К этому заявлению, но в более сдержанной словесной форме, присоединилось и вновь избранное правление ССНС. В статье под заголовком «О новой радикальности» его члены призвали создавать в вузах «освобожденные зоны», чтобы затем, после «уничтожения бундесвера», образовать «новую военизированную структуру», развернуть атаку на «западногерманское классовое правосудие» и приступить к «борьбе с учреждениями империалистического альянса, начиная с американских информационных центров «Америка-хаус» и кончая дипломатическими агентствами, действующими в ФРГ»²⁰⁷.

По данным ФСЗК, во время конференции делегатов ССНС раздавались листовки с практическими советами по изготовлению взрывчатых веществ. Там же приводилась схема расположения склада боеприпасов бундесвера в Люнебурге. Текст гласил: «Для чего нужна революционная толпа без оружия??? На складах все готово к раздаче. Долой бундесвер!»²⁰⁸

Судя по документам ФСЗК, кампания против системы правосудия, начавшаяся в октябре, очень быстро принесла первые плоды. 1 ноября запылало здание суда во Франкфурте, куда были брошены три самодельные зажигательные бомбы. 2 ноября в почтовый ящик уголовного суда в Моабите подложили зажженную тряпку, пропитанную горючей жидкостью. 4 ноября в Берлине неизвестные забросали коктейлями Молотова и бензиновыми канистрами конюшню конной полиции. 24 ноября неустановленные лица выбили окна в квартирах верховного прокурора Хорста Северина и участкового судьи Дригаллы, который приговорил к году тюрьмы Беату Кларсфельд за пощечину канцлеру Кизингеру, причем рассмотрел ее дело в ускоренном порядке. Неизвестные разбили окна и в квартире председателя земельного суда Паля, который вел кассационный процесс против членов «Коммуны-1» Фрица Тойфеля, Райнера Лангханса и других. Особенно быстро эпидемия насилия распространялась в молодежной среде. Двадцатилетний Райнхард Каль, увлекшийся политикой в Центре действий независимых и социалистических

школьников, поспешил напомнить собратьям о мобильных отрядах «городских партизан» в Испании: «Вооруженные коктейлями Молотова, камнями и т.п., они нападают на банки, правительственные и прочие здания, после чего разбиваются на мелкие группы, чтобы объединиться вновь возле следующего объекта»²⁰⁹.

19 декабря 1968 года руководство ССНС распространило рекомендации в связи с выборами в бундестаг осенью 1969 года. Процитируем один фрагмент, который ничего не говорит о тогдашней ФРГ, но красноречиво свидетельствует об умонастроении авторов: «В авторитарной системе позднего капитализма, где парламент все чаще превращается в инстанцию для оглашения заранее подготовленных решений, объективная функция избирательного цикла состоит в том, чтобы лишить массы самостоятельности и не дать им участвовать в процессе принятия политических решений, внушая при этом, однако, мысль, что они в качестве избирателей действительно обеспечивают так называемое народовластие»²¹⁰. В других текстах парламенты именовались «говорильнями» или «машинами формального одобрения».

Новые лидеры ССНС видели свою задачу, с одной стороны, в получении контроля над Объединением немецких студенческих обществ (ОНСО), а с другой — в рассредоточении протестного движения. Для этого были созданы рабочие группы, отвечавшие за разные направления деятельности — борьбу с системой правосудия, студенческие протесты, кампанию против бундесвера, работу на предприятиях, совершенствование технологии борьбы, интернационализм, протесты школьников, антиавторитарные детские сады. С 8 по 11 августа во франкфуртский Дом студентов съехались почти 300 делегатов от разных групп, чтобы выработать общую стратегию. На встрече, проходившей под девизом «Весну сменит жаркое лето», не было принято конкретных решений. Рабочая группа по технологии подготовила тезисы, содержавшие среди прочего инструкцию по изготовлению коктейлей Молотова.

Глава ведомства федерального канцлера Карл Карстенс с ужасом отмечал, что «индивидуальный террор нарастает», и советовал своему шефу Кизингеру: «Нельзя предпринимать какие-либо реформы в условиях нынешнего террора.

Сперва он должен прекратиться, а потом уже можно будет говорить о реформах». Карло Шмид настаивал на «решительных мерах» против лиц, открыто заявляющих, что «университет — это заповедная территория, где можно отрепетировать гражданскую войну»²¹¹. Начиная с декабря 1968 года чиновники Министерства внутренних дел характеризуют деятельность ССНС как «недвусмысленно и откровенно антиконституционную»²¹².

В конце мая 1969 года ССНС удалось сформировать правление ОНСО (VDS) из своих кандидатов — по-видимому, с целью сделать из него «социалистический боевой союз»²¹³. Газета этой организации *input* была переименована в *VDS militant*. Руководство ССНС не скрывало своих намерений: «Объединение немецких студенческих обществ просуществует еще полгода. За это время мы попытаемся вытряхнуть из него все средства». Вскоре ОНСО оплатило поездку делегации ССНС в Японию и группы из двадцати человек в Амман. По информации ФСЗК, Кристиан Землер получил приглашение от японского «Международного бюро коммунистической лиги (Фракция Красной Армии)» и собирался принять участие в антиимпериалистических конференциях в Токио и Осаке²¹⁴. Адвокату Хорсту Малеру были перечислены на судебные расходы 25 тыс. марок, которые он позже вернул «из-за сомнений правового характера». В ноябре 1969 года правление ОНСО, сформированное из членов ССНС, ушло в отставку, поскольку не смогло отчитаться перед «руководящей сволочью» из Социал-демократического университетского союза (*Sozialdemokratischer Hochschulbund, SHB*). Оказавшись перед необходимостью отвечать на вопросы, касавшиеся финансовых махинаций, правление не стало вдаваться в объяснения и покинуло собрание. По данным противников нового руководства ОНСО, находившегося под контролем ССНС, за полгода были допущены «злоупотребления» и, «судя по бухгалтерским и балансовым отчетам [...], к настоящему моменту недостача составила по меньшей мере 240 тыс. марок». Уже в первых строках резолюции, вынесенной независимыми студенческими представителями, было сказано, что «уходящее в отставку правление разрушило ОНСО, провалив организационную и финансовую работу, разбазарило

документы и имущество, принадлежавшие секретариату Объединения»²¹⁵. 13 ноября 1969 года два человека из ССНС, входивших в правление — Франк Вольфф и Михель Вольф, — продали Федеральному архиву документы ОНСО «за 12 тыс. марок (плюс 2 250 марок на транспортные расходы)»²¹⁶.

21 марта 1970 года ССНС прекратил свое существование. В январе 1970-го, после «разграбления» ОНСО, он потерял доступ к деньгам франкфуртского Генерального студенческого комитета, поскольку большинство членов ССНС провалились на выборах в тамошний студенческий парламент. Теперь ССНС стал должником. Так, франкфуртская типография Societät попыталась взыскать с него 72 тыс. марок, требуя возместить ущерб, причиненный во время «пасхальных беспорядков» 1968 года. Иск остался неудовлетворенным, поскольку ответчик в лице ССНС исчез и, как установил суд, «утратил процессуальную дееспособность»²¹⁷. Революционная риторика маскировала обычное банкротство. Что ж, революции всегда сопровождаются перераспределением материальных благ и неизбежной коррупцией. К примеру, средства Рудольфа Аугштайна и фирмы Gruner und Jahr, которые они пожертвовали на кампанию против шпрингеровского концерна, «были так или иначе растрачены частными лицами»²¹⁸. Посвященные знают, что такой же была судьба пожертвований, собранных в ходе некоторых других благотворительных кампаний.

К этому времени ветераны студенческого движения разделились на две группы. Одни решили остаться в проекте «Революция» и создали различные, по большей части доктринерские, коммунистические организации; другие занялись собственной карьерой. Бунтари, объединившись с умеренными реформаторскими силами, стали разрушать традиционные университетские структуры. Одновременно началась масштабная реорганизация университетов сверху. В этих условиях часть оппозиционеров, изначально тяготевших к радикализму, поспешила создать новые союзы и занять там ведущие посты. Один из них, под названием «Социалистическая ячейка ассистентов» (Sozialistische Assistentenzelle, SAZ), был образован 3 декабря 1969 года в Институте Отто Зура

(ИОЗ). Вступившие в него аспиранты, доктора и ассистенты констатировали: «Ассистенты занимаются профессиональной деятельностью, они продают свою рабочую силу»; при этом они не упустили отметить, что «в зависимости от института [...] тактика борьбы и оценка ситуации могут различаться»²¹⁹. Радикально настроенным студентам отводилась роль «рядовых бойцов». Для успеха общего дела предполагалось совместно продвигать на штатные университетские должности марксистов и реформаторов, соблюдая паритет.

Например, летом 1970 года в ИОЗ при моем активном участии началась кампания по выдвижению марксиста на кафедру Эйнерна*. Мы требовали, чтобы эта кафедра стала «мировоззренческой». В конце концов место получил Эльмар Альтфатер. Однако ему была предложена позиция профессора политической дидактики, оплачиваемая не так высоко; более выгодную должность получил проверенный, не имевший особых научных успехов социал-демократ Вернер Скур, который вел себя в ходе изнурительных битв за реформу высшей школы с ангельским терпением. Ушедший к этому времени на пенсию Эрнст Френкель с самого начала оценивал нашу кампанию трезво: «Поднимется адский шум по поводу преемника Эйнерна, все удивятся, когда будет достигнут компромисс, благодаря которому кафедрой станет заведовать милейший Скур, и никто не пикнет, если Альтфатер займет место Гроссера»²²⁰. Так и вышло.

Вдруг открылось множество штатных должностей. Нередко во вновь созданных университетах можно было, не имея научной степени, получить место доцента, а заведовать кафедрами назначали людей, которые не написали не только ни одной книги, но даже значимой статьи. Их так и называли: «уцененные профессора». Например, в 1970 году юная научная сотрудница (1944 года рождения), довольно поздно обратившаяся к марксизму, на основании своей дипломной работы получила хорошо оплачиваемое место в недавно созданном университете Бремена. Позже, в 1990-е

* Герт фон Эйнерн, один из «отцов-основателей» ИОЗ, с 1948 по 1971 г. заведовал кафедрой политэкономии на факультете социально-экономических наук.

годы, она рассказывала о тогдашних коллективных баталиях, в которых принимала участие: «Наши формы политической борьбы были чудовищно жестоки. Неколебимая уверенность в собственной правоте и самомнение — уже это одно было несносным. [...] Например, у нас был коллега, милый, мягкий человек — он, кстати, два года тому назад выбросился из окна, — как же мы все его допекали; он всегда занимал безукоризненную либеральную позицию, даже леволиберальную, но мы его постоянно обличали, потому что он не был марксистом»²²¹.

Вторая внутренняя эмиграция Эрнста Френкеля

Не забывая о декларируемых антифашистских убеждениях поколения-68, попытаемся теперь посмотреть на его радикализм глазами еврейских беженцев, которые вернулись в Германию после 1945 года, в основном из англосаксонских стран. Эти люди любили родной язык и приехали с твердой решимостью способствовать возрождению страны и утверждению республиканских идей. Среди них были, например, Макс Хоркхаймер, Эрнст Френкель, Эрик Фегелин, Теодор Адорно и Рихард Левенталь. Они видели недостатки новой Федеративной Республики и постоянно их анализировали. Выборы в бундестаг 1965 года Френкелю представлялись «брюзгливым примирением с “демократией благосостояния”»*. Он скептически оценивал распространенное «недовольство институтом парламента» и связанные с ним антидемократические колебания избирателей между апатией и радикализмом: «Пока в немецкой обиходной речи при употреблении существительного «компромисс» автоматически возникает ассоциация с прилагательным «гнилой», можно говорить: “какая-то в державе нашей гниль”»²²².

Френкель вышел на пенсию в 1967 году. Поначалу он хотел остаться в Институте Отто Зура, который на протяжении

* После выборов 1965 года к власти пришла очередная коалиция ХДС/ХСС и СвДП. Уже в следующем году она распалась, после чего была создана Большая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ.

16 лет был его любимым местом работы. Впрочем, уже в 1966 году он с пессимизмом оценивал начавшееся в ИОЗ леворадикальное брожение. Одной из ключевых левых фигур в нашем Институте был тогда Йоханнес Аньоли — интересно, но на удивление статично мысливший ученый. В 1967 году Френкель назвал Аньоли «клоуном-демагогом», а его лекцию — «чисто партийной пропагандистской речью». Когда в том же году Осип К. Флехтхайм хотел провести семинар на тему «Институты гражданского сопротивления», Френкель устроил «жуткий скандал» и победил. С 1968 года он не появлялся в ИОЗ, разве что иногда заходил в библиотеку, которой, по его наблюдениям, мало кто пользовался. Однако жил по соседству и активно переписывался с коллегами в Германии, а также с друзьями и товарищами по несчастью из других стран. Впадая то в ярость, то в печальную резиньяцию, он рассказывал им, что происходит в учреждении, находившемся рядом с его домом.

Нельзя не признать, что Френкель был блестяще информированным наблюдателем с выраженной способностью к четким оценкам. «В сумасшедшем доме, который называется Свободным университетом», сообщал он в 1969 году Герхарду А. Риттеру, ИОЗ представляет собой «спецотделение для неизлечимых пациентов». Немногим позже он вообще поставил на Свободном университете крест, назвав его «утраченной иллюзией», хотя еще пытался как-то изменить ситуацию и в 1970 году вступил в Общество содействия свободе университетов (*Notgemeinschaft für eine freie Universität, NoFU*)²²³. Его коллега Рихард Левенталь был по-прежнему включен в международную научную жизнь, активно в ней участвовал, но ясно видел границы своего влияния: в 1970 году Левенталь диагностировал «тотальный кризис» западногерманских университетов, который, как он считал, кончится «еще не скоро»²²⁴.

Френкель родился в 1898 году в Кёльне. С 1916 по 1918 год служил в кайзеровской армии. Затем изучал юриспруденцию у Хуго Зинцхаймера, в особенности интересуясь новой областью, которая мало ценилась тогда среди классических юристов, — трудовым правом; занимался также историей во Франкфурте; в 1922 году вступил в СДПГ, устраивал просветительские курсы для рабочих, защитил диссертацию.

До 1933 года работал юрисконсультom в Немецком союзе металлистов, с 1926 года вплоть до эмиграции в 1938-м служил также адвокатом в Берлинском апелляционном суде. В США изучал право в Чикаго, в 1944-м стал внештатным преподавателем в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк) и научным сотрудником Фонда Карнеги за международный мир. С 1944 по 1950 год Френкель работал в Управлении внешнеэкономических связей государственного департамента США, а также занимал должность советника юстиции в американских оккупационных войсках и в комиссии по реализации плана Маршалла в Корее.

В 1951 году они с женой Ханной вернулись в Берлин. Френкель с большим воодушевлением начал преподавать в Высшей немецкой школе политики, а затем, до выхода на пенсию в 1967 году, заведовал кафедрой теории и сравнительной истории политических режимов в Свободном университете. При этом, будучи государственным служащим, он отказался принести присягу на конституции земли Берлин. Френкель считал, что это несовместимо с его американским гражданством; он заявил, что «не хочет получать немецкое гражданство» и, «будучи евреем, готов продолжать преподавательскую деятельность в Германии только при условии», что «сможет дистанцироваться от чисто немецких политических решений и процессов». Из принципиальных соображений он также отказывался вступать в какую-либо партию, поскольку «немецкому еврею не пристало снова активно вмешиваться в немецкую политику»²²⁵.

Нужно понимать, что Френкель был профессором старой школы. Критические замечания учащихся по поводу лекций он считал неслыханной дерзостью и выступал за жесткие дисциплинарно-правовые и полицейские меры против нарушителей. В его глазах такие студенты злоупотребляли своими правами, чтобы «постоянно мутить воду». Он отвергал любые попытки вступать в дискуссию со студентами, которые поначалу предпринимали его более молодые коллеги Курт Зонтхаймер и Александр Шван. С другой стороны, хвалебную рецензию на одну из его работ, написанную Хансом-Ульрихом Велером, он назвал откровенно «льстивой», производящей «почти постыдное впечатление»²²⁶.

Студенческие волнения Френкель воспринял как «разрушение дела всей его жизни», которым он по праву считал институты Отто Зура и Джона Ф. Кеннеди при Свободном университете. Радость от преподавания ему отравили. Сначала он противостоял «неоанархистским» тенденциям изо всех сил, подчас «теряя самообладание», позже следил за событиями «с тоской и отчаянием». Многих коллег и должностных лиц, несших политическую ответственность за происходящее, он упрекал в «отсутствии воли к сопротивлению». «Если такие взгляды “реакционны”, то у меня есть все основания гордиться званием “реакционера”», — считал он. Уже в конце 1966 года, из-за непрестанных скандалов и раздоров в Свободном университете, он начал подумывать о том, чтобы провести остаток жизни в США²²⁷.

После инфаркта, до которого заядлый курильщик Френкель довел себя осенью 1968 года, он твердо решил: «Ни слова больше о Свободном университете и ИОЗ. Врачи запретили мне думать об этом дурдоме и волноваться». Но совсем не думать об университете он не мог. В 1970 году Френкель попытался добиться для своего друга Карла Антона должности профессора в Институте Джона Ф. Кеннеди, — как-никак Антон был американским сооснователем Свободного университета. Хотя сам Френкель считал, что шансы «практически равны нулю, поскольку вы (к вашей чести будет сказано!), — писал он Антону, в глазах представителей ассистентских и студенческих кругов Института то ли реакционер, то ли скрытый фашист, то ли еще кто-то в этом роде. Там, где правит безумие, оттенки не играют роли»²²⁸. Когда Френкелю заметили, что ситуация в университете вроде бы стала более спокойной, он сухо возразил: «Когда крепость завоевана, пушки умолкают». В 1972 году он сокрушался из-за того, что ассистенты устраивают себе сладкую жизнь и что здание ИОЗ, подаренное США немецким студентам, донельзя загажено: «по сравнению с ним любой свинарник выглядит куда более приятным и симпатичным местом»²²⁹.

Френкелю принесла славу книга «Двойное государство» (*Der Doppelstaat*), которую он написал еще в Германии в 1938 году. В 1941-м он опубликовал ее в США под названием «*The Dual State*». На немецком языке этот труд классика поли-

тологии, посвященный национал-социализму, появился лишь в 1974 году. В 1969-м сразу четыре издательства неожиданно обратились к нему с предложением опубликовать его книгу²³⁰. Получилось так, что автор пережил в связи с ней две жизненные трагедии. Он написал «Двойное государство», находясь в Германии во внутренней эмиграции, и тайно переправил рукопись за границу незадолго до вынужденного отъезда. Спустя 25 лет, когда книга наконец появилась в немецком издании, ее автор вновь был вынужден уйти во внутреннюю эмиграцию. Неоднократно намереваясь вернуться на вторую родину, в США, он так и не смог осуществить этот план из-за состояния здоровья. Эрнст Френкель умер в 1975 году.

Студенческая борьба в Берлине

Когда в ноябре 1968 года я начал учиться в Свободном университете, там шла борьба с профессорами, возбудившими в предыдущем семестре дисциплинарные дела против студентов. Журнал FUSpiegel опубликовал «список доносчиков» из 32 имен, который возглавлял один из наших главных тогдашних врагов — Роман Херцог*. 3 декабря у операторов кинокомпании «Свободный Берлин» (SFB — Sender Freies Berlin), снимавших общее собрание студентов в аудитории Макса Каде, отобрали всю аппаратуру. На следующий день официальные студенческие представительства Технического и Свободного университетов дали следующее объяснение: технические средства SFB были «обобществлены», поскольку вещатель «уже давно разоблачен как эффективный инструмент буржуазной пропаганды»²³¹. В ходе демонстрации памяти Розы (Люксембург) и Карла (Либкнехта), состоявшейся 18 января 1969 года, был нанесен серьезный имущественный ущерб нескольким крупным магазинам.

Сначала я посещал курсы лекций Александра Швана («Марксизм и свобода») и Георга Котовского («Государство и нация в немецкой истории с 1806 года»), но вскоре остановился на Йоханнесе Аньоли²³². Первая скромная демонстрация, в которой я принял участие, состоялась около ярмароч-

* Впоследствии президент ФРГ.

ного комплекса «Мессе Берлин» во время выставки «Зеленая неделя». Наша группа, насчитывавшая около двадцати человек, решила устроить у греческого стенда акцию протеста против военной хунты. Проникнув внутрь, мы стали что-то выкрикивать, но полицейские в штатском очень быстро повалили нас на пол и скрутили. До глубокой ночи мы сидели в полицейском участке на Фризенштрассе.

В начале 1969 года в ИОЗ существовала левая «летучая» группа (*Ad-hoc-Gruppe*). Там можно было узнать друг друга поближе. В январе мы бастовали, протестуя против отчисления трех студентов юридического факультета, и это также помогло мне преодолеть робость новичка. Но особенно мы сплотились на курсе Йозефа Раттнера «От психоанализа к социальной и политической психологии». Мои поразительно красноречивые сокурсники решительно критиковали Раттнера. Количество слушателей от лекции к лекции увеличивалось. Яростный спор с откровенно леволиберальным австрийцем Раттнером шел по нарастающей и превратился в главное общественное событие недели. Критики утверждали, что он слишком мало понимает в Марксе; в любом случае, однако, он понимал в этом авторе куда больше меня. Так я начал изучать Маркса. Занятия вела строгая ассистентка, переселившаяся из ГДР. Она рассуждала о том, с какой главы «Капитала» нужно начинать знакомство, — между тем знатоки, уже освоившие Маркса, «указывали», что без знания «Очерка критики политической экономии» в нем вообще ничего невозможно понять. А вокруг кипела университетская жизнь: общие собрания студентов и открытые заседания совета института. ИОЗ считал себя пионером университетской демократии и ее образцом. Здесь можно было изучить все процедурные вопросы — от предложений по регламенту до тонкостей подсчета голосов. Вскоре сокурсники стали моими товарищами, а те, кто держался в стороне от этого почтенного круга, были признаны ничтожествами: тупицами или врагами.

За пределами нашего Института студенты инженерных специальностей СУ устраивали забастовки и создавали леворадикальные организации. Я был в одной из групп поддержки и там познакомился с моими будущими друзьями

по общежитию. Мы старались испортить любое мероприятие в нашей стране, которое можно было испортить. В Гёттингене возникли беспорядки во время торжественного заседания Общества Макса Планка, на которое приехал федеральный президент Любке с супругой; в Техническом институте Дармштадта освистали и забросали яйцами Барта, заместителя федерального министра по делам семьи; на открытии Кильской недели произошла небольшая уличная стычка поблизости от верфи, — кроме того, студенты устроили в Киле осаду ландтага, поскольку там обсуждалась реформа высшей школы. Специальный выпуск местной студенческой газеты *Skizze* призывал: дадим «чиновникам фашизоидного государства» почувствовать «взрывную силу нашей освободительной борьбы». В том же июне 1969 года Ганновер, Гейдельберг и Саарбрюкен сотрясали мощные многодневные протесты против повышения цен на проезд в местном транспорте. В Ганновере и Гейдельберге городские транспортные предприятия восстановили старые цены. В сентябре 1969 года начались стихийные забастовки в металлургической промышленности²³³.

Объявления в берлинской газете *Agit 883* дают представление о том, как функционировало протестное движение. Газета начала выходить в январе 1969 года тиражом 15 тыс. экземпляров и за несколько месяцев стала культовым изданием берлинской тусовки. Тогдашние мои друзья до сих пор ошибаются, звоня мне по телефону: вместо нужных 833 набирают 883. В первом выпуске в рубрике «Кладезь информации» можно найти такие объявления: «Ищу дешевый множитель ГЕНА, механический или электр. // Ищу товарища в Вильмерсдорфе или рядом, у которого я мог бы иногда стирать в машине белье. Сообщить Р.С. // Студентка посидит с ребенком до 17.00 // Кто хочет изучать сравнительное религиоведение в «Кружке восточноазиатской философии» с целью демократизации религий и для борьбы с авторитарными структурами религиозного истеблишмента? // Узкоплечные фотокамеры «Супер 8», на 40–50% ниже цены по прейскуранту (новые), Кнут Б., 1 Берлин 20, до востребования // Ищу леворадикальную студентку с целью последующего брака. Имею несколько судимостей. Рольф Фикер, 1-19, Рейхсштрассе 58. // С 11 по 14 марта специальная автобусная

поездка в Париж на большую антифашистскую акцию (под патронатом Беаты Кларсфельд). Размещение в частных квартирах. Общая стоимость ок. 50 марок. Визовые сборы со стороны ГДР не взимаются. Запись в Кружке юстиции (JAK, Justizarbeitskreis) // У кого есть фотографии людей, которые несли плакаты во время демонстрации «Освободите заключенных» 14.4.68 (пасхальное воскресенье) на Курфюрстендамм около 16.00? // Альбом Джимми Хендрикса (оригинал) Electric Ladyland, новый, всего 50 марок».

Редакция газеты приглашала к сотрудничеству: «Товарищи! Присылайте статьи, новости из школ, учреждений, предприятий; полит. карикатуры, картинки, репортажи из тюрем, полицейских участков; присылайте идеи, предложения, информацию, агитпроп, критику, пожелания». Ресторанчик «tina-puff» в рекламных объявлениях называл себя инкубатором для выведения птенцов из крашенных яиц*, пивная «Go-In: форум для активистов» обещала каждому посетителю бесплатный напиток. Маршруты поездок автостопом в феврале 1969 года вели в Тулузу, Карлсруэ, Карачи, Братиславу.

Осенью 1969-го, чтобы быть ближе к пролетариату, мы с группой активистов из ИОЗ основали производственную группу «Паук». На каникулах мы работали на прядильной фабрике в берлинском районе Целлендорф, печатали красивые двухцветные листовки, которые должны были заронить в ряды рабочих искру нашего революционного энтузиазма. Во время летнего семестра 1970 года я был избран студенческим представителем в совет факультета, причем выступал как кандидат от «Социалистических рабочих коллективов» (СРК; Sozialistische Arbeitskollektive, SAKO) в Институте Отто Зура — одной из «красных ячеек», уже существовавших во многих институтах. У меня в памяти не сохранилась бы суть нашего предвыборного воззвания, как и сам факт его существования, если бы наши политические оппоненты не приобщили его впоследствии к делу как образец вопиющей антиконституционности. Должно быть, мы долго вымучивали этот претенциозный текст: «Определение политики в сфере высшего

* Намек на «пасхальные беспорядки» 1968 года.

образования, как ее видят СРК, означает также определение соотношения между политической работой с государственными учреждениями и с массами, ведущейся в университете. Под парламентаризмом мы понимаем форму господства буржуазии, используемую для десоциализации общественных конфликтов. Так что не стоит строить иллюзий относительно возможности сокрушить эту буржуазную систему собственными средствами. [...] Парламентаризм изживет себя не потому, что его отринут, а лишь в тот момент, когда в массах пробудится осознание собственных возможностей, которые уже нельзя будет удовлетворить в рамках официальных правил игры. Это значит, что мы должны создать условия, при которых парламентаризм станет не просто ненужным, но и невозможным». Все же этот текст, в остальном вполне разумный, заканчивался вопросом: «В какой мере сотрудничество с университетскими властями может быть полезно для решения этих задач и вместе с тем не будет расцениваться как скрытое признание буржуазных форм власти?»²³⁴

В январе 1971 года я стал одним из сооснователей и редакторов газеты «Борьба за высшую школу. Боевой листок инициативного комитета «красных ячеек» в Западном Берлине». Мы боролись за массовую политическую забастовку в вузах, против классового правосудия и славили «успехи Пролетарской культурной революции в Китае». Собирали подписи против «фашистского закона об иностранцах», требовали ассигнований для преподавателей-ассистентов, входивших в «красные ячейки» и, не прекращая бесконечных внутренних споров, призывали самих себя к правильной революционной организации: «При выборе политической линии не забывать об угрозе контрреволюции!!»

В выпуске «боевого листка» от 3 апреля 1971 года эта фраза стояла под факсимильным воспроизведением текста Александра Швана из газеты СДПГ *Berliner Stimme*, в котором он осуждал наши противозаконные акции. Шван требовал «отнестись к ним со всей строгостью и не бояться переусердствовать», поскольку «речь идет о судьбе науки и свободы». В редакционной колонке мы — возможно, не кто иной, как я сам, — спрашивали, почему этого «обанкротившегося представителя системы» все еще «терпят» в Институте

Отто Зура и «очевидным образом охраняют “в качестве редкого животного”».

Эта статья спровоцировала «акцию против Швана», которая позднее способствовала созданию легенды о выбрасывании Швана из окна. 24 июня 1971 года мы вместе с примерно четырьмя десятками активистов из «красных ячеек», по большей части не имевших отношения к ИОЗ, захватили институтскую аудиторию «А», где сравнительно небольшая группа профессоров, ассистентов и студентов собралась на семинар по теории плюрализма. Аудитория находилась на первом этаже. Окна были закрыты. Никого оттуда не выбрасывали, хотя некоторых из захваченных участников семинара носили на стульях взад-вперед, а на стене с помощью пульверизатора писали лозунги. Под конец где-то на лестнице завязалась небольшая драка. Дело кончилось приездом полиции. После этого под вопросом оказался мой диплом, так как некоторые профессора отказывались принимать экзамен у преступника, совершившего «насильственные действия». И тут мне помог Георг Котовский, который в то время был депутатом бундестага от ХДС. «Господин Али, — пробурчал он, — пока приговор не вступил в законную силу, для меня вы такой же студент, как и любой другой». В 1973 году за нарушение неприкосновенности жилища, принуждение, порчу имущества и незаконное лишение других свободы я был приговорен к довольно мягкому штрафу в 1200 марок. Позже я понял, что приговор был полезен. Он восстанавливал общественный порядок и создавал основу для того, чтобы спустя годы его нарушители и жертвы могли снова разговаривать и мириться друг с другом.

В то время подобные насильственные акции не были для немецких университетов чем-то необычным; ярко выраженное недовольство действительностью подталкивало к действию. Сегодня мне приходится делать серьезное усилие, чтобы читать текст, который был создан при моем участии. Речь идет о листовке формата А2. На одной ее стороне — список грехов Швана, подтвержденный его тогдашними высказываниями о студенческих беспорядках. Например: «Только что поступившие к нам студенты уже страстно, жадно, пылко желают слушать [марксистские] учебные курсы». На другой

стороне можно увидеть портрет Швана, стилизованный под полицейский фоторобот («Разыскивается»), а также Обеликса рядом с менгиром, цитирующего изречения «Маоикса». Над этим красуется заголовок: «Выгоните свиней». В глаза бросается гигантская надпись в верхнем левом углу: «Газета боевых групп GSO — социалистических охотников на свиней». Эта аббревиатура — сокращенное наименование «Организации первого семестра» (Grundsemesterorganisation, GSO), которая отделилась от слишком умеренных марксистских «Социалистических рабочих коллективов» и создала под этой вывеской новую фасадную организацию радикального толка.

Текст изобилует «свинными» метафорами. Мы позаимствовали годящийся на все случаи образ свиньи (pig) у американского движения Black Power («Власть черных»). На карикатуре изображены два крепких парня. Один, счастливо ухмыляясь, со смачным «Опа!», отшвыривает в сторону свинью по имени Шван и поворачивается с тем же намерением к двенадцати свиньям с надписанными на них именами, причем на переднем плане изображены Арнульф Баринг и Юрген Домес. Из рта второго парня ползет надпись: «Моя профессия? Работаю в GSO ликвидатором свинарников». На картинке он хватается за ноги особенно крупную свинью по имени Левенталь²³⁵.

С начала 1972-го по 1973 год я был членом «Красной помощи» Западного Берлина, которая поддерживала «арестованных товарищей» вроде Хорста Малера или Андреаса Баадера, «работала в тюрьмах» с обычными уголовниками и выпускала «брошюры солидарности». В ноябре 1972 года «Красная помощь» опубликовала документальный сборник «Подготовка процессов над РАФ в прессе, полиции и системе правосудия». Я участвовал в работе над этим сборником. На задней стороне обложки приведена выдержка из интервью с Вольфом Бирманом. Отвечая на вопрос, не опасается ли он, что 10 тысяч марок, полученных им в качестве литературной премии имени Теодора Фонтане и переданных адвокату Хорсту Малеру для защиты западноберлинских студентов в суде, после ареста Малера могут быть потрачены на закупку оружия, Бирман заявил, что «коммунисты из группы

Баадера-Майнхоф ради идеи рискуют собственной жизнью» и что «если наконец не прозвучит первый выстрел, можно считать, что мы проспали и прожрали революцию. (...) Такой опыт получают не в словесных поединках, а в реальной борьбе. Меньшей ценой новые политические знания не приобретешь».

В брошюре были напечатаны материалы дискуссий между генеральным прокурором ФРГ и левыми адвокатами по уголовным делам Хансом-Кристианом Штребеле, Клаусом Круассаном и Отто Шили. Ханса Штребеле, который тогда еще был членом СДПГ, мы считали реформистом; он входил в созданный Малером «Социалистический коллектив адвокатов», которому стали тесны революционные башмаки его основателя, к тому моменту пойманного и заключенного в тюрьму. Мы организовали «Комитет солидарности с адвокатом Шили», поскольку власти собирались отстранить его от защиты Гудрун Энслин, собирали деньги на медицинское оборудование, предназначавшееся для ангольского освободительного движения УНИТА, позже — позже ли? — превратившегося в банду убийц, и готовили еще одну брошюру, протестовавшую против принудительного неврологического обследования Ульрики Майнхоф.

В «Красной помощи» я поддерживал связь с овдовевшей во время войны матерью Андреаса Баадера, с которой были лично знакомы мои родители. Каждый месяц мы передавали ей деньги, чтобы она могла навещать сына в тюрьме. Летом 1972 года я писал ей, что «Красная помощь» видит свою задачу в противодействии «интеллектуальной блокаде заключенных»: «Важно, чтобы политзаключенные не были полностью изолированы от дискуссий и практических достижений “левых сил”. Ведь они в конечном счете чувствуют свою принадлежность к “левым”. По мнению “Красной помощи”, они действительно к ним принадлежат. (...) Написанное мной не означает, что “Красная помощь” одобряет концепцию и практическую деятельность РАФ. Напротив: насколько мы вообще можем составить представление о происходящем, продираясь сквозь переплетения отвратительных полицейских небылиц и возможных фактов, общая политика РАФ нас не устраивает. Однако для “Красной помощи” даже самая

острая критика членов РАФ не означает, что она передоверит их дальнейшую судьбу господам Мартину и Геншеру, полицейским снайперам, кулачным бойцам из тюремной охраны и писакам, оттачивающим перья в «охоте на ведьм»²³⁶.

Так я думал тогда. В 1974 году леворадикальный этап моей биографии подошел к концу. Этой переменой я был обязан, во-первых, шоку, пережитому в ходе моей практической деятельности в кружке «Освежись», которую я когда-нибудь опишу, и во-вторых, моим детям, родившимся в 1970 и 1972 году. Недаром летом 1971 года так называемое собеседование с кандидатами, желавшими вступить в недолго просуществовавшую организацию «Пролетарская левая/Партийная инициатива» (PL/PI) увенчалось известной максимой товарища Райнхарда Вольфа, отвечавшего за «фронт высшей школы»: «Для революции нам не нужны люди с детьми».

БЕСПАМЯТСТВО ПО-НЕМЕЦКИ: США-СА-СС

Разочарование в любви

Как показывают социологические опросы, послевоенная молодежь хотела размежеваться с мировосприятием родителей, которое в ее глазах было неразрывно связано с нацизмом. Тем не менее опрос Алленсбахского института изучения общественного мнения, проведенный в июне 1967 года, дал неожиданный результат, до сих пор не получивший объяснения: 81% опрошенных студентов полностью или частично согласились с тем, «что политика Германии должна освободиться от западной опеки». Всего лишь 17% не согласились с этим утверждением, хотя публично в то время его высказывали только праворадикальные партии²³⁷. Алленсбахские исследователи не усматривают в этом показателе «внутренней связи» с другими результатами, но я вижу в нем очень важный признак: оказывается, мировосприятие родителей, сформированное Геббельсом, и мировосприятие детей, склонных им твердо противостоять, совпадали именно по части антиамериканизма.

От родителей дети узнали, что «америкос» не умеет себя вести: он кладет ноги на стол и все время жует жвачку. Кроме того, он некультурен, ему нравится смотреть, как женщины мутузят друг друга в грязи. А чего стоят комиксы с Микки Маусом! То ли дело мрачные «ужастики» братьев Гримм, на которых воспитывался немецкий ребенок... Американки носят брюки и курят. Немецкая женщина такого себе не позволит. В гимназии будущее поколение-68, в начале 1960-х как раз проходившее через пубертат, энергично сопротивлялось этой ворчливой неприязни. Так, в 1960 году ученикам кёльнской Апостольской гимназии пришлось отстаивать право приходить на занятия в джинсах, которое отрицал директор Отто Леггеви, чьи педагогические методы не исключали

вульгарного рукоприкладства. Д-р Фишер, учитель биологии и, между прочим, капитан запаса, в 1962 году запретил в леонбергской гимназии Альберта Швейцера твист, отрезав раз и навсегда: «Я не потерплю американских брачных плясок!» Зато во время выездов на природу мальчики могли поупражняться в метании деревянных ручных гранат, учась подавлять позиции «красных» в ближнем бою.

Из-за предубеждений «предков» против Америки юношеская влюбленность в культурный модернизм этой страны носила повальный характер. Она достигла высшей точки в момент убийства Джона Кеннеди 22 ноября 1963 года и его похорон на Арлингтонском кладбище. Тогда будущие участники демонстраций против войны во Вьетнаме не скрывали своего глубокого сострадания. Многие плакали. На траурную церемонию в Хофгартене собрались 8 тысяч студентов Боннского университета — более половины тех, кто там учился.

По случайному совпадению, в день убийства проходило совещание студенческих представителей всех берлинских вузов. Они прервали дискуссию и, «быстро обсудив ситуацию», решили «немедленно призвать студентов на факельное шествие в память о погибшем». Вечером 20 тысяч студентов и школьников прошли от Штайнплатц до шенебергской ратуши, где их ждали еще 30 тысяч берлинцев. Сразу же после выступления Вилли Брандта на трибуну поднялся студенческий представитель Генрих Керлен, который сказал: «Мы разделяем глубокую скорбь американского народа. Президент Кеннеди стал для нас символом стремления к свободе не только Берлина, но всего свободного мира. Его пример обязывает».

На мемориальной церемонии в аудитории Макса Каде Свободного университета, организованной студенческим парламентом, председатель Генерального студенческого комитета Вернер Гебауэр сообщил о «полной растерянности» студенчества. Гебауэр был избран на этот пост левым меньшинством после свержения Эберхарда Дипгена²³⁸.

Вечером 22 ноября во Франкфурте состоялось сравнительно скромное траурное шествие, организованное ССНС, клубом «Вольтер» и кабаре «Майнцы» (Die Maininger). Адрес с выражением соболезнования, прочитанный перед

генеральным консульством США, гласил: «Выстрелы в Кеннеди были выстрелами в человечность, выстрелами в политику здравого смысла. В Германии Кеннеди обрел друзей и соратников не только как личность, но и как представитель новой мирной стратегии»²³⁹. Семья Кеннеди, Элвис Пресли, Мэрилин Монро, джаз и, тем более, рок-н-ролл являли собой полную противоположность привычному, варившемуся в собственном соку «миру Аденауэра», где ориентирами служили церковь, воскресный кофе в кругу семьи, совместный просмотр научно-популярного фильма, туристическая поездка в Италию, нейлоновая рубашка и небесно-голубой «Опель-Рекорд».

Стремительное военное вторжение во Вьетнам и ковровые бомбардировки северовьетнамских городов, начатые преемником Кеннеди Линдоном Джонсоном, поставили под вопрос государственную политику солидарности с США. Одного этого было достаточно, чтобы охладить чувство восторга, которое Америка внушала молодежи. Кроме того, как справедливо заметил Эрнст Френкель, «ожидания были слишком высоки», — именно поэтому резкая перемена в отношении студентов к Америке «приняла столь ошеломительные формы»²⁴⁰. Она была следствием испуга, внутреннего смятения и отвращения, которые вызвала война во Вьетнаме. Поворот к антиамериканизму происходил как неконтролируемая, нервная — сначала медленная, а затем все более ускоряющаяся — езда задним ходом. Важно, однако, что колея, в которую попали тогда молодые люди, была хорошо наката на их родителями.

1 декабря 1965 года несколько западноберлинских газет призывали собрать пожертвования для американских семей, «которые оплакивают погибших во Вьетнаме мужей, отцов, сыновей и братьев». На собранные средства предполагалось отправить каждой такой семье «копию Колокола свободы* с особым посвящением», изготовленную на Королевской фарфоровой мануфактуре. Это предложение вызвало едкую

* Важнейший символ борьбы американцев за независимость от Великобритании; находится в Филадельфии.

реакцию со стороны леворадикальных активистов, в ту пору еще немногочисленных. Они его повторили, но направили против собственной страны: потребовали провести такую же благотворительную акцию в пользу близких родственников американских солдат, павших на войне с гитлеровской Германией. Спустя три месяца, в феврале 1966 года, 500 молодых демонстрантов пришли к Американскому дому в Западном Берлине, который тогда еще не охранялся. Их протест против войны во Вьетнаме был выражен мило и трогательно: в знак траура по скомпрометированному кумиру они приспустили на мачте американский флаг и бросили в здание несколько яиц. Пресса «фронтowego города» немедленно разразилась воплями: «Скандал!» Тогдашний правящий бургомистр Вилли Брандт по всей форме просил прощения у американского коменданта города²⁴¹.

Бегство от нацистского прошлого

Всего год спустя журнал konkret в статье под заголовком «СС во Вьетнаме», набранном вперемежку обычным и руническим шрифтом, рассказал читателям об американском «отряде убийц, нисколько не уступающем», как было написано в редакционной колонке, «спецподразделениям СС». Исторически безграмотная редакция журнала, рассуждавшая об «американских эсэсовцах», добилась тем самым весьма существенного эффекта: впредь ни им самим, ни их читателям уже не нужно было вспоминать о гиммлеровских айнзацгруппах, которые летом и осенью 1941-го, т.е. на протяжении каких-нибудь нескольких месяцев, расстреляли более миллиона незащитных людей, в первую очередь евреев, — включая и сотни тысяч детей²⁴². Антиамериканский ресентимент победил. Теперь, читая газеты, ветераны вермахта могли от души ворчать: «Мы стали попросту американской колонией!» А поскольку их дети, поколение-68, были воспитаны в том же духе, им уже ничего не стоило перейти к формуле, которую вскоре предложил Бернд Рабель, назвавший Германию «рабыней НАТО». Требования ССНС «разгромить» НАТО и «вывести из страны американские оккупационные войска» не заставили себя ждать²⁴³.

Характерна одна из тогдашних карикатур: дюжие немецкие рабочие и крестьяне загоняют тощего янки в Северное море, точнее, в Гельголандскую бухту. И если немецкая первобытная орда вооружена дубинами, вилами, архаичными длинноствольными ружьями с примкнутыми штыками и размахивает красным знаменем с серпом и молотом, то изгоняемый американский плутократ имеет отчетливо выраженный крючковатый нос²⁴⁴. Уже в феврале 1967 года, через месяц после появления статьи в *konkret*, Макс Хоркхаймер говорил о «сомнительном антиамериканизме», который его отталкивает в новых левых. Жизненный опыт подсказывал Хоркхаймеру, что от их политической позиции недалеко до «сочувствия тоталитаризму»²⁴⁵.

Лозунг «США-СА-СС», направленный против войны во Вьетнаме и ставший невероятно популярным в конце 1967 года, был внутренне двойственным, поскольку служил как самоидентификации, так и дистанцированию, — неотъемлемые признаки любого конфликта поколений. Новая магическая формула давала молодым немцам свободу. Она, безусловно, еще указывала на преступления отцов, однако переносила акцент на злодеяния, совершенные другими, придавая нацистским преступлениям универсальный, вплоть до полной недифференцируемости, характер и вытесняя их из национальной повестки, — к тому же очень далеко, за океан. Теперь бунтари получали право погрузиться с головой в контрпросветительский псевдопротест. Центральную проблему собственной страны они проецировали на Вашингтон. От Освенцима было удобно отгородиться, обличая массовую резню в Сонгми, унесшую жизни 503 мужчин, женщин, детей и стариков. Ничто не мешало орать: «Эл-Би-Джей*, сколько ты сегодня убил детей?» (LBJ — how many kids did you kill today?) Интерес к подробностям истории нацистского правления внезапно испарился. Появилась масса листовок, где отдельные лица или целые политические системы назывались «фашистскими», но не было ни одной, которая сообщала бы о многочисленных процессах над нацистскими преступниками, шедших в то время по всей стране, и призывала

* Линдон Бэйнс Джонсон.

прийти на подобный процесс. Это умолчание длилось вплоть до конца 1970-х, а применительно к особо тяжелым случаям и позже. Единственным исключением была демонстрация по поводу освобождения в декабре 1968 года Ханса-Йоахима Резе, который, работая при Гитлере судьей «народного суда» (Volksgerichtshof), вынес 231 смертный приговор. Однако и эта демонстрация, вписавшаяся в кампанию против классового правосудия, имела целью лишь делегитимизацию западногерманской судебной системы.

Как мало задумывались об этом вытеснении инициаторы студенческих волнений, причем не только тогда, но и по прошествии многих лет, свидетельствуют высказывания Вольфганга Лефевра в ходе встречи экспертов, проведенной в 1988 году Свободным университетом. Темой встречи было «значение дискуссии 1960-х годов о фашизме». В двух своих получасовых выступлениях Лефевр ни разу не произнес словосочетания «нацистские преступления». Не упоминая, как и раньше, тягостных фактов, боясь исторической правды и предпочитая ей привычную амнезию, он говорил о чрезвычайных законах, о Большой коалиции, деле журнала *Spiegel**, войне во Вьетнаме и смерти Бенно Онезорга. В этом отношении Лефевр ничем не отличался от Руди Дучке, который в 1978-м, за год до смерти, признался: «Стыд, которым эти события тяготили мою христианскую совесть, был так велик, что впредь я отказался читать документальные свидетельства о эпохе нацизма, удовлетворившись общим пониманием ситуации: мне стало ясно, что победа и господство НСДАП, как и развязывание Второй мировой войны, неотделимы от союза этой партии с толстосумами (монополистическим капиталом)»²⁴⁶.

Нередко мощный размах студенческих беспорядков объясняют тем, что в немецком обществе существовал заговор молчания вокруг нацистского прошлого. Верно как раз противоположное: нежелание видеть реальность, характерное

* В октябре 1962 г., после публикации в журнале статьи о неудовлетворительном состоянии бундсвера, издатель «Шпигеля» Рудольф Аугштайн, несколько членов редакции и автор статьи Конрад Ахлер были арестованы по обвинению в государственной измене; инициатором ареста был тогдашний министр обороны ФРГ Штраус.

для участников молодежных волнений 1968 года, коренилось в их бегстве от постоянно всплывавшей и обретавшей все более четкие контуры темы преступлений, совершенных немцами. Студенческий протест предпочитал блуждать в потемках беспамятства еще и потому, что в публичном пространстве и, благодаря государству, в школах все оживленное обсуждалась информация об истреблении евреев. В 1963—65 гг. во Франкфурте проходил крупнейший процесс по делу палачей из Освенцима; были возбуждены и сотни других дел против нацистских преступников. После того как преступления немцев во времена национал-социализма стали предметом общественной дискуссии, проблема уже не могла быть решена посредством обычной смены поколений.

Интерес к недавнему прошлому Германии проснулся лишь в начале 1960-х годов, а в полной мере — к их середине. В 1961-м, когда мне было 14 лет, из вечерней лекции в христианском скаутском лагере я узнал о расстреле 33 тысяч евреев в киевском Бабьем Яре. Предводитель скаутов зачитывал у костра свидетельства выживших. Позже моим просвещением занимались молодые учителя, близкие к ХСС. В школе мы читали «Анатомию государства СС», «Лес мертвецов» Эрнста Вихерта, а в старших классах регулярно смотрели на уроках фильмы Эрвина Ляйзера о правлении Гитлера, варшавском гетто и лагерях смерти. Мы ходили на спектакль об Освенциме по пьесе Петера Вайса «Дознание. Оратория в одиннадцати песнях»; помню, как один из учителей пошел с нами в театр, а другой замахал руками: «Такое на сцене вообще нельзя показывать!»

В те годы во многих немецких семьях разыгрывалась одна и та же сцена: «Вы это знали! Вы должны были это знать!» Сегодня иногда говорят, что три ветви государственной власти — парламент, правительство и суд, — сделали слишком мало для разоблачения национал-социализма. В действительности они сделали гораздо больше, чем могло вынести немецкое общество. Во многих домах обычный семейный ужин часто кончался скандалом. Родители — что бы они на самом деле ни знали, как бы ни вели себя в прошлом, — обнаруживали полную беспомощность. Растерянно молчали, приходили в ярость, изворачивались. Внезапный конфликт,

застигший семью посреди милого немецкого благоденствия, их обезоруживал. Когда-то бывшие восторженными юными нацистами, теперь они стали демократами, «неодемократами», как называл их Левенталь, — не самыми стойкими, но все же... К Национал-демократической партии Германии они симпатий не питали.

1968-й: год процессов над нацистскими палачами

Начиная с 1960 года сотни прокуроров, сотрудников криминальной полиции и судей ФРГ занимались расследованием нацистских преступлений. В одном только 1968 году прокуратуры страны возбудили 2307 уголовных дел против предполагаемых нацистских палачей. В том же году немецкие суды присяжных вынесли в процессах по этим делам более 30 обвинительных приговоров: обвиняемыми были 117 человек, в 23 случаях они были приговорены к пожизненному заключению. Если взять за точку отсчета 1954 год²⁴⁷, то число процессов над нацистскими преступниками в 1968-м было больше, чем в любом предыдущем или последующем году.

Начиная с 1963 года — и на протяжении всего следующего десятилетия — непрерывно, каждый рабочий день, зачастую одновременно, проходили открытые слушания дел и выносились приговоры в связи с преступлениями, совершенными в следующих местах: Хелмно, Белжец, Собибор, Треблинка, Маутхаузен, Гузен, Варшавское гетто, Гродненское гетто, трудовой лагерь в Дрогобыче, лагеря Службы безопасности (СД) в Софии и Скопье, Салоники, Белград, Львов, Тарнополь, Станислав (ныне Ивано-Франковск), Коломый, Пшемьсль, Тарнов, Хрубешув, Скаржиско-Каменна, Рабка-Здруй, Закопане, Краков, Новы-Сонч, Милик, Жежув, Хелм, Горлице, Белосток, Могилев, Гаага. Одновременно были предъявлены обвинения и вынесены приговоры полицейским 101-го, 306-го (Люблин) и 309-го (Белосток) батальонов, а также военным служащим полевой жандармерии в Могилеве, Ченстохове и Комарове; сотрудникам областных комиссариатов в Лиде и Ковеле; руководителям СС и полиции в Кракове; членам немецкой самообороны в рейхсгау Данциг-Западная

Пруссия; сотрудникам уголовной полиции (РСХА) и СД за использование «душегубок»; врачам, применявшим эвтаназию, и убийцам военнопленных. Параллельно суды рассматривали пять дел, имевших отношение к лагерю Заксенхаузен и входившему в его состав лагерю смерти Либерозе, а также знакомили немецкое общество с дальнейшими результатами расследования преступлений, совершенных в Освенциме. Из дня в день западные немцы видели, что убийцы были самыми обычными, рядовыми и во всем остальном безупречными гражданами. В прессе публиковались подробные отчеты. Stern еще в 1965 году опубликовал большой репортаж под заголовком «Убийцы ничем не отличаются от нас с тобой»²⁴⁸.

Если сегодня спросить представителей поколения-68 о том, что тогда происходило, выяснится, что они не помнят ни одного из этих процессов. Напротив, им навсегда запомнилось возбуждение, с которым они предавались любимому занятию: крали из магазинов шмотки, благо в те годы это было проще простого, или учились бросать камни в полицейских. К этой греховной гордости добавляется еще и память о возвышенном чувстве, когда берешь в руки самостоятельно изготовленную, только что напечатанную газету, призывающую к борьбе со злом, которое торжествует за семью морями, или «террором экзаменаторов», которые находятся рядом.

Учитывая масштабы преступлений, можно сказать, что следственные органы и суды Германии работали слишком медленно, но немцам, жившим тогда в ФРГ — включая студенческую молодежь, — они открыли много, нестерпимо много.

Прокуроры, руководившие следствием по делам нацистов, были молоды. Как правило, они принадлежали к тому же «промежуточному поколению», что и Хельмут Коль, — иначе говоря, к тем, кому сегодня около восьмидесяти. Воли к расследованию преступлений у них было достаточно, но им не хватало поддержки общества, публичного одобрения, причем в первую очередь со стороны молодых немцев. Это подтверждает в наши дни любая беседа с тогдашними работниками органов государственного обвинения. В 1981 году, начиная заниматься историей национал-социализма, я обратился к прокурору Дитриху Кульбродту из Гамбурга. Меня интересовало «дело об эвтаназии», возбужден-

ное против бывшего министра земли Гамбург Курта Штрuve (члена СДПГ, ранее — НСДАП) и пастора Фридриха Ленша, директора евангелической лечебницы для душевнобольных в Альтерсдорфе. В случае Ленша суд отказался принять дело к производству, в случае Штрuve уже через несколько дней было объявлено, что ввиду длительной недееспособности подсудимого процесс прерван.

Кульбродт дал мне копию дела; он как раз собирался отправить ее — добрый кубометр бумаги, — на фабрику по переработке макулатуры. И сказал: «Я работал над этим делом пять лет. Вы первый, кого оно заинтересовало». Когда летом 1969 года бундестаг продлил срок давности по делам об убийствах и геноциде с 20 до 30 лет, чтобы не прерывать преследования нацистских преступников, это событие не нашло отклика ни в одной из так называемых антифашистских газет новых левых. Историки могут глаза проглядеть, пытаюсь отыскать такие тексты, но не найдут ровно ничего. Журнал *Kursbuch* и теоретический журнал СДПГ *neue kritik* бежали от подобных тем как черт от ладана. Чем больше бунтовала молодежь, тем единоклубней левые радикалы примыкали к негласной конвенции: мы об этом ничего не знаем и знать не хотим.

Сегодня множество убежденных седидами представителей поколения-68, похлопывая друг друга по плечу, утверждают, что именно они инициировали «проработку нацистских преступлений». Правильнее сказать обратное: они, то есть мы, существенно затормозили процесс изучения немецкого прошлого, и как раз в тот момент, когда многие из выживших жертв нацистского режима и интеллектуалов «промежуточного поколения» (примерно 1927 года рождения) говорили: «Когда, если не сейчас? Кто, если не мы?»

В 1958 году на сорока четырех страницах «Ежеквартальника современной истории» (*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*) Хельмут Хайбер опубликовал набранный убористым шрифтом «Генеральный план Ост», один из самых страшных каннибальских проектов Гитлера и его советников-интеллектуалов. В 1961 году Мартин Броскат издал книгу, посвященную политике национал-социалистов в отношении Польши, а в 1963-м — записки коменданта Освенцима

Рудольфа Хесса. В 1962 году в книжных магазинах появился научный труд Курта Зонтхаймера об антидемократических направлениях мысли в Веймарской республике. В 1964-м вышло большое исследование Райнхарда Хенкиса «Преступное насилие национал-социалистов. История и суд» с предисловием председателя совета Евангелической церкви Германии Курта Шарфа. В 1965 году Александр Шван опубликовал критический разбор хайдеггеровской философии «крови и почвы». В том же году появилась двухтомная «Анатомия государства СС», в основу которой легли заключения историков Ханса Буххайма, Мартина Бросцата, Ханса-Адольфа Якобсена и Хельмута Краусника — экспертов Франкфуртского суда над палачами Освенцима. Во время зимнего семестра 1965/1966 годов Мюнхенский университет, руководствуясь решением Академического совета университета во главе с ректором, ввел для студентов всех факультетов курс лекций «Немецкий университет в Третьем рейхе». В 1966 году этот курс был опубликован издательством Piper 249. Позже, в 1967 году, вышла чрезвычайно информативная книга Ханса Петера Блейля и Эрнста Клиннерта «Немецкие студенты на пути в Третий рейх», впоследствии незаслуженно забытая. В 1968 году ректор Штуттгартского университета, инженер-мостостроитель Фриц Леонхардт поставил вопрос ребром: «Вправе ли мы, например, годами говорить о наших юридически обоснованных притязаниях к Польше, если во время последней войны были убиты шесть миллионов поляков и мы полностью разрушили Варшаву — столицу, которой они гордились?»²⁵⁰ Для такого рода заявлений и разысканий в 1960-е годы требовалось куда больше мужества и стойкости, чем двадцать лет спустя.

В мае 1967 года во Франкфурте собралась группа ученых, чтобы обсудить дальнейшие исследования в области «коллективной психопатологии» времен нацизма. Рихард Левенталь предложил рассмотреть «бюрократическую составляющую» массовых убийств, провести опрос нацистских преступников и организовать междисциплинарное изучение «проблем национал-социализма»²⁵¹. Всю эту работу можно было без особенных трудностей координировать с деятельностью молодых прокуроров. Однако протестное движение сделало

своим ведущим принципом стратегию отказа от любого сотрудничества. Оно всеми силами избегало ответа на главный вопрос немецкой истории, противодействуя обсуждению, исследованию и осмыслению проблемы Освенцима.

Как и в случае с любовью к США, интерес молодежи к недавнему прошлому пропал не сразу. Еще в 1965 году делегация Социалистического союза немецких студентов, среди которых был Юрген Хорлеман, побывала в Советском Союзе, чтобы больше узнать о преступлениях немцев в годы Второй мировой войны. В глазах западногерманских чиновников эта поездка граничила чуть ли не с изменой родине. Всего десятью годами раньше Конрад Аденауэр вызволил из СССР последних военнопленных, всего четыре года назад была построена Берлинская стена. Делегация ССНС отправилась в Советский Союз в тот момент, когда большинство немецких архивов максимально ограничивали доступ к документам эпохи национал-социализма. Ландтаг Баден-Вюртемберга принял закон, согласно которому дела по денацификации следовало навсегда закрыть.

В Москве члены делегации встретились с директором Главного архивного управления и обсудили возможность «использования документов о нацистских преступлениях, хранящихся в советских архивах, с учетом процессов, происходящих в ФРГ». Советские партнеры выразили готовность «предоставить соответствующие документы по конкретным запросам сотрудника ССНС, изучающего национал-социалистическую систему правосудия». Немецкие гости проявили особый интерес к документам, касающимся высших чинов СС и полиции, а также «ко всему, что связано с айнзацгруппами СС»²⁵². О результатах этого начинания ССНС можно судить по работам Райнхарда Штрекера, который в составе делегации побывал в Москве²⁵³. По инициативе Союза немецкого студенчества в 1966 году в Берлине был организован семинар «Немецкая наука и национал-социалистическая власть». Одним из выступавших был Эрнст Френкель²⁵⁴.

Летом 1965 года в Боннском университете началась и постепенно набрала ход кампания против директора Института авиационной медицины профессора Зигфрида Руффа.

Он считался блестящим специалистом в этой области. Своими знаниями Руфф был не в последнюю очередь обязан экспериментам над людьми, проводившимися в концлагере Дахау. Там заключенных помещали в барокамеры, чтобы измерить предельные нагрузки, которые человеческий организм способен выносить на больших высотах; подвергали охлаждению, чтобы оптимизировать метод спасения сбитых летчиков из ледяной воды. Многие заключенные во время этих опытов умирали. Их тела вскрывали, чтобы в интересах науки исследовать внутренние органы. В качестве директора Института авиационной медицины при Германском научно-исследовательском центре авиации Руфф оценивал результаты экспериментов и, возможно, планировал их лично. Эти факты стали известны уже в 1947 году, когда на Нюрнбергском процессе был вынесен приговор нацистским врачам. Поскольку Руфф был признан обычным ученым, лишь использовавшим результаты этих исследований, его оправдали, и он объявил себя невиновным. Слов раскаяния или сожаления он не нашел. В декабре 1965-го боннская студенческая газета *akut* опубликовала статью «Эксперименты в барокамере. О критике профессора Руффа». Пять месяцев спустя Руфф покинул свой пост «в интересах университета»²⁵⁵.

В 1967–68 гг. бунтующая молодежь отстранилась от нацистских преступлений, которые слишком близко затрагивали ее семейную историю, и спряталась от них за удобной «теорией фашизма». Марксистский извод этой теории помещал чудовищные злодеяния нацистов в более широкий, не специфически немецкий контекст, анализируя их с помощью понятий буржуазного государства, империализма и монополистического капитала. Конкретные немцы, участвовавшие в преступлениях, — и, соответственно, их жертвы — при этом исчезали из виду, прикрытые завесой фиктивных объяснений. Сколько бы поколение-68 ни обвиняло в филистерстве соседнюю ГДР, в этом пункте оно было на удивление схоже с восточными немцами: «Капитализм ведет к фашизму, долой капитализм!» Если в последующие годы новые левые и заводили речь о конкретных нацистских преступлениях, то лишь затем, чтобы разоблачить тех или других персонажей, которые пришлись им не по вкусу, или с целью делегитимизации

государственной власти. Одно из редких исключений составлял университетский кружок «Медицина и преступления», возникший в Гейдельберге зимой 1968/69 года. Но его деятельность поспешил осудить тогдашний функционер ССНС, впоследствии член Коммунистического союза ФРГ (КВВ) Буркхард фон Браунберенс, обозвавший членов кружка «мелкобуржуазным сбродом»²⁵⁶.

Сводя анализ фашизма к критике капитализма и империализма, сторонники этой теории помогали растворить тяжелейшую внутреннюю проблему Германии в широкой международной проблематике: вместо немецких преступников, организовавших геноцид в Освенциме, к позорному столбу пригвождали американцев, «творящих геноцид» в Юго-Восточной Азии. Причем американские бомбардировки Северного Вьетнама дружно осуждало, называя их «воздушным террором», все общество: острый конфликт поколений почему-то этому не мешал. 19 августа 1967 года, во время американского военного парада в берлинском районе Нойкельн, студенческие активисты раздавали листовки против войны во Вьетнаме. Они горели желанием напомнить «милым согражданам из Нойкельна» о ночных бомбардировках 1942–45 гг. и обращали к ним по меньшей мере двусмысленный вопрос: «Должны ли мы закрывать глаза на то, что наши вчерашние освободители последовательно истребляют другой народ?»²⁵⁷ 9 января 1968 года появилось воззвание «к гражданам Тюбингена», исходившее от местного отделения ССНС. Авторы листовки проанализировали связь между «богатыми владельцами концернов» и «грязной вьетнамской войной» и пришли к выводу: «Те же самые господа в интересах своих концернов однажды уже скрыли правду и ввергли нас в грязную войну»²⁵⁸. Ульрика Майнхоф, выступая в декабре 1972 года в качестве свидетельницы защиты на процессе против Хорста Малера, пошла еще дальше: «Антисемитизм был по своей сути антикапиталистическим явлением. [...] Если мы не снимем с немецкого народа обвинение в фашизме — а ведь люди действительно не знали, что творилось в концлагерях, — мы не сможем мобилизовать его на революционную борьбу»²⁵⁹. Так бегство от исторической ответственности обрело законченную форму.

СТРАХ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ И «ПОМЕЩАТЕЛЬСТВО НА ЕВРЕЯХ»

«Левый» антисемитизм как защита от чувства вины

После того как новые левые избрали именно такой способ уклонения от анализа преступлений национал-социализма, им оставалось сделать лишь небольшой шаг, чтобы из тех же соображений самозащиты начать дистанцироваться от Израиля и от немецких евреев. Переход, однако, был постепенным: поначалу он мог выражаться в безразличии и лишь позже — в откровенной агрессии. Согласно опросам, летом 1967 года большинство студентов еще было настроено произраильски. Начиная с 1959 года в Свободном университете существовала немецко-израильская исследовательская группа, издававшая журнал DISkussion, который поддерживали многие члены ССНС.

Вечером 6 июня, непосредственно после начала Шестидневной войны и в момент кипения страстей, вызванных убийством Онезорга, около тысячи берлинских школьников и студентов прошли по берлинской Курфюрстендамм под лозунгом «Наше сердце — с Израилем»; в Еврейской общине Берлина около трехсот человек стихийно записались добровольцами для прохождения в Израиле гражданской службы. Аналогичным образом развивались события во Франкфурте²⁶⁰. В тот же день профессор Вайшедель обратился к студентам Свободного университета с сочувственной речью. Он обличал государственное насилие и сокрушался, говоря о недобросовестности своих коллег. Затем он перешел к войне на Ближнем Востоке. Бесспорно, сказал Вайшедель, в этом конфликте трудно с уверенностью определить правых и виноватых, но для себя он проблему решил. И очертил еще существовавший в то время консенсус: «У меня есть личный опыт: я уже видел однажды акцию, направленную на уничто-

жение евреев. Многие мои друзья тогда погибли. Для меня непереносима мысль, что евреи еще раз подвергнутся геноциду. [...] Я могу лишь выразить этому маленькому народу свою полную солидарность в его борьбе за существование»²⁶¹. В том же духе высказалась в журнале *konkret* Ульрика Майнхоф, поклявшись в «безоговорочной» поддержке Израиля со стороны европейских левых, «которые никогда не забудут, как преследовали их еврейских сограждан». Именно левые должны потребовать от арабов «отказаться от борьбы против Израиля и выразить готовность к сосуществованию с ним». Майнхоф призывала своих единомышленников не осмыслять «израильскую проблему в категориях “друзья-враги”» и так же, как в отношении Польши, сделать все для примирения с Израилем²⁶².

В ближайшие недели и месяцы эта общая убежденность левых растаяла буквально на глазах. В начале июля 1967 года франкфуртский ССНС провел двухдневный семинар на тему «Израиль». Судя по принятой резолюции, участники еще различали «свои чувства к Израилю» и «рациональный анализ позиции израильского государства». Тем не менее авторы этого текста уже оскорбительным образом извращали понятие «филосемитизм» и, при деятельном участии Вольфганга Абендрота, сделали шаг к признанию Египта «в целом прогрессивной республиканской военной диктатурой»²⁶³.

1967 год не успел кончиться, как теоретики из революционного ССНС без колебаний заявили, будто Израиль обязан своим существованием «американскому империализму и еврейским капиталистам». Шестидневная война в июне 1967 года «развеела последние сомнения» в «реакционном характере» ведущих израильских политиков. А значит, признавая за «евреями, живущими в Палестине» их «право на существование», можно было отказывать в признании «сионистскому государственному образованию». Что же касается политики преследования и истребления евреев во времена Гитлера, то стратеги из ССНС в том же 1967-м припомнили, что вовсе не немцы, а «фашисты изгнали их из Европы, к тому же многие западные страны отказали им в убежище» и затем «вытеснили» в Палестину²⁶⁴. Во время летнего семестра 1968 года франкфуртский литературовед Мартин Штерн

обнаружил, что его считают «узколобым специалистом» и систематически оскорбляют [...] как гражданина Швейцарии и человека с еврейской фамилией». Студенты сорвали его семинар по поэзии экспрессионизма, объяснив свои действия тем, что Штерн практикует «метафизическое шулерство» и «ни черта не смыслит в социальной реальности»²⁶⁵.

9 ноября 1969 года в берлинском Еврейском общинном доме была обнаружена мощная зажигательная бомба с часовым механизмом. Она не сработала из-за отказа проводного соединения между будильником, батареей и взрывателем. Будильник был установлен на время начала церемонии, посвященной памяти жертв еврейского погрома 1938 года*. Адскую машину нашла на следующее утро уборщица. Долгое время оставалось неясным, кто задумал покушение. Спустя 35 лет Вольфганг Краусхаар дал разъяснения по этому поводу²⁶⁶. Он просмотрел материалы следственных органов, «левые» листовки тех времен и соответствующие документы Министерства государственной безопасности ГДР (Штази). А главное, ему удалось разговорить непосредственных участников событий, в том числе самого террориста-подрывника Альберта Фихтера (1947 г. рожд.). Этот шваб, выходец из семьи врачей, в 1968–69 гг. примкнул к группе Дитера Кунцельмана, которая вскоре стала именовать себя «Тупамарос Западного Берлина»**. Иначе говоря, Фихтер принадлежал к одной из вызревших внутри движения-68 ультрарадикальных организаций, которые начали расти как грибы после покушения на Руди Дучке. После неудачи Фихтер надолго исчез из поля зрения. Энергичные действия Краусхаара привели к тому, что летом 2004 года он попросил «у еврейской общины Берлина прощения за это злодеяние»²⁶⁷.

Фихтер находился под идейным руководством Кунцельмана, который, по его словам, уже в те времена непрестанно проклинал «грязных евреев». В октябре 1969 года Кунцельман посетил тренировочный лагерь палестинских террористов и там, по его собственному признанию, «точно узнал,

* Так называемая Хрустальная ночь.

** Тупамарос — название уругвайского Движения национального освобождения, развивавшего концепцию городской герильи.

как делать бомбы с часовым механизмом». В начале ноября он вернулся в Берлин. Неудавшийся теракт вписался в логику «антиимпериалистической освободительной борьбы народов», быстро утвердившуюся среди активистов движения-68 и его симпатизантов.

Куда завела эта логика, обнаружилось спустя полгода после провалившейся попытки покушения — 9 июня 1969 года, когда первый, только что назначенный посол Израиля в ФРГ Ашер Бен-Натан должен был по приглашению Союза еврейских студентов Германии выступать в университете Франкфурта с лекцией «Мир на Ближнем Востоке». Горластая леворадикальная часть слушателей приветствовала посла речевкой: «Не спешите сесть — ФАТХ уже здесь!» Когда Бен-Натан начал защищать Израиль и его политику, кто-то перерезал шнур микрофона, и послышались крики: «Сионисты — вон из Германии!»

Через два дня после скандала во Франкфурте Бен-Натан должен был посетить Гамбург. Союз немецких студентов объявил: «Представитель высшей расы Ашер Бен-Натан не будет выступать в Гамбурге». Неизвестный автор этой декларации проявил себя как один из тех авторитарных носителей антиавторитарной идеологии, которые, основательно изучив эпоху национал-социализма, научились с помощью легких манипуляций придавать добытым знаниям антисемитскую направленность. По их мнению, Бен-Натан знал, как «виртуозно использовать в интересах правящего класса Израиля» боязнь боннских властей заслужить упреки в антисемитизме и возникающие из-за этого политические перегибы в «положительную для Израиля сторону». Свои построения великий интерпретатор из Гамбурга закреплял следующим выпадом: «Идеологи блицзига-1940* могут без труда узнать себя в идеологах блицзига-1967; представители высшей расы Третьего рейха с удовлетворением смотрят на расистскую политику клики Даяна-Меир в отношении арабских “недочеловеков”»²⁶⁸. В заявлении для печати от 18 июня 1969 года руководство ССНС высказалось по поводу этих инцидентов. Оно назвало ФАТХ «законной революционной социалистической

* Blitzsieg — молниеносная победа.

организацией», а «сиониста Бен-Натана» — представителем «расистской» и «авторитарной» идеологии. От этой «мягкой» линии решительно откристилась гейдельбергская группа ССНС. По мнению тамошних революционеров, нужно было поддерживать не соглашательский ФАТХ, а Народно-демократический фронт освобождения Палестины, потому что только он проводит действительно «революционную политику, способствующую организации народной войны в Палестине»²⁶⁹. К антиизраильскому ресентименту добавилось увлечение левых агрессивным американским движением «Власть черных». В отношении Израиля позиция лидера этого движения Стокли Кармайкла была простой: «Мы должны быть на стороне арабов. Точка. Точка. Точка»²⁷⁰.

О неприятии Израиля новыми левыми говорит примечательная деталь: берлинский Республиканский клуб, членами которого были по преимуществу немолодые интеллектуалы, придерживавшиеся самых разных взглядов, назначил дискуссию на тему «Палестина: новый Вьетнам?» на 9 ноября 1969 года. Пусть кто-то был готов ответить на этот вопрос утвердительно или, по меньшей мере, считал правомерной его постановку, — в любом случае не стоило делать его единственным предметом обсуждения в годовщину Хрустальной ночи 1938 года. Подобный жест можно объяснить лишь тем, что левый антисемитизм в Германии — включая в данном случае и ГДР, — был формой перекладывания вины на жертв геноцида и немецкой расовой политики.

Во время дискуссии в Республиканском клубе одна представительница левых распространяла листовку о неудавшемся нападении на Еврейский общинный дом, о котором в тот момент еще не было известно²⁷¹. Заголовок гласил: «Шалом — напалм». В этой формуле также проявлялась тенденция левого антисемитизма к отрицанию вины и переносу ее на жертв. Слово «напалм» прямо указывало на сожжение беззащитных женщин, детей и стариков.

Всё для палестинской революции

После неудавшегося теракта 9 ноября 1969 года Палестинский комитет франкфуртского отделения ССНС опублико-

вал заявление, в котором дал оценку сионистскому проекту: «Окончательное утверждение этого государства могло осуществиться лишь на фоне того опыта, каким был фашизм (следствием чего стали увеличение числа переселенцев и фиктивная политическая легитимация еврейского государства)». Израиль, по мнению авторов заявления, «сам является расистским государством», а тамошние сионисты используют в своих целях «порожденное варварством фашистов чувство вины, которое в ФРГ оборачивается позитивно маркированным расизмом, проявляющимся в форме филосемитизма». Впрочем, авторы осудили теракт, поскольку живущие в Германии евреи воспримут его исключительно «в контексте их преследования и уничтожения именно как евреев»²⁷². Координационный совет Обществ христианско-иудейского сотрудничества констатировал «возросшую агрессивность отдельных право- и леворадикальных групп по отношению к израильтянам и еврейским согражданам, живущим в ФРГ»²⁷³.

27–28 декабря 1969 года в Алжире проходил «Первый международный конгресс солидарности с палестинским народом». ССНС послал туда делегацию из пяти человек, в которую входили Удо Кнапп, Вольфганг Швиджик, Инга Прессер и, явно по случайности, Йошка Фишер. Спустя 34 года, в 2001-м, эта давняя поездка доставила тогдашнему министру иностранных дел много неприятностей. Кнапп и Швиджик рассказали о ней публично, причем Кнапп заявил, что на них произвели отталкивающее впечатление воинственные выступления и «слепая ненависть ко всем израильтянам», и что они «покидали заседания, когда это было возможно». Однако доклад ФСЗК, датированный 1970 годом, говорит о другом. Оказывается, делегаты ССНС в Алжире раскритиковали официальную пропалестинскую резолюцию конгресса как «ревизионистскую». В качестве альтернативы они предложили свой вариант; когда же он был отклонен, они «в знак протеста» покинули заседание»²⁷⁴.

Выводы ФСЗК опирались, судя по всему, на описание поездки, которое составил один из ее участников, Вольфганг Швиджик. В статье под названием «Два примера ревизионистской практики. Палестинский конгресс в Алжире»,

опубликованной еженедельником *Rote Presse Korrespondenz*, он утверждает, что Всеобщий союз палестинских студентов пригласил руководство ССНС на конгресс от имени ФАТХ, но при этом не представил конкретных сведений о плане и содержании заседаний. Выражая сожаление о том, что «распорядок конгресса» носил герметичный характер, Швиджик сообщал: «Президиум конгресса своей властью пресек попытку делегаций ФРГ и Западного Берлина предложить альтернативу резолюциям, представленным для всеобщего одобрения, и, таким образом, развернуть политическую дискуссию на пленарном заседании». Поэтому «западногерманская делегация покинула пленарное заседание» и не стала участвовать в «беспринципном спектакле». Все же, поскольку текст альтернативной резолюции, составленный делегацией ССНС, никому не известен и до сих пор не опубликован участниками алжирской поездки, нет оснований считать, что Йошка Фишер тут ни в чем не повинен. По словам Швиджика, члены немецкой делегации выступали против «ревизионистских формулировок», поскольку опасались, что арабские государства, соседствующие с Израилем, могут, «используя тактику удушения в объятиях [...], взять палестинскую революцию под контроль»²⁷⁵.

В «Письме из Аммана», опубликованном в берлинской подпольной газете *Agit 883* в апреле 1970 года, Кунцельман прокомментировал неудавшуюся попытку захвата палестинцами самолета компании «Эль-Аль» в аэропорту Мюнхен-Рим (München-Riem)²⁷⁶. При этом был смертельно ранен Арье Катценштейн из Любека, уцелевший в годы холокоста, и тяжело ранена актриса Ханна Марон. Кунцельман писал: эти «отчаянные отряды убийц» нужно будет «заменить хорошо организованными, целеустремленными отрядами, которые возглавим мы сами и которые благодаря нашему руководству будут действовать эффективней»²⁷⁷. Не будем вдумываться в то, что Кунцельман имел в виду под последним словом... В любом случае, через день после неудавшегося угона самолета произошел поджог в еврейском доме престарелых в Мюнхене. Задохнулись в дыму и сгорели семь человек. Это тяжкое преступление до сих пор не раскрыто.

В этой связи интересно заявление для прессы, сделанное ССНС во Франкфурте спустя три дня после мюнхенского

убийства. В нем осуждаются поджог «и все аналогичные террористические нападения на еврейскую общину и ее учреждения». Напуганный последствиями собственной агитации и, судя по всему, подозревавший, что в этом преступлении замешаны представители новых левых, ССНС вносил уточнения: «Подобные антисемитские акции не могут быть средством борьбы против сионизма». Он давал понять, что борется с сионизмом «и его политическим воплощением — Израилем, а не с евреями». Демонстрацию, приуроченную к визиту министра иностранных дел Израиля Аббы Эбана, ССНС отменил²⁷⁸.

Все мы — даже те, кто никогда не носил «арафатку» и не участвовал в антиизраильских демонстрациях (включая, например, меня), — с большим удовольствием читали подпольную газету *Agit 883*; позже, однако, это не помешало нам вытеснить существенную часть прочитанного из памяти. До знакомства с книгой Вольфганга Краусхаара о бомбе в здании Еврейской общины, опубликованной в 2005 году, я не только не помнил деталей этого события, но попросту забыл о самом факте покушения. Вдохновитель акции Дитер Кунцельман, впоследствии депутат от «Альтернативного списка» (*Alternative Liste*) в парламенте Западного Берлина, долгое время слыл среди берлинских левых странным малым, помешавшимся на диверсиях, но с ним всё же мирились, восхищаясь цельностью характера и неколебимой антибуржуазностью этого товарища по борьбе. В 1969 году я наверняка читал тексты Кунцельмана — но вытравил из сознания и его тогдашние призывы к «борьбе против Израиля, превращенного в священную корову», и его настойчивые обращения к первому послевоенному поколению, требовавшие преодолеть наконец «помешательство на евреях» ради солидарности с палестинским народом²⁷⁹.

В июне 1969 года Теодор Адорно, «переживая тяжелейшую депрессию», сообщает своему другу Герберту Маркузе, что «во Франкфурте освистали и ошикали израильского посла». И, зная, что Маркузе является наставником протестующих, добавляет: «Ты должен хоть раз увидеть маниакальные, остекленевшие глаза тех, кто, возможно, на нас ссылается, но при этом обращает свою ярость против нас же»²⁸⁰. Говоря о враждебности по отношению к евреям в ФРГ, Эрнст Френкель

заметил, что у правых политиков она не заметна, зато проявляется в левых, и просто ужасает, «с каким пылом наивные юноши и девушки (...) твердят свои проарабские лозунги»²⁸¹.

7 декабря 1970 года Вилли Брандт преклонил колени перед памятником жертвам из Варшавского гетто. В 1973 году он первым из западногерманских канцлеров посетил Израиль. Это был решительный поворот во внешней политике ФРГ, однако новых левых он не интересовал. Обе выходившие тогда в Берлине леворадикальные газеты — и RPK, и Agit 883, — даже не упомянули о коленопреклонении Брандта. В своих тогдашних выпусках они, с одной стороны, пророчили наступление «фашистской диктатуры» в США, а с другой — выдвигали злостные, жизненно важные лозунги вроде: «Санта Клаус — великий маг. Учись у него: опустоши универсам!» («Lernt vom Nikolaus, räumt das Kaufhaus aus»)²⁸².

Еще в 1980-х в редакции газеты Tageszeitung (Taz) существовал глубокий раскол в отношении Израиля. В 1991-м, во время первой войны в Ираке, депутат бундестага Ханс-Кристиан Штребеле считал иракские ракетные удары по Израюлю «логичным, практически неизбежным следствием израильской политики»²⁸³. В 1995-м «зеленая» Антье Фольмер попыталась свести счеты с Марселем Райх-Раницким — не из-за суждений критика о книгах, а из-за его манеры «трубить о своих взглядах». Она назвала Райх-Раницкого «одной из казней египетских, которую мы, возможно, заслужили», обвинила его в «медийном канныбализме», в том, что он «истерик» и человек «без тормозов». До 1945 года в таких случаях было принято использовать термин «подрывной элемент»; в 1992-м Фольмер заменила этот термин другим словосочетанием: Райх-Раницкий стал «новым варваром», мобилизующим «темные силы» — вместо того, чтобы их изгонять. Она советовала предать осмеянию этого «Великого Могола» литературной критики: «Тогда он больше не сможет рвать в клочья книги, тогда он, видимо, поступит как злобный карлик Румпельштильцхен и разорвет от ярости самого себя»²⁸⁴. Статья называлась «Конец невинности». Когда антисемитизм нужен для защиты от чувства вины, он принимает и такие причудливые формы.

ПОКОЛЕНИЕ-33 И ПОКОЛЕНИЕ-68

Мы ненавидим обывателя

Движимое мнимым просветительским рвением, поколение-68 продолжало традицию политических акций своих отцов, поколения-33, хотя ни на миг об этом не задумывалось. Нередко говорят, что, мол, студенческие волнения охватили университеты многих стран и что их нельзя считать чисто немецким феноменом. Эти возражения не выдерживают критики. Гораздо более убедительно звучит мнение тех, кто видит в студенческих протестах роскошные шоу, которые позволял себе заплывший жиром Запад, усыпленный спокойными годами «холодной войны». Буйные игры в казаков-разбойников, повышавшие уровень адреналина в крови студентов, происходили в стране молочных рек и кисельных берегов. Не случайно Эрвин К. Шойх дал сборнику своих работ о новом поколении спорщиков, бунтарей и несогласных, опубликованному осенью 1968 года, выразительное название: «Реформаты общества всеобщего благоденствия». Книга оказалась прогностическим шедевром. В момент публикации, однако, предложенное в ней описание сочли контрреволюционным²⁸⁵.

Шойх сосредоточился на «скверной исторической ответственности в применении насилия к окружающим, которые мыслят иначе». С помощью экскурса в недавнюю отечественную историю он объяснил, почему немецкие студенты в своем поведении и целеполагании не столь демократичны, как их не менее беспокойные собратья в других странах. Он назвал образ мыслей немецких студентов «неизмеримо более авторитарным и тоталитарным». Его не столько удивляло, сколько пугало то, как слабо развита у немцев способность с первого взгляда распознавать общественные движения, враждебные свободе²⁸⁶.

В 1920—30-х гг. протестующие национал-социалисты из университетской среды тоже называли себя студенческим движением. В этом нетрудно убедиться, если заглянуть в любой номер газеты «Академический наблюдатель» (*Akademischer Beobachter*), «боевого листка Национал-социалистического союза студентов», основанного в 1929 году. В мае 1930-го газета была переименована и стала выходить под названием «Движение» (*Die Bewegung*). За этим словом стоит представление о сплоченной массе, устремленной вперед и ввысь, сокрушающей все старое и отжившее. В 1967 году оно снова было взято на вооружение восставшими студентами и, таким образом, сохранилось в Германии до наших дней. В конце концов единое движение 1968 года разделилось на различные группы или, точнее говоря, на так называемые социальные движения: за права женщин, гомосексуалистов, детей, против атомных электростанций, за мир, за международную солидарность.

Поколение-68 подогревало себя девизом: «Разрушайте то, что разрушает вас». Его культовый ансамбль назывался «Звук, камни и осколки» («*Ton, Steine und Scherben*»). Коричневая гвардия 1933 года смотрела свысока на «одряхлевшие кости»* стариков («нам слушать их бредни смешно»), на мнительных, выживших из ума «хрычей», готовых клиентов кладбища, из которых уже «сыпался песок». Студенты-нацисты заявляли (увы, вполне справедливо): «С нами придет новое время»** и распевали на баррикадах и массовых собраниях шлягер Ханса Бауманна, написанный в 1932 году: «По прошлому прочь ностальгию! Мы вдребезги мир разобьем».

Обращая внимание на совпадения, я не хочу приравнять красных к коричневым. Речь идет скорее о том, чтобы выявить черты сходства в употреблявшихся теми и другими мобилизационных технологиях, политическом утопизме и антибуржуазном пафосе. Результат сопоставления наводит на мысль о специфической немецкой преемственности — от «родителей-33» к «детям-68». Главное различие между этими поколениями лежит на поверхности: одно движение стре-

* Популярная нацистская песня 1930-х. — Перевод Л. Гинзбурга.

** Из песни 1916 года «*Wann wir schreiten Seit' an Seit'*».

нительно пришло к власти, создало кровавую «диктатуру молодежи», породило кошмарные личные карьеры, которые столь же кошмарно и кончились; другое привело своих участников к жизненному краху: в значительной мере упустив возможности профессионального становления, они лишь спустя более или менее продолжительное время вновь влились в общественный мейнстрим.

В мае 1930-года двадцатитрехлетний студент-германист Бальдур фон Ширах, рейхсфюрер Национал-социалистического союза немецких студентов, превозносил в первой редакционной колонке новой еженедельной газеты «Движение» «идею тесного единения с немецким рабочим», закончил свой текст фразой, исполненной волюнтаристской патетики: «Все, кто по-настоящему этого хочет, испытывают сегодня чувство прорыва»²⁸⁷. Еще в «Академическом наблюдателе», предшественнике «Движения», он, призывая к отдаленным высоким целям, сделал стержнем своей пропаганды необходимость вести борьбу с буржуазным миром. Для этого Ширах завел в газете специальный, как он его называл, «уголок ненависти»: «Мы ненавидим труса. Неважно, кто он: большой филистер или маленький министр, националист или республиканец, — мы ненавидим труса»²⁸⁸.

От индивидуализма к коллективизму

Несколько позже Ширах опубликовал антиавторитарный памфлет: «Мы ненавидим обывателя. Его любимые слова — «покой и порядок». Когда он произносит торжественную речь, то становится патриотом и воодушевленно потрясает пивной кружкой. В остальном он за «мирное развитие» и приятный долгий сон на лежанке. Он носит войлочные тапочки — в жизни и в душе. [...] Во время революции сидит в подвале своего дома, но стоит ей миновать, перемещается на почву свершившихся фактов»²⁸⁹. Этот текст сразу заставляет вспомнить потомков Шираха из поколения-68 — например, Фридриха Кристиана Делиуса и его стихотворение «Попутчик», напечатанное в № 15 журнала *Kursbuch* за 1968 год: «Этот милый, незлобивый господин / Не пропустит сегодня буквально

ни один / Шанс блеснуть громкой фразой, но после бенефиса / Склонен вкушать покой на лаврах компромисса. / Над ним не каплет, а значит, счастье в жизни есть. / Под водометы он и не подумает лезть. / Лучше гулять в парке под защитой конституции / И не читать газет, пророчащих революцию»²⁹⁰.

В 1931–32 гг. баварский Национал-социалистический союз немецких студентов издавал боевой листок под названием «Немецкая революция» (Deutsche Revolution). Заголовок набирали пламенеющим шрифтом, псевдонимы авторов были звучными — Аргус, Клаус Штертебекер*. Листок рекламировал полезные сигареты «Alarm Gold» производства дрезденской Sturm Zigaretten GmbH, «альтернативной» табачной фабрики, которая, судя по надписи на пачке, выступала «против трестов и концернов»**. В издательстве «Немецкая революция» можно было заказать «открытки с боевыми карикатурами». Они помогали заткнуть рот тем профессорам, которые защищали Версальский договор, выступали против национального мракобесия, были евреями или республиканцами, или, еще лучше, — и теми, и другими. В листке размещали свою рекламу и пивные: «Кафе Националь» или «Остерия Бавария». Они стали местом встреч представителей новой субкультуры. Известный лозунг 1968-го «Не доверяй никому старше тридцати» не был чем-то новым: с подъемом национал-социализма симпатизировавшие ему студенты тоже начали восставать против «убожества седовласых, выдавших виды старцев».

Баварские студенты-нацисты, прощаясь с буржуазным индивидуализмом, приветствовали «новую эру», «которая выдвигает на первый план «мы», общество»: «Суть великой революции XX века заключается в переходе от времени, когда в центре стояло «я», к времени, когда в центре стоит «мы». Именно поэтому «пробил смертный час либерализма»; теперь пришло время «навсегда покончить» с этим невнятным, антиутопическим образом мыслей²⁹¹. Мы, поколение-68, тоже нападали на «дермовых либералов». Поко-

* Легендарный немецкий пират.

** Эти сигареты курили члены СА, выручка от продажи шла на финансирование штурмовиков.

ление-33 корило осторожных, чутких к оттенкам прагматиков за «отвлеченность и соглашательство», за то, что они постоянно употребляют релятивистскую формулу «до известной степени», склонны «дробить мир на миллионы мелких частей» и поэтому «теряют из виду любую значимую цель»²⁹².

Студенты-нацисты «обязались» — они действительно вменяли это себе в обязанность, — «отказаться от прославления индивидуума и перестать с ним нянчиться». Но этого нельзя было добиться путем «политической революции», — нужно, чтобы изменилась сама жизнь, чтобы произошла «революция общественная и культурная». На этом пути «новая Германия» нуждалась в «борцах, а не завсегдатаях пивнушек». Излюбленными врагами национал-социалистического студенческого движения стали не столько коммунисты (их все-таки уважали за бойцовский характер), сколько обыватели — грубые, не способные к эмпатии, «плешивые, обрюзгшие, пузатые толстяки, которым нужно одно: чтобы их не тревожили и наливали по вечерам стаканчик вина, и которые плюют на то, что в соседнем квартале бедная вдова, не зная, как накормить детей, открывает газовый кран».

Лидеры этого движения освоили гибкий, в ту пору совершенно новый гендерный этикет. В отличие от мачиста Руди Дучке, Ширах неизменно начинал свои выступления формулой: «Дорогие немецкие студенты и студентки! Соотечественники и соотечественницы!» Как и участники движения-68, их предшественники были озабочены общественной значимостью учебных предметов и реформой высшей школы. Оба студенческих движения протестовали против «тысячелетней гнили». В 1932 году перечень требований «глубокого реформирования высшей школы» с целью ликвидации профессорского единовластия выглядел так: «Создание кафедр расовой теории, право студентов высказывать свое мнение об университетских назначениях, изменение системы преподавания и проведения экзаменов, дифференцированная плата за обучение в зависимости от дохода родителей и процентной нормы. Мы требуем развития студенческого самоуправления и большего влияния на организацию помощи студентам»²⁹³.

Заметим, что процентная норма была в данном случае направлена не против слабых абитуриентов, а против заси-

ля евреев. В соответствии с национал-социалистической идеей равных возможностей квоты для христиан и иудеев предоставлялись в зависимости от их доли в населении страны. Для последних она составляла 0,5%. В бюро по зачислению студентов были предусмотрены, как сказали бы сегодня, ответственные за равноправие: их обязанности предусматривали соблюдение «справедливой» квоты для евреев. Такой закон был действительно принят в апреле 1933 года и действовал несколько месяцев — вплоть до окончательного исключения еврейских студентов из высших учебных заведений. Образцом для него послужил антисемитский *Numerus clausus*, принятый правительством Венгрии в 1920 году под давлением венгерских студентов-христиан²⁹⁴.

Так же, как их потомки 1968 года, студенты-нацисты хотели уничтожить сословные различия между выпускниками университетов и теми, кто кончал высшие профессиональные училища и педагогические институты. Последние, как правило, были выходцами «из кругов рабочих и мелкой буржуазии». В отличие от университетских снобов, учившихся «исключительно благодаря кошельку отца», они считались «более ценными» кадрами. Поскольку выпускников высших профессиональных училищ отличало глубокое понимание «нужд народа», впредь они не должны были считаться специалистами более низкой квалификации и подвергаться дискриминации. Поэтому 7 февраля 1934 года, впервые в истории немецкого образования, учащиеся профессиональных училищ и вузов, включая будущих школьных учителей, стали полноправными членами Немецкого студенческого союза, который тогда назывался «Имперское объединение учащихся» (*Reichsschaft der Studierenden*)²⁹⁵. (Призываю мужчин/женщин обратить внимание на проникнутое феминистским духом понятие «учащиеся».)

Студентов-нацистов можно считать первыми, кто покончил с академическим снобизмом. Они требовали соединения теории с практикой, отказа от феодально-буржуазного учебного этикета и от самозаточения в башне из слоновой кости, которую представляет собой «чистая наука». Они отрицали «абстрактное знание», считая, например, что необходимо

учредить в университетах военные кафедры, поскольку иначе пропадет «вера в нравственную необходимость борьбы» и люди могут стать «индивидуалистами»²⁹⁶. В марте 1933 года Георг Плетнер, руководивший в организации «Немецкое студенчество» (Deutsche Studentenschaft) реформой высшей школы, организовал дискуссию, участники которой отстаивали новый подход к соотношению теории и практики. Они возмущались «атмосферой “беспристрастности” в аудиториях» и требовали «радикального реформирования» университетов.

Против капиталистической монополии на образование

На смену прежней, «пассивно-созерцательной», «не имеющей отношения к реальности» и «ни к чему не обязывающей» научности должна прийти «активно-политическая» установка: «Частному человеку, будь то ученый или студент, в политическом учебном заведении больше нет места»²⁹⁷. Студенты-нацисты из кинематографических вузов требуют «взорвать киностудию», «идти в народ» и создавать новое реалистическое искусство: «История капиталистического карьериста, баловня судьбы, везунчика, сердцееда — реакционная тема. Прославление счастливого, удачливого «парнишки» (sonny boy) в лучшем случае используется для того, чтобы с помощью романтической иллюзии затушевать необходимость борьбы за существование. [...] Покончим со старомодным студийным кинематографом! Оператору нужно вырваться на волю — прочь из города, в деревню, к рабочим, к народу!» Предлагается «незаметно снимать реальных людей за их работой»: они предоставляют «все возможности для создания драматического образа»²⁹⁸.

Отстаивая свои права, студенты-нацисты рекомендовали читать тексты, о которых профессура отзывалась «отрицательно или с сомнением». Они отказывались «брести от одного предписанного экзамена к другому», поскольку этот постоянный экзаменационный гнет превращает молодежь в «полезных рабочих лошадок» и мешает воспитывать студентов, готовых участвовать в «общем обновлении Германии»²⁹⁹. Они отказывались становиться узкими специалистами, желая

работать для народа и открывать путь наверх выходцам из тех слоев общества, которым образование было недоступно. Они считали себя молодой гвардией, перед которой стоит «историческая задача», и видели свою цель в том, чтобы вырвать технику из «капиталистического плена»³⁰⁰.

Молодые нацисты любили саркастический тон — как же иначе? Например, весной 1929 года студент из Ростока шутиливо заметил, что, мол, хорошо бы вовремя выяснить, когда евреи будут отплывать из гамбургского порта на Мадагаскар: «Оркестр гамбургских штурмовиков с удовольствием сыграет им что-нибудь на прощание»³⁰¹. Ширах «от души» веселился, обличая «уловки» ректоров, пытавшихся ограничить влияние нового «освободительного движения». Он высмеивал этих «ученых представителей реакции». И с антиавторитарным воодушевлением заключал: «Немецкая революция на марше. “Их превосходительства” ректоры тут ничего не изменят»³⁰². В 1930 году ректор университета в Йене приложил все усилия, чтобы помешать назначению на преподавательскую должность фрайбургского теоретика расизма Ханса Гюнтера (позже известного как «Гюнтер-расист»), хотя этого хотели политизированные студенты. Ответ последних звучал так: «Триумф косности: карлик-ректор против великана-ученого»³⁰³.

Начиная с 1929 года на выборах в Генеральный студенческий комитет нацисты одерживали убедительные победы. В целом можно сказать, что в эти годы они находились в авангарде студенческого движения. Юные правые интеллектуалы выражали недовольство тем, что их запрос на общие знания не удовлетворен из-за «крайне узкой учебной специализации». Они считали, что пришла пора бороться за «новую всеобщность» («*neue universitas*»), которую заключает в себе «политическое знание»: «Сегодня повсюду можно видеть беззубых специалистов, лишенных политического кругозора. Несмотря на все абстрактные знания, которые они накопили, это одиночки, утратившие связь со своим народом и потому ни на что не годные»³⁰⁴.

Осенью 1932 года австрийское отделение Национал-социалистического союза немецких студентов забило тревогу: «Внимание! Повышение платы за обучение!» В обращении говорилось: «Учеба должна быть доступна для всех немцев.

С утверждениями вроде “учиться может только тот, у кого есть деньги” мы никогда не согласимся»³⁰⁵. На деле требование социальной открытости вузов реализовать во времена нацизма не удалось. Абсолютное количество студентов заметно уменьшилось³⁰⁶. Однако в рассматриваемом контексте это не играет роли. У нас речь идет об идеологических стимулах утопического свойства, которые способствовали распространению национал-социализма среди немецкого студенчества в последние четыре года перед приходом Гитлера к власти. Такими стимулами стали обещания большей социальной справедливости и мобильности для всех арийцев. В докладной записке о реформе высшей школы 1937/1938 руководство студентов рейха отмечало в качестве недостатка то обстоятельство, что учащиеся по-прежнему набираются из кругов буржуазии. Несмотря на прямо противоположные цели национал-социалистического государства, «образовательная монополия» все еще не разрушена. Чтобы проложить путь к этой цели и открыть вузы для разных слоев общества, говорилось в записке, нужно использовать эффективное средство: «Максимально широкая база для отбора молодых людей, которая абсолютно необходима, может быть обеспечена только при отмене платы за обучение»³⁰⁷.

В 1934 году «капиталистическую монополию на образование» мощным ударом разрушил 25-летний студент Фриц Хипплер, вскоре ставший одной из главных фигур в геббельсовском министерстве пропаганды. Он потребовал «наполнить высшие учебные заведения талантливыми и смысленными учащимися из всех слоев населения». Молодых рабочих следовало «с помощью упрощенной процедуры проталкивать из Движения в высшую школу». Путь к вершинам образования должно было облегчить подобие рабфака: «Высшая школа могла бы подумать об учреждении наряду с другими факультетами особого факультета для рабочей молодежи (к которому, разумеется, будут также иметь доступ дети служащих, крестьян и т.п.)»³⁰⁸ [курсив оригинала].

Даже в заголовках стремительно развивавшейся боевой студенческой прессы, которая прямо-таки дышала нескрываемой гордостью ее создателей, можно увидеть формальное сходство с движением, возникшим спустя 35 лет. В 1930 году

читаем: «Немецкие ректоры ведут борьбу с освободительным движением. Террор в университете Гиссена». Оказывается, гиссенский ректор наложил запрет на форменную одежду. Рядом с этим сообщением взбудораженные студенты могли прочитать панегирик «военному философу Карлу фон Клаузевицу», защищавшему идею антинаполеоновской «народной войны». Под обеими заметками красовался призыв, набранный жирным шрифтом: «Немецкий студент! Порви с отмирающим прошлым, порви со старым представлением о классах: вступай в национал-социалистические боевые организации СА и СС!»³⁰⁹

«Студент не должен позволять другим увлекать себя, он сам должен увлекать других за собой», — требовал Геббельс в 1929 году. И добавлял: «Студенты и рабочие создадут Германию будущего». Тональность этих призывов будущий министр пропаганды подслушал у своего фюрера, который еще в 1923 году в мюнхенской пивной «Левенброй» произнес речь на тему «Немецкий студент и немецкий рабочий как представители будущего Германии»³¹⁰. Гитлер хотел видеть своими соратниками не буржуазных маменькиных сынков, а студентов, «умеющих влиться в массы и принимающих живое участие в борьбе масс». Разумеется, он бичевал «деполитизацию студенчества», ему нужен был «новый тип», наделенный «трезвостью», «способностью к сопротивлению» и «наступательным фанатизмом». Наступление на прежнюю власть Гитлер назвал «освободительной борьбой юного поколения»³¹¹.

Геббельс высмеивал научную работу профессоров, называя ее производством «книжной учености и псевдомудрости», упрекал их за то, что они в качестве «строгих экзаменаторов, восседающих на троне, хладнокровно и высокомерно» сверяют знания своих устремленных в будущее студентов «с нагромождениями пыльных параграфов». Будущего министра пропаганды приводили в бешенство люди, погрязшие в «науке, статистике, специальности, карьере, досужих профессиональных разговорах»; он возмущался «непозволительным высокомерием “образованных” по отношению к “народу”». Лишь «студент-производственник», который спускается в шахту и вместе с товарищами тяжелым физическим трудом создает сырьевую базу нации, может указать «новые пути», только он

может «восстановить связи между лекционным залом и рудником». Чтобы проложить путь к желанному успеху, Геббельс считал нужным «сначала разрушить и уничтожить неисчислимые препятствия», уверяя, что в результате будет достигнуто состояние, при котором «жизнь доставляет наслаждение». Примерно так же, как впоследствии Дучке, Геббельс призывал университетскую публику к созданию сознательных революционных групп, к агитации действием: «Кто-то должен начать! Опрокиньте старые алтари! Выкорчуйте старого человека из вашего мозга и сердца! Возьмите в руки топор и разгромите ложь старого фальшивого мира! Устройте революцию в самом себе! Так родится новый человек!»³¹²

При этом национал-социалистическое движение не интересовало «карьерист, для которого нет ничего важнее книг и почетной обязанности носить портфель за профессором, принимающим у него экзамены. С такими персонажами мы связаны не больше, чем с каким-нибудь кроликом в поле. Напротив, в штурмовых отрядах нас преисполняет гордостью доверие слесаря, который хорошо знает свое дело»³¹³. Настоящим антиисторическим бредом выглядело заявление Дучке, сделанное в феврале 1968 года, во время выступления в Евангелической академии Бад Болль: «Тот факт, что отпрыски буржуазии и привилегированные группы общества начинают отказываться от своего элитарного положения и механизмов его воспроизводства, в историческом плане для Германии представляется чем-то новым, и на это надо обратить внимание»³¹⁴. Поколение-33, как его потомки в 1968 году, уже экспериментировало со студенческими общежитиями. Призыв создать новую, «открытую для народа» высшую школу уже прозвучал в мае 1933 года: «Завтрашнее политическое воспитание студентов будет в полной мере опираться на их совместное проживание в общежитиях»³¹⁵.

Резиновая дубинка против «освободительного движения»

Тому, кто хочет создать нового человека, приходится противостоять государственной машине подавления. Студенты-нацисты, вспоминая позже о временах борьбы за власть,

тоже рассказывали, как они выходили против «полицейских с резиновыми дубинками». Например, в ноябре 1930 года начальник полиции выгнал нацистов из Берлинского университета за антисемитские выходки. «Головорезы расправлялись со студентами свирепей, чем Иван Грозный». Наконец вмешался ректор, поговорил с полицейскими и добился, чтобы они покинули кампус. «Коричневые» студенты пели вслед уходящим полицейским, которые честно исполняли долг перед республикой: «Неужели, неужели мне покинуть городок?»* Вскоре, однако, в рамках государственной политики умиротворения «трех арестованных национал-социалистов выпустили на свободу». Едва это произошло, газета «Движение» затрубила о том, как следует вести дальнейшую борьбу «против сегодняшней системы»: «Основные фигуры коррумпированной системы (...) не должны сомневаться, что после подобных случаев они получают куда более мощные и громкие оплеухи».

Воинственность, не исключала, однако, возможности при случае возопить, апеллируя к нормам «правового государства». «Арест на 44 часа! Неслыханный полицейский произвол в отношении немецких студентов» — такой заголовок появился в газете «Движение» в конце января 1931 года. В том же выпуске был опубликован возмущенный репортаж под названием «Резиновая дубинка свирепствует». Речь шла о попытках «коричневых» студентов Гейдельбергского университета добиться увольнения неугодного им профессора Эмиля Юлиуса Гумбеля — еврея, социал-демократа и активного пацифиста. Студенты-нацисты, воцарившиеся к этому времени в Генеральном студенческом комитете, провели на университетской площади запрещенную демонстрацию, для чего вызвали подкрепление из ближайших деревень и вооружились металлическими прутами и палками. Они чувствовали себя жертвами «террора умирающей системы», которая мешает «свободному выражению мнений». Городская полиция предприняла массированную атаку и очистила

* Швабская народная песенка «Muss i' denn, muss i' denn zum Städtle hinaus», в годы Первой мировой войны ставшая для немцев чем-то вроде «Прощания славянки».

площадь. Студенты вернулись в здание университета, выгнали соучеников-евреев и социалистов и начали баррикадироваться³¹⁶. Дело дошло до серьезных столкновений. Ректор вступил в переговоры и добился от полиции разрешения на свободный выход «коричневых» студентов из здания. Поскольку последние считали правосудие частью господствующей системы, они организовали собственную комиссию по расследованию. Заключение комиссии поражает сходством с документами аналогичных структур, созданных поколением-68, и опирается на свидетельские показания следующего характера:

— Обычные горожане и студенты были насильно загнаны полицейскими в здание университета и там избиты за закрытыми дверями.

— Я видел, как 15—20 полицейских гнали за небольшой группой мальчишек в возрасте от 8 до 14 лет и били их сзади по головам резиновыми дубинками.

— В здании университета полицейские избивали всех без разбора, включая и девушек.

— Полиция отказалась назвать имена или персональные номера сотрудников, проявивших особенную жестокость.

— Печально известный комиссар уголовной полиции Штоль сказал подчиненным: «Ну, чего вы ждете? Зачем резиновые дубинки, если вы ими не пользуетесь?»

— Полицейский Манер применил оружие (имеются свидетели).

В конце говорилось: «В нашем распоряжении находится несколько протоколов, которые указывают на неслыханное, жестокое и безумное поведение полиции, спровоцировавшей инцидент. К моменту написания этого заключения (22 часа) ситуация в целом спокойная. Лишь группы потрясенных горожан и студентов на улицах и площадях Гейдельберга обсуждают дикие действия полиции».

Реагируя на участвовавшие попытки свержения демократического строя, государство вводило запреты на профессию. Нацистская газета немедленно опубликовала сообщение: «Учитель д-р Иохим Хаупт уволен с государственной службы». Хаупт сделал в городе Плен (Шлезвиг-Гольштейн)

публичный «научный» доклад о духовных основах национал-социализма, чем прямо нарушил конституцию Веймарской республики и закон о правовом положении госслужащих. Тем не менее кампания солидарности была проведена образцово: «Все учащиеся школ провожали доктора Хаупта на вокзал, наглядно демонстрируя, на чьей стороне юное поколение». Одновременно с возмущенными воплями в адрес государственной власти загремел призыв: «Готовься атаковать!»³¹⁷ И те, кто подвергался преследованиям, и те, кто перешел в атаку, могли обратиться в «Отечественный фонд помощи заключенным» (Берлин, Фридрихштрассе 100, почтовый индекс 147730), который поддерживал товарищей, отбывающих срок³¹⁸. В сущности, бунтующие студенты считали свои насильственные акции необходимой самообороной, легитимным нарушением правил. Как именно и по каким отработанным сценариям стали развиваться события непосредственно после — на этот раз успешного — захвата власти, можно понять из следующего сообщения в «Немецкой всеобщей газете» (*Deutsche Allgemeine Zeitung*).

17 февраля 1933 года, около 18.30, студенты-нацисты сорвали экзамен в Государственной школе искусств в берлинском районе Шенефельд. Свои действия они объяснили тем, что прусское учебное заведение, готовящее учителей рисования, в предшествующие годы «пропиталось духом марксизма и коммунизма». В результате спора, возникшего между профессорами и одним из ассистентов, национал-социалистом, студенты-штурмовики, «испытывая стихийное возмущение», захватили здание и «заставили прервать» экзамен. Профессора, известные своим инакомыслием, были «удалены из экзаменационных аудиторий», двери «забиты металлическими скобами и коваными гвоздями», а студенты, симпатизирующие профессорам, «насильно оттеснены». В ходе захвата участники подняли над зданием «четырёхметровый флаг со свастикой» и в ультимативной форме потребовали «полной смены кафедрального начальства»³¹⁹.

Молодые нацисты достаточно быстро создали «вооруженные студенческие боевые группы». Один из лидеров такой группы, автор с инициалом Х., сетовал на приспособленческое поведение многих студентов: «революционеров

теснят сторонники эволюции»; в то же время истинные революционеры подвергаются «постоянным репрессиям» со стороны государственной власти. Эти борцы, вещал в конце февраля 1932 года автор, будут крепнуть до тех пор, пока не окажутся в состоянии «смести с лица земли представителей системы и саму систему». Воззвание завершалось громогласной концовкой: «Реакционером следует назвать того, кто стремится искусственно сдержать силы, формирующие облик будущего [...]. Реакционером следует назвать и того, кто приносит жертвы молоху капитализма и слепо навязывает немецкому народу в качестве единственного спасительного средства западноевропейскую либеральную демократию»³²⁰.

Таковы были идеи, типы поведения и практики, с помощью которых отцы многих участников движения-68 осуществили свой политический прорыв³²¹. Если вспомнить о том, в какую катастрофу они затем ввергли мир, стоит поблагодарить небеса за то, что Боннская республика оказалась устойчивей Веймарской и что их дети, столкнувшись с ее прочными институтами, потерпели неудачу.

КОГДА ПОРАЖЕНИЕ ЛУЧШЕ ПОБЕДЫ

Буйство и одержимость немцев

Сопоставлять роли поколения-33 и поколения-68 в национальной истории начали еще во времена расцвета нашего студенческого движения. Но мы не внимали предостережениям. Рихард Левенталь не раз обращал внимание на то, что перед крахом Веймарской республики его националистически настроенные ровесники и однокашники «при всем их бескорыстии были одушевлены таким же противоречивыми чувствами, как и нынешние “революционные” студенты, которыми владеют отчаяние и в то же время идеалистическая надежда». В конце 1967 года Левенталь «очень часто» вспоминал о своем опыте 1928—32 гг., когда «политически активное студенчество» перешло на сторону «национал-социалистов даже раньше, чем вся остальная Германия»³²².

Эрнст Френкель в последние годы Веймарской республики нередко выступал в качестве оратора, представлявшего СДПГ, и столкнулся с ситуациями, когда оперативные группы НСДАП — а иногда и КПП — пытались «завладеть» его аудиторией. Исходя из этого опыта, он считал, что методы поворота лекций и дискуссий в другое русло, как и их систематические срывы, «в точности соответствуют тем, которые до 1933 года использовали штурмовики». Когда франкфуртские студенты сорвали лекцию Карло Шмида, ректор университета Вальтер Рюегг также заговорил об «отработке фашистских силовых методов». Социалистический союз немецких студентов счел себя оскорбленным, потребовал «немедительных» публичных извинений и пригрозил заявлением в прокуратуру. Френкель тут же сказал своему коллеге Рюеггу, что готов подтвердить обвинение деятелей ССНС в фашизме и выступить на суде в качестве «компетентного свидетеля»³²³. По мнению госсекретаря США Генри Киссинджера,

имевшего аналогичный опыт (ему в 1938 году пришлось эмигрировать из города Фюрт), студенты-бунтари 1968 года оказались «большими нацистами, чем Национал-демократическая партия Германии»³²⁴.

Осенью 1968 года депутат бундестага от социал-демократов Ульрих Ломар констатировал пугающую близость новых левых к «фашистскому корпоративному мышлению и принципу однопартийности». С обоснованным сарказмом Ломар заметил: «Им не хватает лишь вожизма или “демократического централизма”»³²⁵. Прошло совсем немного времени, и эти идеи действительно восторжествовали.

О параллелях с национал-социализмом в том же 1968 году говорил фрайбургский политолог Вильгельм Хеннис. Его прощательное выступление на радио, посвященное «молодежным волнениям», стоит вспомнить подробно: «Я вообще-то не знаю ни одного человека, который испытывал бы страх перед нацистами только из-за собственного мировоззрения, ни одного человека, которого так уж сильно тяготили реакционные, авторитарные или антидемократические тенденции нацистской теории. Дело шло о другом: о разлитом в воздухе ощущении тирании, принуждения, несвободы, всеобщей мобилизации, тоталитарности, переживаемом в поистине лично-экзистенциальном смысле, о возникновении атмосферы неизбежного соучастия, чувстве, что все время происходит что-то, что предстоят какие-то акции — вот что заставляло людей бояться. «Стальной шлем»* был реакционным, а о СС этого, пожалуй, не скажешь. Господин фон Папен** был за авторитарное государство, а Гитлер, скорее, за всеобщую мобилизацию (*levée en masse*), называвшуюся «движением». Видеть в национал-социализме только авторитарное, только государственническое и не замечать стихию массового движения — значит не уметь его распознать. [...] Немецкого ночного колпака еще никогда никто не боялся — боялись «тевтонской ярости» (*Furor teutonicus*), немецкого буйства и одержимости, нашего радикализма и неспособности

* Правоконсервативная организация, существовавшая в Германии до 1933 г.

** Канцлер Германии в 1932 г.

к компромиссу»³²⁶. Все мы, включая меня самого, имели возможность тогда же прочитать или услышать эти слова.

В коллективистской идеологии поколения-68 выразился застарелый немецкий страх перед непредсказуемыми ситуациями, рождаемыми свободой. Очевидная зыбкость почвы, на которой стояло поколение родителей, заставляла детей стремиться к устойчивости. В этом бунтующая молодежь 1968 года также следовала более старым образцам; впрочем, тут нельзя игнорировать и параллели с государственной идеологией ГДР. Всеобщее единение и правоверный коллективизм означали регрессию к тщательно очерченной зоне, где находятся лишь «равные среди равных». Кроме того, в одержимости молодежи борьбой, в четком разделении людей на друзей и врагов проявлялось ее желание бежать от сложного мира к предельно упрощенному существованию в окопе. Подобная регрессия принимает, как правило, формы, окрашенные расизмом, классовой борьбой или антимодернистско-консервативным духом. Границы между этими формами остаются размытыми. Функции сельских коммун, «орденсбургов»* и подпольных отрядов «городской герильи» схожи: все они предоставляют духовное убежище; правда, это убежище может очень быстро стать местом самозаточения, зато внутри него слабые чувствуют себя сильными. Один палец можно сломать, но пять пальцев сжимаются в кулак. Для внутренних отношений в небольшой группе единомышленников сказанное означает: наша честь — это верность друг другу. В одном из своих последних текстов, написанных в заключении, бывшая колумнистка konkret Ульрика Майнхоф, до 1967 года рассчитывавшая только на собственные силы и чуждая групповому конформизму, писала: «Господствующей системе, направленной на “разобшение” людей, нужно противопоставить “боевой коллектив”... Коллектив — это группа, которая думает, чувствует и действует как группа»³²⁷. Попытка достигнуть этой бесчеловечной цели привела Майнхоф к личному краху, и она покончила с собой в ночь с 8 на 9 мая 1976 года.

Температурный перепад между обремененным моральными принципами поколением «Хо-Хо-Хо-Ши-Мин» и морально

* Ordensburg — высшее учебное заведение НСДАП, «партийная школа».

опустошенным поколением «Хайль-Гитлер», лишившимся после 1945 года своего «идеологического корсета», привел в 1967–68 гг. к повсеместному нарастанию внутреннего напряжения в немецком обществе, и разряд этого напряжения обрушился на государство, которое было лишь косвенно причастно к происходящему, но которое почему-то называли «фашизоидным». Его представители не понимали причин этой атаки, направленной явно не по адресу, и реагировали неадекватно. Но можно не сомневаться: сама реакция далась им нелегко. Вопросы, сомнения в себе, размышления, которые тогда одолевали, например, Курта Георга Кизингера, по тону и содержанию выгодно отличаются от текстов, опубликованных в те же дни Дучке или авторами журнала *Kursbuch*.

Как следует из приведенных выше данных социологических опросов и из воспоминаний современников, в самих бунтарях боролись силы старого и нового. Энергия разрушения, породившая кризис, бушевала и в семьях, и в общественной сфере. Государству навязали роль суррогатного врага. В 1997 году, во время парламентских дебатов о преступлениях вермахта, депутат от «зеленых» Криста Никельс рассказала о своем недавно умершем отце, который родился в 1908 году. В 1950-х годах этот человек, всю жизнь занимавшийся тяжелым крестьянским трудом, «каждую ночь страшно кричал о каком-то огне и каких-то детях». Потом Никельс заговорила о жесте примирения, продемонстрированном во время встречи «нашего канцлера» Хельмута Коля с Рональдом Рейганом, который в 1985 году посетил солдатское кладбище в Битбурге. Жест получился весьма спорным из-за того, что на этом кладбище были похоронены эсэсовские солдаты. «Тогда мне впервые пришло в голову, что на единственной фотографии моего отца тех времен он одет в черную военную форму с «мертвыми головами». В то время я уже представляла «зеленых» в бундестаге, но не отважилась расспросить об этом отца, мне это было невероятно трудно»³²⁸. Как видим, потребовалось тридцать лет, прежде чем в немецком бундестаге заговорили вслух о главной проблеме, волновавшей представителей поколения-68, которым в те годы было от 15 до 25 лет. Для них, по словам журналистки Тисси Брунс, протестное движение открыло «возможность уйти от личной,

семейной драмы, выключившись из царившей тогда атмосферы сведения счетов». Вот почему ряды движения 1968 года «ширились так быстро»³²⁹.

Не умеющие плавать восстают против воды

Лишь немногие современники событий поняли, что происходит. Остальные были ослеплены революционным огнем, «нежданно-негаданно» запылавшим среди мирного университетского ландшафта: «Хватило искры, чтобы поджечь горючий материал, копившийся уже давно»³³⁰, — писал Петер Вапневски. Еще один либеральный профессор-политолог, Курт Зонтхаймер, был поражен тем, с какой силой «в ясном небе ФРГ разбушевалась» гроза бунта³³¹. Эрвин К. Шойх говорил о массовом, почти «религиозном опыте обращения», который не вязался с привычными представлениями о якобы апатичной и конформистски настроенной университетской молодежи³³². Профессору католической догматики Йозефу Ратцингеру, в прошлом носителю либеральных взглядов, в 1968 году довелось увидеть, как «разгорается марксистская революция» в Тюбингене. Он с ужасом взирает на массовое «атеистическое поклонение фальшивому богу, в жертву которому готовы были принести все человеческое». Подводя итоги жизни, в 1997 году Ратцингер с необычной для него твердостью заключил: «Я видел жестокий, ничем не украшенный лик этого атеистического благочестия, психологический террор, неколебимую решимость, с которой во имя идеологической цели любое моральное сомнение объявляют буржуазным пережитком»³³³.

Некоторые преподаватели вообще уходили из университета — так, например, поступил граф Кристиан фон Кроков (1927—2002), который в 1969 году уволился со службы и стал писать книги. Его студент Арно Видман, в то время левый радикал, немало способствовавший бегству своего профессора, спустя 34 года написал в некрологе: «Кроков распахивал перед нами двери, которые мы собирались брать штурмом. Он дискутировал с нами дни и ночи напролет. Мы навесили на него ярлык, который наше поколение держало наготове

для дружелюбно настроенных, но не утративших здравого смысла старших современников, — называли его “дерьмовым либералом”. Тогда этот ярлык означал, что он больше не хочет посредничать между нами и властью. Никто не стал выяснять, почему он ушел».³³⁴

Вапневски, Зонтхаймер, Шойх, фон Кроков, Ратцингер и многие другие — например, Ральф Дарендорф — были на 15–20 лет старше первокурсников 1968 года. Они выступали за реформы, но не захотели работать в «революционных» университетах, предпочитая более спокойные учреждения. Это можно счесть малодушной уклончивостью, однако причины их ухода были вполне разумны. С какой стати молодые либеральные преподаватели должны были тратить свое время на всемогущих идиотов и урезонивать откровенных хамов? Таких, например, как председатель ССНС Кнапп, который после дискуссии с Юргеном Хабермасом подвел ее итог следующим образом: «Я вообще не понимаю, зачем после того, что сказал Хабермас, вы его еще терпите?»³³⁵

В 2006 году Вапневски с огорчением вспоминал о «неуклюжих хэппенингах и гнусных проявлениях насилия», которые на протяжении многих лет держали в напряжении целый ряд немецких университетов: «Те, кто не умеет плавать, восстали против воды. В самом деле: если не станет воды, то исчезнут и не умеющие плавать».³³⁶ Неудивительно, что молодые профессора, готовые к реформам и дискуссиям, в считанные месяцы оказались между двух огней. Слыша, как их издевательски называют «дерьмовыми либералами», они складывали оружие, спасались бегством или ожесточались. С этой точки зрения бунтари не только не способствовали либерализации страны, но ее откровенно замедляли.³³⁷ Они не хотели даже слушать серьезные предложения, которые поступали от «промежуточного поколения», которое Ханс-Ульрих Велер называет «поколением 1945-го», а другие авторы — «поколением помощников ПВО»*. Я употребляю термин «поколение Коля», поскольку бывший канцлер может считаться типичным представителем этой возрастной группы: он потерял

* Flakhelfer — подразделения вспомогательной службы ПВО, сформированные из подростков.

на войне старшего брата; в 1949 году в Людвигсхафене ему приходилось приносить на урок танцев собственный брикет угля³³⁸. Кроме перечисленных выше, к этому поколению можно отнести Ханса-Дитриха Геншера, Никласа Лумана, Германа Люббе, Юргена Хабермаса, Йоханнеса Рау, Иоахима Феста, братьев Ханса-Йохена и Бернхарда Фогелей, графа Отто Ламбсдорфа.

Все они, как правило, начинали учиться и работать с некоторым опозданием: это объяснялось крайне тяжелыми условиями, сложившимися в разрушенной и деморализованной Германии. Многие получили в подростковом возрасте травматический опыт соприкосновения с войной. Самым старшим в конце войны пришлось служить в бундсвере, подростки помладше становились «помощниками ПВО» или «детьми-солдатами» в фольксштурме. Они пережили бомбежки и эвакуацию из городов, многим довелось узнать, что такое бегство и выселение. Добрая половина детей и молодых людей, наполнявших классы и аудитории в 1947 году, потеряли отца, старшего брата, а иногда и обоих родителей. Они подрабатывали на «черном рынке», чтобы «организовать» продукты и уголь для своих изможденных матерей. Они пережили времена разрухи и дефицита, хаоса и смерти, когда последним оплотом была семья: дядя, тетя, бабушка и дедушка.

Попавший осенью 1943 года под ночную бомбежку Ваппенски, которому тогда было двадцать лет и который годом раньше потерял левый глаз в танковом сражении, описывал свой военный опыт так: «Я вдыхал тошнотворный сладковатый запах трупов, доносившийся из развалин»³³⁹.

В воспоминаниях одной обычной немецкой семьи, из тех, что не пишут книг, а передают — если вообще передают — свою историю устно, перед нами предстает восемнадцатилетний пехотинец Вернер Вебер из Агнетендорфа в Исполиновых горах. До апреля 1945 года он защищал город-крепость Бреслау*. (В том же городе, кстати, держал оборону и стрелок СС Бернхард Хайзинг, который позже покажет на своих полотнах службу в «адской команде».) Веберу удалось

* В настоящее время Вроцлав. Агнетендорф также находится на территории современной Польши.

дезертировать: вместе с товарищем они сбежали в родную деревню, расположенную неподалеку. На дороге их остановили два солдата тайной полевой полиции. Вебер и его товарищ хладнокровно застрелили «охотников на людей», которые едва ли были намного старше их самих. До конца своих дней они считали, что были вынуждены пойти на убийство исключительно ради спасения собственной жизни. Вскоре оба попали в русский плен. В 1949 году тощий как скелет, больной плевритом Вернер Вебер вернулся в ГДР.

Эмиль Вебер, младший брат Вернера, в феврале 1945 года отвез родственнику, лежавшему в лазарете в Торгау, железный крест. На обратном пути, проезжая через Дрезден, он попал под воздушный налет. Эмилю удалось выбраться из города целым и невредимым, но на одном из блокпостов его остановили и отправили обратно. Несколько дней шестнадцатилетний мальчик помогал убирать с улиц трупы и сжигать их на дрезденском Старом рынке.

В 1947 году семью Веберов выселили из Агнетендорфа. Единственным утешением в несчастьях было то, что все ее члены выжили. Позже — и в ГДР, и в ФРГ — они внесли свой скромный вклад в экономическое возрождение: трудились в поте лица, жили скромно, ухаживали, как заведенные, за своими автомобилями и, насколько могли, старались дать детям хорошее образование. Лишь спустя 60 лет, когда Вернера давно уже не было на свете, Эмиль рассказал о том, что им обоим пришлось пережить между 1944 и 1949 годом. Все это время он вытеснял травму, пряча ее в дальних уголках сознания. Только теперь, почти 80-летним, он с женой и дочерью посетил бывшую родину. Подойдя к забору дома, оставленного в 1947 году, он помахал букетом цветов — и вскоре уже обнимал нынешнюю хозяйку дома, украинку, которая ребенком была угнана в Германию.

Как рассказывает Ральф Дарендорф, его отец Густав после 20 июля 1944 года* был арестован и погиб в заключении; сам же он зимой 1944/45-го оказался в лагере гестапо, где подвергся допросам и избиениям за «пораженчество

* Подразумевается знаменитый «заговор генералов», устроивших 20 июля 1944 года покушение на Гитлера.

и действия, направленные на подрыв оборонной мощи». Пятнадцатилетний мальчишка своими глазами видел, как повесили одного из заключенных, укравшего полфунта маргарина. «Каждое утро мы натыкались за бараками на трупы — замерзших? убитых? — узников лагеря. Порой мы слышали выстрелы, но не видели самих жертв»³⁴⁰.

Канцлер Хельмут Коль во время посещения Израиля в 1984 году сказал, что ему выпало счастье позднего рождения, — на радость «зеленым», использовавшим этот повод, чтобы лишний раз дать почувствовать свое превосходство. Коль хотел сказать: мы были слишком молоды, чтобы стать нацистскими преступниками, были бы мы в то время старше — кто знает? Если сравнивать с условиями, в которых росло поколение-68, можно скорее утверждать, что на долю поколения Коля выпало несчастье родиться слишком рано. По воле случая и не по собственной вине эти люди были втянуты в водоворот страшных событий и хранили молчание о пережитом. Им пришлось преодолевать последствия тяжелых ударов судьбы, вытеснять их из памяти, а при необходимости — вообще вычеркивать прошлое из своей жизни. Этим юношам не нужно было спрашивать учителей, где те были во время войны и чем занимались. Во всяком случае, они из собственного опыта хорошо знали, что учителя имеют в виду, когда — скорее всего, по недосмотру, — упоминают «недавнее прошлое».

Понятно, что они восприняли 8 мая 1945 года, медленное восстановление государственного порядка, начало экономического возрождения страны как милость небес, позволившую с облегчением вздохнуть. Они делали полезное дело и смотрели только вперед. Прежде всего им хотелось «из хаоса послевоенного времени создать мир, пригодный для жизни». Так говорил Эрвин К. Шойх, родившийся в 1928 году³⁴¹. В 1968-м эти дети, «опаленные пожаром», который разжег не только Гитлер, но и Сталин (многим пришлось бежать из ГДР на Запад), «не могли понять, почему в следующем поколении оказалось так много поджигателей»³⁴². С нескрываемым ужасом наблюдали они за новым приливом мировоззренческого фанатизма, помня, что в XX веке величайшие преступления были совершены людьми и группами,

которые с полным правом могли утверждать, что «их политика — это мировоззрение, а сила их убеждений — выше любых сомнений»³⁴³.

В 1967–68 гг. в ФРГ наблюдался двойной разрыв между поколениями: во-первых, между детьми и родителями (в том числе и бывшими нацистами); во-вторых, между поколением Коля и поколением-68, которое появилось на свет в период с 1942 по 1952 год и заполнило студенческие скамьи в принципиально иной экономической ситуации. Жизненный опыт этих двух поколений был столь разным, что старшее не могло не видеть в младшем избалованных «мажоров» эпохи общего благоденствия, поистине бесящихся с жиру. Как ни старалось поколение Коля, роль посредника между стариками и молодежью, которая ему подобала бы в нормальных условиях, оно уже играть не могло. Неспособность этих двух сравнительно близких возрастных групп вести диалог друг с другом прежде всего и объясняет катастрофу 1968 года.

Помимо тяжелого опыта военных лет, выпавшего на долю поколения Коля, нужно принимать во внимание еще одну важную историческую деталь. Родители детей, появившихся на свет между 1923 и 1933 годами, сформировались еще в кайзеровской Германии. Тогдашние отцы семейств если и не участвовали в Первой мировой войне лично, в любом случае ее так или иначе пережили. Начало их профессиональной карьеры пришлось на годы Веймарской республики. Даже если эти семьи восхищались национал-социализмом, после его краха они могли сравнительно безболезненно восстановить в своем сознании ценности, которым были привержены до 1933 года.

Эмоционально обездоленные

Родители поколения-68 появились на свет раньше, между 1910 и 1922 годом. Многие из них потеряли в Первой мировой войне отцов или помнили, что после 1918 года те превратились в сломленных, ожесточившихся неудачников. Они кончили школу в годы Веймарской республики и начали делать профессиональную карьеру в Третьем рейхе. Этим родителям в 1945 году в основном было гораздо трудней

вернуться к прежним ценностям и нормам, чем родителям поколения Коля.

В конце мая 1968 года Рудольф Вильденман прокомментировал для правительственной комиссии, занимавшейся «студенческими волнениями», данные своего социологического опроса о бунтующих студентах. Как установил Вильденман, на участие респондентов в протестном движении существенно не влияли ни пол, ни место учебы: результаты опроса он объяснял «глубокими расхождениями с поколением отцов». Особенно остро критиковали старшее поколение дети из благополучных семей. Этот феномен Вильденман описал простой формулой: «Много денег — мало домашнего тепла»³⁴⁴.

Я предлагаю другую интерпретацию, которую уже обозначил выше. Благоденствовавшие родители поколения-68 пережили национал-социализм в молодости; вступая в профессиональную жизнь, они в основном отождествляли себя с этим режимом, который сулил им карьерный рост и иные возможности успеха. Они были обласканы властью, поскольку являлись ее опорой. После 1945 года именно они оказались выбитыми из седла — в гораздо большей мере, чем старшее поколение немцев или те, чей жизненный уклад был более простым и традиционным. Ценностный фундамент, служивший им опорой, оказался непрочным. Родители поколения-68 составили ту социальную и возрастную когорту, которой было очень трудно не на словах, а на деле вернуться к правовым и моральным нормам, вновь утверждавшимся в обществе. Не находя для себя после 1945 года надежной идейной почвы, они впали в нечто вроде ступора и утратили ориентацию. Отсюда тот дефицит домашнего тепла, который испытывали будущие бунтари 1968 года и о котором говорил Вильденман. Можно назвать этих детей эмоционально обездоленным поколением.

В послевоенные годы они оказались в психологической ситуации, похожей на ту, которую в детстве — после поражения 1918 года — пришлось пережить их родителям. Иными словами, в студентах 1968 года наложились друг на друга пагубные последствия двух страшных войн, отразившихся в их семейной истории.

Несмотря на свою агрессивность по отношению к внешнему миру, значительную часть энергии эти молодые люди направляли на выяснение внутригрупповых отношений, на распри между правыми и левыми в собственной среде. Их бешеную активность, их эксперименты в области самоидентификации, группового и детского воспитания можно признать поистине отчаянной попыткой обрести недостающее человеческое тепло. Тот, кто сегодня заглянет в журналы коммун или в необычайно популярную в 1971 году книгу «Детские сады»*, может лишь пожалть плечами и швырнуть эти сочинения в корзину для макулатуры. Но если читать их иначе — не как политические манифесты, а как высказывания авторов о самих себе, — они становятся настоящими историческими источниками. Эти тексты раскрывают психический мир их создателей, занятых поиском ценностей, которых им явно не доставало.

О минимальном исходном консенсусе, достигнутом ими применительно к группе детского сада, авторы книги говорят следующее: «Мы единодушно считали, что все существующие модели воспитания направлены на подавление наших детей, которых хотят сделать несвободными, зависимыми от авторитетов, такими же, какими были мы сами». А вот воспоминания одной из бывших обитательниц «Коммуны 1»: «И вправду трудно описать, что для нас значило время, проведенное в коммуне. Дуновение нежности? Чувство, что ты не один? Что не нужно прятаться? Что нет страха друг перед другом?» В другом месте она же пишет, «что “нормальные” родители — это родители, не способные любить»³⁴⁵. Невозможно представить, чтобы так говорили о своих семьях люди из поколения Коля.

В октябре 1968 года правительственные эксперты обсуждали причины студенческих волнений. В основу дискуссии был положен список тезисов, открывавшийся лаконичной констатацией: «Корни нынешних беспорядков нужно искать в немецкой истории, главным образом — в последствиях национал-социализма и катастрофы 1945 года». Один

* Ср. выше примечание об «антиавторитарных детских садах».

из участников дискуссии, Макс Хоркхаймер, попытался определить различие между студенческими протестами в Германии и в других странах. Вот его реплика: «Если очерчивать специфику немецких волнений, то в глаза бросится характерный ресентимент, чувство неполноценности, “бессознательное”. Все это свойственно и тем, кто реагирует на беспорядки, и многим студентам. Всех восставших очевидным образом объединяет одно обстоятельство: они не видят для себя удовлетворительных целей, никого из них не привлекает возможность пойти по стопам своего отца. [...] Поэтому у молодых людей есть основания чувствовать себя глубоко несчастными и, отчаявшись во всем, ставить для себя цели самостоятельно».

В этой дискуссии принимал участие Хельмут Кун. Развивая мысль Хоркхаймера, он заметил, что «ему самому запали в память — возможно, слишком суровые — слова о немцах, сказанные одним американцем: “Они друг друга не любят”. Как считал этот американец, процессы в студенческой среде вообще нельзя описать словосочетанием “нарушение установленных правил”». Студенческие беспорядки в Германии принципиально отличались от ситуации в американских университетах, где, несмотря на все протесты, никогда не намечалась тенденция к «полному краху доверия между преподавателями и студентами»³⁴⁶.

Впечатления Куна подтверждает отчет немецкого генерального консула в Нью-Йорке, посвященный забастовке студентов Колумбийского университета. Там в мае 1968 года с целью «примирения спорящих сторон» были созданы «различные специальные комитеты». Все ведущие газеты опубликовали «подробные аналитические материалы», служившие «выявлению глубинных причин забастовки». В отличие от Берлина, отношение жителей Нью-Йорка к студентам «было в эмоциональном плане крайне благожелательным». В университетских кампусах дискуссионные группы и профессора делали все для «обмена мнениями и предложениями по реформам»: «Толпы “посредников” — сотрудники факультетов, члены либеральных студенческих организаций, посланцы университетской администрации и мэра, — перебежали из одного осажденного здания в другое»³⁴⁷.

В Германии картина была совсем иной: здесь студенты, проникнутые радикальными идеями, все время планировали нагнетать ситуацию с помощью нарастающего насилия. Бургомистр Берлина Клаус Шютц, выступавший от лица городских властей, подливал масла в огонь: «Вы только посмотрите в глаза этим типам!» Шпрингеровские газеты заходились от брани — неудивительно, что берлинские обыватели, уже дышавшие духом погрома, напали средь бела дня на безобидного служащего, которого они приняли за Руди Дучке. Во время летнего семестра 1968 года берлинский профессор государственного права Роман Херцог подумывал о том, чтобы завести дисциплинарное дело против бывшего председателя Христианско-демократического объединения студентов Юргена Бернда Рунге, над которым леворадикальные студенты дружно насмеялись как над оппортунистом. Однако решил воздержаться, чтобы не помогать Рунге «заработать в университете политический капитал». Херцог сделал ставку на то, что Рунге «доставит нам много огорчений» во время зимнего семестра, и вот тогда-то «будет проще его прихлопнуть»³⁴⁸. Петер Бениш, который в те годы был главным редактором газеты Bild, в дискуссии 2001 года о мятежном прошлом министра иностранных дел Германии Йошки Фишера справедливо заметил: «Сегодня важны лишь дипломатические результаты деятельности (Фишера), а не картины прошлого, исполненного обоюдной жестокости и ненависти. И я знаю, о чем говорю: мы с газетой Bild в то время стояли по другую сторону баррикад»³⁴⁹.

Между этими двумя фронтами безуспешно метались немногочисленные, не имевшие достаточной общественной поддержки посредники, которые все же существовали в Германии. Со временем они признали свое поражение. Даже берлинский философ Вильгельм Вайшедель, которого министерство внутренних дел подозревало в закулисном руководстве «левыми силами», в конце концов отступился. В 1972 году он сообщил своему другу, что полностью исключился из путаных университетских дел, «с тех пор как восстание студентов, на которое поначалу возлагал большие надежды, выродилось в обычную классовую борьбу». «Иногда мне даже приходят на ум последние годы перед 1933-м», —

признавался Вайшедель. В 1975 году он писал: «Я должен упрекнуть себя в том, что способствовал развитию событий, которые привели к сегодняшнему положению дел». Он имел в виду тот факт, что в это время речь шла уже исключительно о «завоевании и упрочении власти» отдельными, в том числе «левыми» группами³⁵⁰.

Замечания Хоркхаймера и Куна наводят на мысль, что бунт 1968 года черпал свою неукротимую энергию из слабости обеих сторон. На одной были люди с нацистским прошлым, такие как канцлер Кизингер, заместитель министра внутренних дел Эрнст или шеф берлинской полиции Дуензинг: они могли действовать жестко или гуманно, но в любом случае были вынуждены сталкиваться с отсутствием доверия к ним лично. На другой — активно протестовали и вели агитацию «непослушные дети» (Кизингер). С присущей их возрасту беспощадностью они использовали внутреннюю неуверенность родительского поколения, но и сами страдали от отсутствия базовых ориентиров. Отсюда их доктринерский тон и все более заметная самонадеянность. Бунт поколения-68 принял столь ужасные формы потому, что прежняя Федеративная республика была лишена морального стержня, в котором нуждается свободное общество. Силы, связующие поколения в единое целое, оказались слишком слабыми, и бунтующие обновители превратились — к счастью, лишь на некоторое время — в зеркальное отражение тоталитарного прошлого.

В 1957 году Хельмут Шельски назвал поколение Коля «скептическим поколением». В его описании оно представало далекой от мечтательности и легковерия возрастной группой, которая после духовного отрезвления, случайного выживания в страшной войне и множества физических и психологических травм оказалась исключительно жизнеспособной: «В личном и социальном поведении это поколение демонстрирует гораздо большую адаптивность, реалистичность, хваткость и нацеленность на успех, чем любая юная поросль прежних времен. Они принимают жизнь такой, какая она есть, во всей ее банальности, и гордятся этим». После краха национал-социализма тогдашние молодые немцы, задышав полной грудью, поспешили наверстать упущенные годы.

Как любому поколению, лишенному юности, им пришлось повзрослеть до срока. Они трудились не щадя сил, в ускоренном режиме сдавали экзамены и приступали к профессиональной деятельности. В их поведении отражался образ мыслей, который был «чужд спекулятивной отвлеченности, но в то же время чужд и агрессии»³⁵¹.

Шельски родился в 1912 году, в молодости принадлежал к национал-социалистической интеллигенции. Свое поколение этот ученый отграничивал от поколения Коля, — вне всякого сомненья, он исходил при этом из размышлений о собственном жизненном пути. В отличие от большинства социологов, исследующих молодежь, Шельски предложил считать моментом, когда новое, в высшей степени идеологизированное «политическое поколение» порвало с освободительно-романтическими идеалами немецкого молодежного движения, не 1933 год, а середину 1920-х. Оглядываясь на свою биографию, он писал, что во второй половине двадцатых организованную городскую молодежь называли «авангардом наступления». В то время она жаждала «радикального вмешательства в мир взрослых» и ратовала за «интеллектуальное упорядочение общества, качественно трансформированного на основе определенного политического принципа». Опираясь на «священную преданность некой идее или идеологии» и предписав себе неклонное следование избранному принципу, эти молодые люди освоили «уверенную манеру поведения в современном обществе»³⁵².

В одном пункте Шельски ошибся. Он утверждал, что после войны с подобной типичной формой поведения молодежи будет «покончено навсегда»: «Я имею в виду прежде всего всеобщий оптимизм в отношении планирования и порядка, потребность верить в “идеи” или идеологии и надежду на то, что революционные преобразования могут благотворно повлиять на состояние общества и его гармонизировать». Поколение-68 полностью опровергло эту гипотезу. Подчиняясь странной, гипнотической тяге к повторению, оно продолжило традицию, начатую «политическим поколением», т.е. возрастной группой, к которой принадлежали их родители, в том числе сам Шельски, и для которой, по словам последнего, были характерны «противоречие между

желанием вести за собой других и массовой покорностью», страстное влечение к «программам и догмам»³⁵³.

Разумеется, преемственная связь с эпохой национал-социализма была заметна и среди государственных чиновников, однако более трудную — в том, что касалось навязчивой тяги к повторению, — более важную часть проблемы составляла узкая сфера семейной жизни. Беттина Шефер, родившаяся в 1952 году, описала типичную домашнюю конфронтацию, которая в ее возрастной группе еще приводила к молчаливому отчуждению от родителей. Между отцами и сыновьями такая конфронтация была особенно жесткой, но и более тихий конфликт между дочерьми и матерями носил не менее гнетущий характер.

«Моя мать в возрасте девятнадцати лет кончила курсы санитарок и “попала на русский фронт”: суровые зимы, работа в прифронтовых госпиталях, необходимость так или иначе “выкручиваться”, травмированная рука и возвращение “на родину”, Кенигштайн, Гиссен, Франкфурт, — и вновь работа в госпитале, уход за ранеными, потом ночные бомбежки, продуктовые карточки, стояние в очередях, попытки “организовать” пальто из старых армейских шинелей, постельных покрывал или знамен, ведь в то время “ничего не было”. [...] Мужчины рассказывали об окопах, стуже, грязи и смерти, о том, как чудом остались живы, об идиотских приказах, о “катюшах”, зенитках, столах раненых товарищей, оставшихся на поле боя, о ночных маршах.

В 13 лет “на уроках истории” Беттина Шефер узнала то, что иногда мимоходом показывали по телевизору (процесс над Эйхманом в Иерусалиме), а именно: всю историю концлагерей и истребления евреев. Но если об этом рассказали в школе, это не может быть неправдой! В концлагерях наверняка еще и пытали. В журнале Stern она видит репортаж об одном таком палаче по имени “Богер”. На мутных фотографиях трудно что-то разглядеть в деталях, но можно догадаться: он подвешивал голых заключенных вниз головой и хлестал их плеткой. Это было зверством. Для девочки это непостижимо, омерзительно, — она в ужасе от мысли, что такое вообще было возможно! На осторожные вопросы мать отвечает коротко и не сразу: “Об этом никто не знал!” Как же так? Воз-

никает чувство: лучше не расспрашивать. Это чувство живет, как скрытая угроза, где-то “в затылке”, “в подсознании”. Все, что связано с преследованием евреев, с пытками, все вопросы “почему?” становятся запретной зоной [...]»³⁵⁴.

Публичное обсуждение и домашнее замалчивание

Этот семейный конфликт, который его участники так и не сумели толком обсудить, был спровоцирован школой, журналом Stern, телевидением и, косвенно, уголовной юстицией. Кроме того, существовали небольшие кружки вроде Общества христианско-иудейского сотрудничества, проливавшие свет на давнее прошлое, внезапно ставшее угрожающе близким. Для семей открывшаяся истина оказалась слишком болезненной. При всей осторожности, сегодня уже непонятной, государство — с его просветительскими кампаниями, учреждением Центрального ведомства по расследованию преступлений нацизма, дебатами о сроке давности для этих преступлений — возложило на немецкие семьи тяжелое бремя, которое оказалось им не по силам.

Дело обычно не упиралось в вопрос об участии родителей в преступлениях. В большинстве случаев они не были преступниками в прямом смысле слова. Основную проблему представляли те матери, которые некогда состояли в Союзе немецких девушек (BDM), больше всего любили выступать по радио в составе музыкальных коллективов, исполнявших песни Ханса Бауманна, и обучали этим песням собственных детей, а также те отцы, которые реализовали свои юношеские мечты в Национал-социалистическом механизированном корпусе (NSKK) и с поразительной скоростью взобрались на верх социальной лестницы. Для них такие клише, как «старый нацист Кизингер» или «фашист», наконец объявленный всемирным феноменом, стали удобными эрзацами, маскирующими семейную и личную неспособность вступить в настоящий диалог о прошлом.

Какими громами и молниями, метаемыми в представителей государства, оборачивалось домашнее молчание, можно видеть из открытого письма, которое Гюнтер Грасс адресовал

Кизингеру, избравшемуся на пост федерального канцлера. «Как именно мы должны чтить замученных в Освенциме и Треблинке, если вы, соучастник тогдашних дел, не стесняетесь определять контуры нашей политики?»³⁵⁵ — вопрошал человек, не стеснявшийся определять контуры общественной нравственности и молчавший о своей службе в войсках СС. Поощина, которую 7 ноября 1968 года, во время совещания ХДС в Берлине, дала канцлеру Кизингеру Беата Кларсфельд, прошипев при этом: «нацист», должна была снять бремя с души молодых немцев и всех, кто спешил оказаться на исторически правильной стороне, — не в последнюю очередь с души самой Беаты Кларсфельд, которая, будучи немкой-христианкой, в девичество носила фамилию Кюнцель*. Позже она назвала свой поступок актом, совершенным «ради Германии, полностью избавившейся от склонности к примирению с прошлым»³⁵⁶.

Подобные компенсаторные действия смещали вектор неразрешимых общественных противоречий, перенаправляя его в сторону государственной власти. Семейные конфликты совпали с тем этапом жизни молодых людей, когда они так или иначе отдаляются от родителей, и усугубили обычный межпоколенческий разрыв. Поколение-68 стремилось выработать стратегии поведения, позволявшие отмежеваться от нацистских преступлений. Это более чем понятно, если учесть беспримерный масштаб расовых преследований и истребительных войн, в которых была повинна Германия. Студенты подчинялись защитному рефлексу. При виде невыносимых злодеяний они зажимали глаза.

Здесь кроется принципиальное различие между студентами 1968 года и их сверстниками из ГДР, которое до сих пор является причиной взаимного непонимания. Властям ГДР удалось идеологически экспортировать прошлое за пределы страны, избавив тем самым подрастающую молодежь от необходимости задавать вопросы. Достаточно было исказить отечественную историю, внушив молодым людям, что национал-социализм был создан ничтожной прослойкой пред-

* Подразумевается еврейское происхождение мужа Беаты, носившего фамилию Кларсфельд.

ставителей монополистического капитала, с которой народ ГДР, радостно глядящий в будущее, не имеет ничего общего. В Восточной Германии поколение-33 вышло сухим из воды. Их дети считали вопросы излишними.

Как показывают социологические опросы 1967 года, поначалу студенты ориентировались на авторитетных представителей старшего поколения. Он чтили Карла-Фридриха фон Вайцеккера, Вальтера Хальштейна, Карло Шмида и, наряду с ними, самого Конрада Аденауэра. Это означает, что в своей начальной фазе антиавторитарный мятеж был направлен не против чересчур строгих родителей и учителей, а против тех, кто утратил в глазах молодежи авторитет. Идеальное банкротство таких людей уже не позволяло им служить образцом для других, и они это как минимум смутно ощущали. Что делали дети сразу после получения школьного аттестата? Спасались бегством от действительности, избирая для себя видоизмененный вариант политически одномерного утопизма, на руинах которого выросли. Понятно, что преступный национал-социализм они замещали идеей единой Европы и интернационализмом. В эту программу вписывался и отказ от воссоединения двух Германий. Для учащихся было характерно негативное национальное чувство, но при этом они сохраняли романтико-утопическое видение мира.

Бегство из отечества

Курт Георг Кизингер сразу же распознал в поведении молодежи желание уклониться от решения внутренних проблем страны. Оторванность от действительности, побуждавшая студентов интересоваться главным образом конфликтами, «коренящимися за рубежами отечества», казалась ему, несмотря на сопутствующие моральные декларации, довольно подозрительной. Своим советникам Кизингер предлагал подумать над тем, «не ощущается ли тут — в известной мере как оборотная сторона, — знакомая установка: “Немецкий порядок спасет мир”»*. Канцлер привел в этой связи показательный

* Цитата из стихотворения «Deutschlands Beruf» Эмануэля Гейбеля: «Am deutschen Wesen muss die Welt genesen».

пример. Беседуя с одним прелатом евангелической церкви, он спросил: «Где мы, немецкие протестанты, оплошали?» Тот в ответ «перечислил ряд обстоятельств, имевших место исключительно за пределами наших границ». Кизингер считал такую позицию «менторской, миссионерской разновидностью характерного для нас в прошлом крайнего национализма, который теперь вывернут наизнанку»³⁵⁷.

Судя по опросам, студенты искренне одобряли процесс объединения Европы. Однако на «европейский» энтузиазм тогдашних немцев можно распространить ту же оговорку: критически настроенные студенты находили в нем прежде всего возможность уйти от исторической ответственности. Этот же мотив подпитывал их самоидентификацию с освободительными движениями в далеких странах. В череде возрастных когорт студенты 1968 года следовали непосредственно за тем поколением, которое принесло в мир нечеловеческие, адские беззакония, ужас и смерть. Вполне понятно их желание хотя бы мысленно отстраниться от государственного и исторического образования, зовущегося Германией. Превыспренний, напичканный иноязычными заимствованиями, далекий от реальности слог, культивируемый идейными вождями студенческого движения, указывает на то же стремление: в данном случае разрушалось не что иное, как языковые мосты, связывающие с родной страной.

Воодушевление идеалом единой Европы, интернационализм и идентификация с теми собратьями по человечеству, которые пострадали не от немцев, а от «империализма», — все это было следствием негативного национального чувства. Так молодым людям в возрасте от 20 до 30 лет удалось внутренне расстаться с отечеством. Заняв безопасную, как им казалось, позицию в стороне от исторической вины Германии, они постарались разжигать немецкий национал-социализм, растворить его в глобальном, присущем всем странам «фашизме», с которым надо было бороться везде и всюду, и переменили свое отношение к убийству европейских евреев. Юные немецкие европейцы и интернационалисты, как заметил Кизингер, «бежали из собственной истории». Он назвал это бегство «странной иллюзией», свойственной не только бунтующим студентам, но именно у них проявившейся

в экстремальной форме³⁵⁸. В этом западные немцы были похожи на своих восточных соотечественников, которым государство указало путь избавления от чувства исторического краха и общей вины: вперед — в социалистический лагерь, и вверх — к международной солидарности.

Многое говорит, что это бегство от немецкого прошлого и регрессия к защитным идеологиям и историческим моделям были практически неизбежны. Не только (новые) левые пошли по этому ложному пути. Большинство немцев пытались так или иначе отделить себя от Гитлера и его режима, вытеснить их из сознания как нечто чуждое. Но поскольку в свое время многие — особенно молодые — немецкие граждане одобряли национал-социализм, тем самым объективно поддерживая преступную политику, прямая конфронтация с 50–65-летними сторонниками расовой войны в 1968 году была еще невозможна. Потому-то в 1967–68-м возникли — и почти десять лет не исчезали — новые формы вытеснения. Они появились в тот момент, когда прекратилось дружное замалчивание прошлого.

После 2 июня 1967 года многие студенты на месяцы, а то и на годы утратили душевное равновесие. Вместо того чтобы осознать собственную внутреннюю раздвоенность и проблемы морального возрождения Германии, они выбрали спасительный, как им казалось, путь последовательного отрицания. Они искали спасения в простоте — в уходе от реальности, насильственном дистанцировании, в непротиворечивой идеологической или изначально «альтернативной» самоориентации, тогда называвшейся «политической идентичностью». Многие сорвались в пропасть и разбились. Среди них были террористы из «Фракции Красной Армии» (РАФ) и других кружков, прибегавших к насилию. Тут в первую очередь следует вспомнить несчастных, которые утратили почву под ногами, впали в психическое расстройство, покончили с собой. Любой тогдашний активист знает о подобных судьбах бывших соратников.

Хельмут Коль считает, что это поколение нельзя оценивать «полностью негативно». В свое время в Майнце он живо возражал бунтарям и не смущался, когда его освистывали или

втягивали «в долгую публичную дискуссию» о его способностях. Коль отдает должное роли этого поколения в продвижении «ряда запоздавших перемен», которые «в противном случае могли произойти лишь через много лет». Он сам был студентом, совмещавшим учебу с работой, и хорошо знал, насколько «назревшей» была в то время реформа высшей школы. Дарендорф, при всем своем критическом отношении к студентам, также признает некоторые положительные следствия их восстания: ускорение модернизационных процессов, рост участия граждан в политической жизни и преодоление провинциализма, свойственного западногерманскому обществу³⁵⁹.

Безусловно, с замедлением реформ, которым были отмечены последние годы правления Аденауэра*, больше нельзя было мириться. Однако этот застой нельзя списывать, во всяком случае целиком, на характер и возраст первого послевоенного канцлера. После того как немцы, охваченные безумием, лихорадочно завоевывали другие государства, убивали, отчаянно перенапрягали силы, полностью разладили, наконец, экономику собственной страны и обрушили на нее спровоцированное ими самими насилие, те из них, кто уцелел и на Западе, и на Востоке, нуждались в безопасности. Предвыборный лозунг Аденауэра гласил: «Никаких экспериментов», обещая спокойствие, столь необходимое для народа Западной Германии. Власти ГДР обеспечивали спокойствие другими методами. Разделенная на две неравные части, морально выжженная страна, контролируемая оккупационными властями, на благо остальному миру замкнулась в себе.

Дух насилия, торжествовавший во время беспримерно кровавой войны, и после ее завершения продолжал воздействовать на оба немецких общества. В них накапливался немалый заряд агрессии. Отчасти он разряжался в инцидентах на границе между двумя системами, отчасти оказывал угнетающее воздействие на внутренний общественный климат. В ГДР с помощью государственной пропаганды и репрессивных мер,

* Конрад Аденауэр (1876—1967) занимал должность федерального канцлера с 1949 по 1963 г.

принятых властями, удавалось довольно эффективно направлять эти разрушительные силы вовне; в индивидуалистическом обществе ФРГ они, едва сдерживаемые, тяжело влияли на семьи, на отдельных людей, порождая повсеместно разлитую агрессивность. Таким образом, 1968 год вобрал в себя многократно отложенные, смещенные до неузнаваемости конфликты: его можно считать годом всеобщего потрясения, вынесшего эти конфликты на поверхность. Если согласиться с моим тезисом, то следует признать, что движение радикально настроенных студентов было лишь экстремальной, наиболее заметной составляющей переломного процесса, который в конечном счете привел к обновлению общества. Тот факт, что в студентах — из-за их возраста и социального положения, — в такой откровенной и неконтролируемой форме проявились симптомы общего кризиса, все же не свидетельствует о выдающихся реформаторских заслугах этого поколения. Источником поворота к политике реформ было не студенческое движение, а сформированное в 1969 году правительство Брандта-Шееля. Опираясь на предварительную работу, сделанную Большой коалицией 1966 года, это правительство переучредило Федеративную Республику заново, во второй раз. Третье изменение конституционного строя произошло в 1989 году, когда прекратила свое существование ГДР. Воссоединение также проходило бурно. Оно потребовало немалых сил и терпения. Лишь по прошествии переходного периода, оказавшегося неожиданно длительным, страна успешно ликвидировала и это последствие войны. Лишь сегодня, спустя шестьдесят лет с лишним, можно сказать, что тяжелый, долговременный ущерб, причиненный Германии нацистской истребительной войной, в целом удалось преодолеть.

Активисты 1968 года не были реформаторами. Они были одной из составляющих проблемы, которая возникла не по их вине и решить которую они были не в силах. Движимые иррациональными импульсами, они на протяжении нескольких лет максимально усугубляли кризис. Чтобы управлять выходящей из-под контроля ситуацией, подлинным реформаторам зачастую приходилось работать в крайне обескураживающих, рискованных условиях. Их тогдашние статьи и речи пережили свое время. Они внушают уважение. Читать эти сочинения

интересно и сейчас. А вот срок жизни книг, брошюр и газет поколения-68, наполненных высокопарной риторикой, оказался чрезвычайно коротким. Как и всю тоталитарную писанину XX века, сегодня эти тексты можно изучать лишь с научной точки зрения, как документы, свидетельствующие о бегстве от реальности, самонадеянности и эгоцентризме их авторов. Другой пользы от такого чтения не будет. Любой букинист только отмахнется, если предложить ему купить что-нибудь из этого бумажного хлама.

В 2006 году по инициативе левых консерваторов в Берлине был проведен местный референдум о переименовании восточной части улицы Коха (район Кройцберг) в улицу Руди Дучке. После референдума находящееся на этой улице издательство Шпрингера больше года препятствовало осуществлению воли граждан, утвердивших переименование. Тем временем соответствующие суды признали его законным, и теперь улица Руди Дучке образует перпендикуляр к улице Акселя Шпрингера.

Берлинцы мирно уживаются с этими именами, пришедшими из поздней фазы идеологического века. Им также не мешают ни дамба Гинденбурга, ни улица Дейчке, ни улица Карла Либкнехта. Да и с чего бы? Улицы почти никогда не получают названия в честь ангелоподобных исторических персонажей, — гораздо чаще эти названия говорят о политических маниях и заблуждениях предшествующих поколений. Кройцбергский перекресток, где сходятся улицы Дучке и Шпрингера, теперь напоминает о мышлении в категориях «друзья—враги», характерном для 1968 года и давно ушедшем в прошлое. Напоминает о временах взаимного непонимания, бесполезной грызни и мировоззренческой воинственности, которая сегодня так сильно пахнет нафталином.

Можно было бы убрать оба противоречащих друг другу названия улиц и в то же время почтить память одного из посредников в большом конфликте 1968 года, — человека, чьи старания в конечном счете увенчались успехом. По-моему, стоит переименовать улицы Дучке и Шпрингера в бульвар Рихарда Левенталья. Этот бульвар делал бы резкий поворот на 90 градусов, как биография Левенталья и жизненный

путь большинства участников движения 1968 года — впрочем, гораздо менее драматичный. От них в истории остался только памятный идейный крах, послуживший общему благу. Те представители поколения-68, кому посчастливилось пережить мятежные времена, реинтегрировались в западногерманское общество, которое обновлялось не в результате революционного рывка, свершившегося внутри благоденствующего государства, а непрерывно, на протяжении нескольких десятилетий.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ArchFUB:	Archiv der Freien Universität Berlin; Архив Свободного университета Берлина
APO:	Außerparlamentarische Opposition; внепарламентская оппозиция
AdsD:	Archiv der sozialen Demokratie, Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn; Архив социал-демократии, Фонд Фридриха Эберта, Бонн
AStA:	Allgemeiner Studentenausschuss; Генеральный студенческий комитет
AUSS:	Aktionszentrum unabhängiger und sozialistischer Schüler; Центр действий независимых и социалистических школьников
Barch:	Bundesarchiv; Федеральный архив Германии
BDM:	Bund Deutscher Mädchen; Союз немецких девушек
BfV:	Bundesamt für Verfassungsschutz; ФСЗК, Федеральная служба защиты конституции
BMI:	Bundesministerium des Inneren; МВД, Министерство внутренних дел ФРГ
FU, FUB:	Freie Universität Berlin; СУ, Свободный университет Берлина
GSO:	Grundsemesterorganisation; «Организация первого семестра»
IFAS:	Institut für angewandte Sozialwissenschaften; Институт прикладных социальных исследований
KBW:	Kommunistischer Bund Westdeutschland; Коммунистический союз ФРГ
KMK:	Kultusministerkonferenz der Länder; Постоянное совещание земельных министров культуры
N:	Nachlass; личный архив
NoFU:	Notgemeinschaft für eine freie Universität; Общество содействия свободе университетов
OSI:	Otto-Suhr-Institut der FUB; ИОЗ, институт Отто Зура Свободного университета Берлина

RCDS:	Ring Christlich-Demokratischer Studenten; Христианско-демократическое объединение студентов
SAKO:	Sozialistische Arbeitskollektive; СРК, «Социалистические рабочие коллективы»
SAZ:	Sozialistische Assistentenzelle; «Социалистическая ячейка ассистентов»
RPK:	Rote Presse Korrespondenz; Красные пресс-службы
SDS:	Sozialistischer Deutscher Studentenbund; CCHC, Социалистический союз немецких студентов
SHB:	Sozialdemokratischer Hochschulbund; Социал-демократический университетский союз
Sl:	Sammlung; собрание
VDS:	Verband Deutscher Studentenschaften; ОНКО, Объединение немецких студенческих обществ
ZSg:	Zeitgeschichtliche Sammlung; Собрание документов современной истории
ВФК:	Ведомство федерального канцлера; Bundeskanzleramt
КПГ:	Коммунистическая партия Германии (1948–1968)
МГБ ГДР,	
Штази:	Министерство государственной безопасности ГДР
НДПГ:	Национал-демократическая партия Германии
ОНП:	Объединение немецких профсоюзов
РАФ:	«Фракция Красной Армии»; RAF, Rote Armee Fraktion
СвДП:	Свободная демократическая партия Германии
СДПГ:	Социал-демократическая партия Германии
СЕПГ:	Социалистическая единая партия Германии
ХДС:	Христианско-демократический союз Германии
ХСС:	Христианско-социальный союз в Баварии

ЛИТЕРАТУРА

- Johannes Agnoli: Thesen zur Transformation der Demokratie und zur außerparlamentarischen Opposition, in: neue kritik 47/1968 (April), S. 24–33.
- Johannes Agnoli: Die Transformation der Demokratie und verwandte Schriften, hg. von Barbara Görres Agnoli, Hamburg 2004.
- René Ahlberg: Ursachen der Revolte. Analyse des studentischen Protests, Stuttgart 1972.
- Götz Aly: «Wofür wirst du eigentlich bezahlt?» Möglichkeiten praktischer Erzieherarbeit zwischen Ausflippen und Anpassen, Berlin 1977.
- Götz Aly, Susanne Heim: Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue Ordnung, Hamburg 1991.
- Günther Amendt: China. Der deutschen Presse Märchenland, Berlin 1968.
- Karin Bauer (= Antje Vollmer): Clara Zetkin und die proletarische Frauenbewegung, Berlin 1978, 21984.
- Bedingungen und Organisation des Widerstandes. Der Kongress in Hannover. Protokolle, Flugblätter, Resolutionen mit Beiträgen von Helmut Gollwitzer, Erich Kuby, Ulrich K. Preuß, Horst Mahler, Wolfgang Abendroth, Jürgen Habermas, Wolfgang Lefèvre, Rudi Dutschke u. a., Berlin 1967.
- Uwe Bergmann, Rudi Dutschke, Wolfgang Lefèvre, Bernd Rabehl: Rebellion der Studenten oder Die neue Opposition. Eine Analyse, Reinbek 1968. Max Biehl: Die chinesische Volkskommune im «Großen Sprung» und danach, Hamburg 1965.
- Hans Peter Bleuel, Ernst Klinnert: Deutsche Studenten auf dem Weg ins Dritte Reich. Ideologien, Programme, Aktionen 1918–1935, Gütersloh 1967.
- Horst-Pierre Bothien: Protest und Provokation. Bonner Studenten 1967/1968, Essen 2007.
- Willy Brandt: Berliner Ausgabe, hg. von Helga Grebing, Gregor Schöllgen, Heinrich August Winkler, Bd. 4: Auf dem Weg nach vorn. Willy Brandt und die SPD 1947–1972, bearb. von Daniela Munkel, Berlin 2000, Bd. 7: Mehr Demokratie wagen. Innen- und Gesellschaftspo-

- litik 1966–1974, bearb. von Wolther von Kieseritzky, Berlin 2001.
- Hille Jan Breitenicher, Rolf Mauff, Manfred Triebe, Autorenkollektiv Lankwitz: Kinderläden. Revolution der Erziehung oder Erziehung der Revolution? Reinbek 1971.
- Heinz Bude: Das Altern einer Generation. Die Jahrgänge 1938 bis 1948, Frankfurt a. M. 1995.
- Heinz Bude: Deutsche Karrieren. Lebenskonstruktionen sozialer Aufsteiger aus der Flakhelfer-Generation, Frankfurt a. M. 1987.
- Bundessvorstand des SDS (Hg.): Fernsehrede des Kommandanten Fidel Castro, um die Ereignisse in der CSSR zu analysieren, eingel. von Bernd Rabehl, Berlin 1968.
- Stokely Carmichael: Die Dritte Welt, unsere Welt. Thesen zur Schwarzen Revolution, Berlin 1969.
- Jung Chang: Wilde Schwäne. Die Geschichte einer Familie. Drei Frauen in China von der Kaiserzeit bis heute, München 1991.
- Jung Chang, Jon Halliday: Mao. Das Leben eines Mannes, das Schicksal eines Volkes, München 2005.
- Ulrich Chaussy: Die drei Leben des Rudi Dutschke. Eine Biographie, Darmstadt 1983.
- Daniel Cohn-Bendit, Rüdiger Dammann (Hg.): 1968. Die Revolte, Frankfurt a. M. 2007.
- Ralf Dahrendorf: Über Grenzen. Lebenserinnerungen, München 2002.
- Ralf Dahrendorf: Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung, München 2006.
- Friedrich Christian Delius: Vier Gedichte, in: Kursbuch 15 (Nov. 1968), S. 144–147.
- Jürgen Domes: Kulturrevolution und Armee. Die Rolle der Streitkräfte in der chinesischen «Kulturrevolution», Bonn 1967.
- Jürgen Domes: Die Ära Mao Tse-tung. Innenpolitik in der Volksrepublik China, Stuttgart 1971.
- Jürgen Domes: Von der Volkskommune zur Krise in China, Bonn 1964.
- Rudi Dutschke: Mein Langer Marsch. Reden, Schriften und Tagebücher aus zwanzig Jahren, hg. von Gretchen Dutschke-Klotz, Helmut Gollwitzer und Jürgen Miermeister, Reinbek 1980.
- Rudi Dutschke: Jeder hat sein Leben ganz zu leben. Die Tagebücher 1963–1979, Köln 2003.

Rudi Dutschke: Die Widersprüche des Spätkapitalismus, in: Bergmann u. a., Rebellion, S. 33–93.

Hans Magnus Enzensberger: Ein Gespräch über die Zukunft mit Rudi Dutschke, Bernd Rabehl und Christian Semler, in: Ders. (Hg.), Kursbuch 14 (Aug. 1968), S. 146–174.

Frantz Fanon: Die Verdammten dieser Erde. Mit einem Vorwort von Jean-Paul Sartre, Frankfurt a. M. 1966.

Joachim Fest: Begegnungen. Über nahe und ferne Freunde, Reinbek 2004.

Tilman Fichter, Siegward Lönnendonker: Kleine Geschichte des SDS. Der Sozialistische Deutsche Studentenbund von 1946 bis zur Selbstauflösung, Berlin 1977.

Joschka [Fischer]: Durchs wilde Kurdistan, in: Pflasterstrand, Nr. 47 (Febr. 1979), S. 28–31.

Ernst Fraenkel: Ursprung und politische Bedeutung der Parlamentsverdrossenheit, in: Integritas. Geistige Wandlung und menschliche Wirklichkeit,

hg. von Dieter Stolte und Richard Wisser, Tübingen 1966, S. 244–255.

Freie Universität Berlin 1948–1973. Hochschule im Umbruch, Teil I–III 1945–1964, Teil III: Auf dem Weg in den Dissens (1957–1964), ausgewählt und dokumentiert von Siegward Lönnendonker und Tilman Fichter unter Mitarbeit von Claus Rietzschel, Berlin 1978.

Freie Universität Berlin 1948–1973. Hochschule im Umbruch, Teil V: 1967–1969: Gewalt und Gegengewalt (1967–1969), ausgewählt und dokumentiert von Siegward Lönnendonker, Tilman Fichter und Jochen Staadt unter Mitarbeit von Klaus Schroeder, Berlin 1983.

Philipp Gassert: Kurt Georg Kiesinger 1904–1988. Kanzler zwischen den Zeiten, München 2006.

Christian Gerlach, Götz Aly: Das letzte Kapitel. Realpolitik, Ideologie und der Mord an den ungarischen Juden, Stuttgart 2002.

Ingrid Gilcher-Holtey: Die 68er Bewegung. Deutschland, Westeuropa, USA, München 2001.

Ingrid Gilcher-Holtey: «Die Phantasie an die Macht». Mai 1968 in Frankreich, Frankfurt a. M. 1995.

- Manfred Görtemaker: Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart, Frankfurt a. M. 1999.
- Heinz Grassel: Jugend, Sexualität, Erziehung. Zur psychologischen Problematik der Geschlechtererziehung, Berlin 1967.
- Michael Grüttner: Studenten im Dritten Reich, Paderborn 1995.
- Manfred Hättich: Demokratie und Demokratismus – zum Demokratieverständnis der «Neuen Linken», in: Scheuch (Hg.), Wiedertäufer, S. 124–135.
- Irmela Hannover, Cordt Schnibben: I can't get no. Ein paar 68er treffen sich wieder und rechnen ab, Köln 2007.
- Dorothea Hauser: Deutschland, Italien, Japan. Die ehemaligen Achsenmächte und der Terrorismus der 1970er Jahre, in: Die RAF und der linke Terrorismus, 2 Bde., hg. von Wolfgang Kraushaar, Hamburg 2006, S. 1272–1298.
- Dorothea Hauser: Im Land der Erinnerungsweltmeister. Der Deutsche Herbst revisited, Nachwort zur Neuausgabe, in: Dies.: Baader und Herold. Beschreibung eines Kampfes, Reinbek 2007 [Originalausgabe 1997], S. 233–241.
- Wilhelm Hennis: Die deutsche Unruhe. Studien zur Hochschulpolitik, Hamburg 1969.
- Wilhelm Hennis: Die hochschulpolitischen Forderungen der «Neuen Linken», in: Scheuch (Hg.), Wiedertäufer, S. 136–145.
- Ulrich Herbert: «Generation der Sachlichkeit». Die völkische Studentebewegung der frühen zwanziger Jahre, in: Ders., Arbeit, Volkstum, Weltanschauung. Über Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert, Frankfurt a. M. 1995, S. 31–58.
- Ulrich Herbert (Hg.): Wandlungsprozesse in Westdeutschland. Belastung, Integration, Liberalisierung 1945–1980, Göttingen 2002.
- Dagmar Herzog: Die Politisierung der Lust. Sexualität in der deutschen Geschichte des zwanzigsten Jahrhunderts, München 2005.
- Raul Hilberg: Unerbetene Erinnerung. Der Weg eines Holocaust-Forschers, Frankfurt a. M. 1994.
- Max Horkheimer: Gesammelte Schriften, Bd. 18: Briefwechsel 1949–1973, hg. von Gunzelin Schmid-Noerr, Frankfurt a. M. 1996.
- Christian Jansen: Der «Fall Gumbel» und die Heidelberger Universität 1924–1932, Heidelberg 1981 (Selbstverlag).

- Willi Jasper, Karl Schlögel, Bernd Ziesemer: Partei kaputt. Das Scheitern der KPD und die Krise der Linken, Berlin 1981.
- Rainer Jogschies: Make love not war! Die entspannten Siebziger, Frankfurt a. M. 1992.
- Uwe Johnson: Jahrestage. Aus dem Leben von Gesine Cresspahl, 4 Bde., Frankfurt a. M. 1983.
- Hubertus Knabe: Die unterwanderte Republik. Stasi im Westen, Berlin 1999.
- Gerd Koenen: Das rote Jahrzehnt. Unsere kleine deutsche Kulturrevolution 1967–1977, Köln 2001.
- Gerd Koenen: Vesper, Ensslin, Baader. Urszenen des deutschen Terrorismus, Köln 2003.
- Helmut Kohl: Erinnerungen. 1930–1982, München 2004.
- Kommune 2. Versuch der Revolutionierung des bürgerlichen Individuums. Kollektives Leben mit politischer Arbeit verbinden! Berlin 1969.
- Wolfgang Kraushaar: Agnoli, die APO und der konstitutive Illiberalismus seiner Parlamentarismuskritik, in: Zeitschrift für Parlamentsfragen 1/2007, S. 160–179.
- Wolfgang Kraushaar: Die Bombe im Jüdischen Gemeindehaus. Hamburg 2005.
- Wolfgang Kraushaar: Frankfurter Schule und Studentenbewegung. Von der Flaschenpost zum Molotowcocktail 1946–1995, 3 Bde., Hamburg 1998.
- Wolfgang Kraushaar: 1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur, Hamburg 2000.
- Anita Kugler: Raubdrucke. Die freie Liebe bitte neben die Kasse, in: Landgrebe, Plath (Hg.), '68 und die Folgen, S. 103–107.
- Hansmartin Kuhn: Nachwort zu Mao Tse-tung, Über Praxis und Widerspruch (= Rotbuch 5), Berlin 1968, S. 74–94.
- Helmut Kuhn, Joseph Pascher, Hans Maier, Wolfgang Kunkel, Otto B. Roegele, Fritz Leist, Friedrich G. Friedmann, Eric Voeglin: Die deutsche Universität im Dritten Reich. Eine Vortragsreihe der Universität München, München 1966.
- Helmut Kuhn: Rebellion gegen die Freiheit. Über das Generationsproblem und die Jugendunruhen unserer Zeit, Stuttgart 1968.
- Helmut Kuhn: Jugend im Aufbruch. Zur revolutionären Bewegung unserer Zeit, München 1970.

Helmut Kuhn: Zehn Thesen zur Studentenbewegung in der Bundesrepublik, in: Hochland, 60 (1968), S. 369–374.

Dieter Kunzelmann: Leisten Sie keinen Widerstand! Bilder aus meinem Leben, Berlin 1998.

Christiane Landgrebe, Jörg Plath (Hg.): '68 und die Folgen. Ein unvollständiges Lexikon, Berlin 1998.

Fritz Leonhardt: Studentenunruhen, Ursachen, Reformen. Ein Plädoyer für die Jugend, Stuttgart 1968.

Li Zhensheng: Roter Nachrichtensoldat. Ein chinesischer Fotograf in den Wirren der Kulturrevolution, mit einem Vorwort von Jonathan D. Spence, hg. von Robert Pledge, Berlin 2003.

Die Linke antwortet Jürgen Habermas. Mit Beiträgen von Wolfgang Abendroth, Peter Brückner, Furio Cerutti, Klaus Dörner, Jürgen Habermas, Ekkehart Krippendorff, Herbert Lederer, Wolfgang Lefèvre, Klaus Meschkat, Oskar Negt, Arnhelm Neusüss, Claus Offe, Reimut Reiche, Claus Rolshausen, Helmut Schauer und Frank Wolff, Frankfurt a. M. 1968.

Siegward Lönnendonker, Bernd Rabehl, Jochen Staadt: Die antiautoritäre Revolte. Der Sozialistische Deutsche Studentenbund nach der Trennung von der SPD, Bd. 1: 1960–1967, Wiesbaden 2002.

Richard Löwenthal: Der romantische Rückfall, Stuttgart 1970.

Richard Löwenthal: Gesellschaftswandel und Kulturkrise. Zukunftsprobleme der westlichen Demokratien, Frankfurt a. M. 1979.

Richard Löwenthal: Studenten und demokratische Öffentlichkeit, hg. von der Landeszentrale für politische Bildungsarbeit Berlin, Berlin 1967 (Sonderdruck, 8 Seiten).

Richard Löwenthal: Zum politischen Engagement der Studenten, in: actio, 3 (1967), Heft 4/5, S. 5–9.

Ulrich Lohmar: Die «Neue Linke» und die Institutionen der Demokratie, in: Scheuch (Hg.), Wiedertäufer, S. 13–28.

Niklas Luhmann: Universität als Milieu, Bielefeld 1992.

Ulrike Meinhof: Letzte Texte von Ulrike, o. O., o. J. [Hg.: Internationales Komitee zur Verteidigung politischer Gefangener in Westeuropa, Stuttgart 1976].

Jürgen Miermeister, Jochen Staadt (Hg.): Provokationen. Die Studenten- und Jugendrevolte in ihren Flugblättern 1965–1971, Darmstadt 1980.

Peter Mosler: Was wir wollten, was wir wurden. Studentenrevolte. Zehn Jahre danach, mit einer Chronologie von Wolfgang Kraushaar, Reinbek 1977.

Alfred Neven DuMont (Hg.): Jahrgang 1926/27. Erinnerungen an die Jahre unter dem Hakenkreuz, Köln 2007.

Walter Orscekowski: Die Rechtfertigungsgründe im Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin 1956.

Steve B. Peinemann: Wohngemeinschaft. Problem oder Lösung? Eschborn 61977.

Joseph Ratzinger: Aus meinem Leben. Erinnerungen 1927–1977, München 1997.

Gerhard A. Ritter: «Direkte Demokratie» und Rätewesen in Geschichte und Theorie, in: Scheuch (Hg.), Wiedertäufer, S. 215–229.

Bettina Röhl: So macht Kommunismus Spaß! Ulrike Meinhof, Klaus Rainer Röhl und die Akte konkret, Hamburg 2006.

Adalbert Rückerl: NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung, Heidelberg 21984.

Michael Ruetz: «Ihr müßt diesen Typen nur ins Gesicht sehen». APO Berlin 1966–1969, Frankfurt a. M. 1980.

Rüdiger Safranski: Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit, München 1994.

Rüdiger Safranski: Romantik. Eine deutsche Affäre, München 2007.

Gaston Salvatore, Rudi Dutschke: Einleitung zu Che Guevara, Schaffen wir zwei, drei, viele Vietnam. Brief an das Exekutivsekretariat von OSPAAL [= Organisation der Solidarität der Völker Afrikas, Asiens und Lateinamerikas], Berlin 1967.

Bettina Schäfer: Kein ›richtiges‹ junges Mädchen, in: Unbekannte Wesen. Frauen in den sechziger Jahren, hg. von Baerbel Becker, Berlin 1987, S. 45–52.

Helmut Schelsky: Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend, Düsseldorf 1957.

Dieter Schenk: Hans Frank. Hitlers Kronjurist und Generalgouverneur, Frankfurt a. M. 2006.

- Ute Scheub: Das falsche Leben. Eine Vatersuche, München 2006.
- Erwin K. Scheuch: Das Gesellschaftsbild der «Neuen Linken», in: Ders. (Hg.), Wiedertäufer, S. 104–149.
- Erwin K. Scheuch: Soziologische Aspekte der Unruhe unter den Studenten, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament vom 4. 9. 1968, S. 3–25.
- Erwin K. Scheuch (Hg.): Die Wiedertäufer der Wohlstandsgesellschaft. Eine kritische Untersuchung der «Neuen Linken» und ihrer Dogmen, Köln 1968, 2. erw. und im Seitenablauf veränderte Ausg. 1969. [Zitiert wird nach der 2. Ausg.]
- Joachim Schickel: Dialektik in China. Mao Tse-tung und die Große Kulturrevolution, in: Kursbuch 9 (Juni 1967), S. 45–129.
- Joachim Schickel: Dossier: China. Kultur, Revolution, Literatur, in: Kursbuch 15 (Nov. 1968), S. 38–59.
- Axel Schildt, Detlef Siegfried, Karl Christian Lammers (Hg.): Dynamische Zeiten. Die 60er Jahre in den beiden deutschen Gesellschaften, Hamburg 2000.
- Thomas Schmid: Berlin. Der kapitale Irrtum, Frankfurt a. M. 1991.
- Thomas Schmid: Facing Reality. Organisation kaputt, in: Autonomie. Materialien gegen die Fabrikgesellschaft, 10/1975, S. 16–35.
- Thomas Schmid: Staatsbegräbnis. Von ziviler Gesellschaft, Berlin 1990.
- Wolfgang Schmidbauer: Die Gegenwart der Vergangenheit. Wunden der «deutschen Schuld», in: Daniel Cohn-Bendit, Rüdiger Dammann (Hg.), 1968. Die Revolte, Frankfurt a. M. 2007, S. 161–183.
- Peter Schneider: Ansprachen. Reden, Notizen, Gedichte, Berlin 1970.
- Peter Schneider: Lenz. Eine Erzählung, Berlin 1973.
- Peter Schneider: Phantasie und Kulturrevolution, in: Kursbuch 16 (März 1969), S. 1–37.
- Peter Schneider: Vom Ende der Gewissheit, Berlin 1994.
- Alexander Schwan: Die politische Philosophie im Denken Martin Heideggers, 1. Aufl., Opladen 1965, 2., um einen «Nachtrag 1988» erw. Aufl. 1989.
- Claudia Seifert: Wenn du lächelst, bist du schöner! Kindheit in den 50er und 60er Jahren, München 2004.
- Christian Semler: Wiedergänger. Versuch über das Nachleben der K-Gruppen-Motive, in: Landgrebe, Plath (Hg.), '68 und die Folgen, S. 133–137.
- Rolf A. Serwe: Die retrograde Entwicklung der «gewöhnheitsrechtlichen» Züchtigungsbefugnis des Lehrers. Ausgangspunkte und Grundlagen

- eines Wandlungsprozesses. Zugleich ein kritischer Beitrag zur herrschenden höchst- und obergerichtlichen Rechtsprechung, Jur. Fak. Diss., Bochum 1977.
- Detlef Siegfried: *Time is on my Side. Konsum und Politik in der west-deutschen Jugendkultur der 60er Jahre*, Göttingen 2006.
- Anne Siemens: *Für die RAF war er das System, für mich war er Vater. Die andere Geschichte des deutschen Terrorismus*, München 2007.
- Kurt Sontheimer: *Die gescheiterte Revolution. Zwischen Naivität und Gewaltbereitschaft*, in: *Die politische Meinung*, Nr. 378 (Mai 2001), S. 11–15.
- Reni v. Tent: *Der Antijurist. Plädoyer für eine gerechte Güterverteilung mit der Brechstange* [Berlin 1969].
- Bernward Vesper: *Die Reise. Romanessay*, Reinbek 1983.
- Antje Vollmer im Gespräch mit Hans Werner Kilz: *Eingewandert ins eigene Land. Was von Rot-Grün bleibt*, München 2006.
- Antje Vollmer, siehe Karin Bauer.
- Peter Wapnewski: *Mit dem anderen Auge. Erinnerungen*, Bd. 1: 1922–1959, Berlin 2005, Bd. 2: 1959–2000, Berlin 2006.
- Rudolf Wildenmann, Max Kaase: *Die unruhige Generation. Eine Untersuchung zu Politik und Demokratie in der Bundesrepublik*, Universität Mannheim 1968 (als Manuskript vervielfältigt).
- Wir warn die stärkste der Parteien. Erfahrungsberichte aus der Welt der K-Gruppen*, Berlin 1977 [mit verfasst von Jochen Staadt u. a.].
- Frank Wolff, Eberhard Windaus (Hg.): *Studentenbewegung 1967–69*, Frankfurt a. M. 1977.

КОММЕНТАРИИ

- 1 Например, это делает Йошка Фишер в интервью газете Tages-
spiegel от 30 декабря 2007 г., озаглавленном: «Будем тверды: во
всем виновато поколение-68». Поддерживает легенду и Вольф-
ганг Краусхаар, заполняя свои хроники 1968 г. в основном сви-
детельствами самих бунтарей и не проявляя интереса к тогдаш-
ней позиции таких деятелей, как Курт Георг Кизингер, Ральф
Дарендорф или Эрнст Бенда.
- 2 Wolfgang Eßbach, «1968» — Aufstand der Werte? Beitrag zur Tagung
Vergesellschaftung der Werte: Wertedebatten in Deutschland seit
1945. Systematische und historische Aspekte, veranstaltet vom Mit-
teleuropazentrum der TU Dresden vom 4. bis 7.5.2006, Online-Pibli-
kation.
- 3 Hannah Arendt, Hans-Jürgen Benedict, Briefwechsel, in: Mittelweg
36, 17/1, 2008, S. 2–8.
- 4 Магнитофонная запись берлинской конференции 6–7 декабря
1969 г., посвященной вопросам стратегии: BArch, Ton 1394/1-10
(ZSl 153, Sammlung Wolfgang Schwiedrzik).
- 5 Schneider, Revolution und Wahn, S. 334f.
- 6 Sibylle Lewitscharoff, So superverfolgt und supergeheim.
Schwatz-schwatz, meistens ernst, selten witzig: Wie es um 1970 wirk-
lich war, in: Süddeutsche Zeitung vom 10.1.2009.
- 7 Peter Furth, Die Revolte hat eine Wächtergeneration hinterlassen, in:
Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 6.8.2008.
- 8 Reimut Reiche, Sexuelle Revolution. Erinnerung an einen Mythos,
in: Die Früchte der Revolte. Über die Veränderung der politischen
Kultur durch die Studentenbewegung, Berlin 1988 (Wagenbach
Verlag), S. 45–72, здесь использованы: S. 47, 60–69. Anna Freud,
Sophie Dann: Gemeinschaftsleben im frühen Kindesalter. Bericht
über 6 Kinder aus dem KZ Theresienstadt, in: Kinder im Kollektiv
(= Anleitung für eine revolutionäre Erziehung, Nr. 5), hrsg. vom
Zentralrat der sozialistischen Kinderläden, 2. Aufl., Berlin 1969,
S. 33–75, Diskussion des Textes: S. 77–92, я цитирую: S. 84f.
- 9 Schneider, Rebellion und Wahn, S. 90 f. Другие достойные вни-
мания высказывания о тяжелом воздействии эпохи нацио-
нал-социализма на личную совесть граждан и о защите от этого

воздействия с помощью протеста, записанные Шнайдером, можно найти на страницах 20, 73, 121, 145, 182–192, 200 f., 247, 259. См. также более позднее замечание Дучке, приведенное ниже в главке «Бегство от нацистского прошлого» этой книги, а также — по теме в целом — в главках «1968-й: год процессов над нацистскими палачами» и «Публичное обсуждение и домашнее замалчивание».

- 10 Беседа Доротеи Хаузер с Рейнхардом Штрекером об акции ССНС «Безнаказанность нацистской системы правосудия» («Ungesühnte Nazijustiz») в: *Ästhetik & Kommunikation*, Heft 140/141, 39. Jg., 2008 (Hefttitel: Die Revolte. Themen und Motive der Studentenbewegung), S. 147–154.
- 11 Известная речь Вилли Брандта «Германия, Израиль и евреи», произнесенная 19 марта 1961 г. в Институте Герцля в Нью-Йорке.
- 12 Odo Marquard, Verweigerung der Bürgerlichkeitsverweigerung. 1945: Bemerkungen eines Philosophen, in: ders., *Individuum und Gewaltenteilung. Philosophische Studien*, Stuttgart 2004, S. 23–27.
- 13 Это родство усматривал, например, Герхард А. Риттер: Gerhard A. Ritter, «Direkte Demokratie», S. 232.
- 14 Hauser, Deutschland, Italien, Japan. Таковую же точку зрения высказал в 1969 г. и функционер ССНС Раймут Райхе. «Бунту в Беркли (США), по сути не носившему политического характера», он противопоставил «в высокой степени политизированные» протестные выступления в Германии. Цит. по: Wolff, Windaus, *Studentenbewegung*, S. 12.
- 15 Fest, *Begegnungen*, S. 250.
- 16 Телепередача «Итоги года» канала ARD: ARD-Jahresrückblick, Fernsehsendung, 29. 12. 1967; Barch, B106/103578, *Sendemanuskript*, S. 51.
- 17 О сохранившихся осколках сообщества бунтарей Западного Берлина см. статью Сабины Фогель, во многом опирающуюся на личный опыт: Sabine Vogel, *Sirenen in der Nacht. Zwanzig Jahre Hönkel: Die 750-Jahrfeier West-Berlins und der 1. Mai 1987* (Zwischenüberschriften: Arbeitsbeschaffungsmaßnahme, Von Subversion zu Subvention, Ästhetik und Kommunikation), in: *Berliner Zeitung* vom 1. 5. 2007.
- 18 Karin Bauer (= Antje Vollmer), *Zetkin*, S. 163, 177.
- 19 Дискуссия «зеленых» политиков Антье Фольмер и Отто Шили о терроре и насилии: *Der Spiegel*, 13/1985; Klaus Hartung, Schily und der Staat als solcher, in: *Die Tageszeitung* vom 26. 3. 1985.

- 20 Vollmer, Eingewandert, S. 23, 138–143.
- 21 Schmid, Berlin, S. 150.
- 22 Schmid, Staatsbegräbnis, S. 21 f.
- 23 Ebd., S. 24.
- 24 Schmid, Facing, S. 18, 22, 27 f. О его нынешнем работодателе там говорится: «Стрелял не Бахман, а Шпрингер, — это первое политическое убийство (точней, попытка такового), совершенное капиталистическим государством; разрушению гласности, чувства общности, искренности, которого добиваются государство/Шпрингер, мы противопоставляем нашу гласность, наше чувство общности: Шпрингера недостаточно обвинить, нужно помешать ему заливать мозги грязью!»
- 25 Примерами могут служить работы Вольфганга Краусахаара, Тильмана Фихтера, Зигварда Леннендонкера, Йохена Штаадта и Ингрид Гильхер-Хольтай.
- 26 Частное сообщение Конрада Бемера автору (14 июля 2007 г.).
- 27 Сборник статей и речей под названием «Быть антифашистом сегодня — значит укреплять единый фронт борьбы против империалистических сверхдержав!», посвященный мероприятию, проведенному в 1975 г. в Западном Берлине маоистско-сталинистской КПГ в связи с тридцатой годовщиной освобождения от фашизма; опубликован издательством КПГ Rote Fahne. Этот сборник содержит тексты двух главных докладчиков — Кристиана Землера и Вольфганга Швиджика. См.: Heute Antifaschist sein heißt, die Einheitsfront gegen die imperialistischen Supermächte stärken! Reden und Beiträge von der Großveranstaltung der KPD in der «Neuen Welt», Westberlin, anlässlich des 30. Jahrestages der Befreiung vom Faschismus am 8. Mai 1945, Berlin 1975.
- 28 В сравнении со скандальной публичной известностью и влиянием на интеллектуальный климат Германии, приобретенными бывшими профессиональными революционерами впоследствии, реальное влияние маоистских К-групп в 1970-е годы оставалось смехотворно малым. Согласно квартальному отчету ФСЗК, на выборах в бундестаг 1976 г. КПГ получила 22 801, а Коммунистический союз Германии — 19 970 «вторых голосов», что в общей сложности составило 0,2%. BfV, Vierteljährliche Informationen, 4/1976; Barch, B 443/547.
- 29 Röhl, So macht Kommunismus Spaß, S. 615; см. также, например: Kraushaar, Bombe, S. 291 f.

- 30 Biographiengruppe, März 2000; ArchFUB, APO, SI Heide Berndt, Ordner 46.
- 31 Joschka [Fischer], Durchs wilde Kurdistan.
- 32 Löwenthal, Gesellschaftswandel, S. 25.
- 33 BfV, Informationen, 1–6/1967; Barch, B 443/543.
- 34 Рихард Левенталь, запись, посвященная телепередаче «2 июня. Выстрел, изменивший республику» компании Norddeutsche rundfunk от 1 июня 1987. См.: AdsD, N Löwenthal, ungeordneter Teil, Schachtel VI.
- 35 Досье Ханса-Ульриха Вернера; Barch, Dok/P/3190.
- 36 Досье Эриха Дюензинга; Barch, Dok/P/10834.
- 37 Oskar Negt, Politik und Gewalt, in: neue kritik, Heft 47/April 1968, S. 10–23; здесь цитирую: S. 11.
- 38 BfV, Informationen, 5/1967; Barch, B 443/543.
- 39 Цит. по: Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 1, S. 251–253.
- 40 BMI, Abteilungsleiter III (Hagelberg) an Unterabteilungsleiter VIA, 8. 6. 1967; Barch, B 106/33945.
- 41 Записано в ведомстве федерального канцлера, июль 1968 г.; Barch, B 136/3029.
- 42 Приглашительное письмо из МВД на имя Эрнста от 19 февраля 1967 г.; дискуссионный документ от 22 июня 1967 г.; Barch, B 106/33945.
- 43 Dutschke, Tagebücher, S. 52.
- 44 Bundeskanzleramt, Referat I/3 (Grundschoßtel) an den Herrn Staatssekretär; Barch, B 136/3034). В служебной записке сказано: «21 июня 1967 года в Берлине правительство постановило сформировать рабочую группу для расследования подоплеки и причин студенческих волнений. [...] Прилагаемым документом федеральный министр д-р Хек приглашает вас на первое заседание этой группы, которое состоится во вторник, 28 мая 1968 года, в 10:30».
- 45 То же мнение разделяет Грассерт: Grassert, Kiesinger, S. 621.
- 46 Протокол совместного рабочего заседания штаба планирования ВФК и научного экспертного совета 5–6 апреля 1968 г.; Barch, B 136/3028; похожие формулировки можно найти в: Grassert, Kiesinger, S. 624, 628.
- 47 ВФК, рабочая группа «Молодое поколение», Предварительное расследование и уголовное судопроизводство в отношении

- «хулиганов», приложение 2: оккупация здания бундестага 31 марта 1968 г., 2 июля 1968 г.; Barch, В 136/13316. Ранее рабочая группа «Молодое поколение» называлась «Особый штаб: студенческие волнения», а затем «Рабочая группа I (Грундшеттель), так как статс-секретарь Карстенс «хотел, чтобы название было строго нейтральным». Штаб планирования (Шерф) — начальнику отдела Крюгеру, 19 июля 1968 г.; там же.
- 48 МВД, обсуждение исследования «Волнения молодежи», 20 декабря 1968 г.; Barch, В 106/635840; ВФК, штаб планирования, служебная записка о волнениях среди немецких студентов (Шерф), 24 апреля 1968 г.; Barch, В 136/13316.
- 49 Peter Hohmann, Reinhard Kahl, Wie die Partisanen, in: konkret, 4/1969; Oskar Negt, Politik und Gewalt, in: neue kritik, Heft 47/ Apr. 1968, S. 10–23, здесь цитируется: S. 13.
- 50 ВФК, реферат Z 5, краткий протокол (Ханге); Barch, В 136/3028.
- 51 ВФК, служебная записка (Карстенс), Студенческие волнения и молодые хулиганы, 7 февраля 1968 г.; Barch, В 136/13316.
- 52 Премьер-министр Хельмут Коль — федеральному канцлеру Курту Георгу Кизингеру, 7 июля 1969 г.; Barch, В 106/63587.
- 53 ВФК, служебная записка (Карстенс) от 29 ноября 1967 г. о беседе с Карло Шмидом; ВФК, реферат I/2 (фон Кёстер), служебная записка от 7 февраля 1968 г. о высказываниях Хельмута Шмидта на обсуждении коалиции; Barch, В 136/3027; Брандт — Шютцу, 16 апреля 1968 г., цит. по: Brandt, Berliner Ausgabe, Bd. 4, S. 408.
- 54 BfV, Informationen, 6/1967; Barch, В 443/543.
- 55 BfV, Informationen, 1/1969; Barch В 443/569.
- 56 BfV, Informationen, 6/1967; Barch, В 443/543; почти то же, с выразительными подробностями, см.: Kunzelmann, Widerstand, S. 54 ff.
- 57 ФСЗК — МВД (министерский советник Рудольф Кёниг), 8 мая 1968 г., с прилагаемой экспертизой Альберга; Barch, В 106/33945.
- 58 Уже 15 мая 1968 г. доклад, составленный для ФСЗК, был опубликован в приложении к журналу Das Parlament: Рене Альберг, Политическая концепция Социалистического союза немецких студентов.
- 59 Слова, сказанные Ульрикой Майнхоф Иоахиму Фесту в конце лета 1967 г.; Fest, Begegnungen. S. 262 f.
- 60 Ruetz, APO Berlin, S. 12 f.
- 61 Enzensberger, Gespräch über die Zukunft, S. 166.

- 62 Левенталь — Голо Манну, 18 октября 1971 г.; AdsD, N Löwenthal/16; Löwenthal, Eine Wende im deutschen Geschichtsbewußtsein? (Manuskript), 2. 7. 1986; ebd., ungeordneter Teil, Schachtel VI.
- 63 Luhmann, Universität, S. 149.
- 64 Agnoli, Thesen zur Transformation, S. 30.
- 65 Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 1, S. 441—444.
- 66 Aly, Wofür wirst du eigentlich bezahlt, S. 123—127.
- 67 Schwan, Politische Philosophie, S. 144 f.; Löwenthal, Romantischer Rückfall; Safranski, Ein Meister, S. 385—392.
- 68 Enzensberger, Gespräch über die Zukunft, S. 146 f. Критику этого «разговора о будущем» см. в: Scheuch, Gesellschaftsbild, S. 132—134. Именно там появляется понятие «мнимой теплоты стойла».
- 69 Enzensberger, Gespräch über die Zukunft, S. 155.
- 70 Kuhn, Zehn Thesen, S. 371.
- 71 Breiteneicher u. a., Kinderläden, S. 24.
- 72 Цит. по передаче «Итоги года» телерадиокомпании ARD («ARD-Jahresrückblick») от 29 декабря 1967 г.; Barch, B 106/103578, Sendemanuskript, S. 60—62; Lönnendonker u. a., Antiautoritäre Revolte, S. 368 f.
- 73 Алленсбахский институт изучения общественного мнения, опрос «Студенты и политика, лето 1967 года», проведенный 17—26 июля 1967 г.; Barch, B 136/3034/3031. Точное соотношение между учащимися мужского и женского пола составляло тогда 76 : 24%; в Западном Берлине в 1968 г. — 78 : 22% (исследование Института прикладных социальных исследований (IFAS, Institut für angewandte Sozialfragen), посвященное берлинским студентам, август 1968 г.).
- 74 До 1969 г. это издание считалось воплощением революционного духа времени и осенью 1969 г. достигло тиража в 225 000 экземпляров. Согласно опросу читателей, konkret читали свыше 610 000 человек: из них 65% с полным школьным образованием и более 50% в возрасте от 20 до 29 лет. Данные опубликованы самим журналом. См.: konkret, 24/1969.
- 75 Reimut Reiche, Antwort an Habermas. Zur Verteidigung der «neuen Sensibilität», in: konkret, 12/1968.
- 76 Цит. по: Miermeister, Stadt (Hg.), Provokationen, S. 223 f.
- 77 В этой поездке участвовали несколько сотен поклонников Кубы из разных стран, отправившихся, например, в лагерь «Camp

- Che Guevara para Vietnam». BfV, Infomationen, 8/1968; Barch, B 443/546.
- 78 Bernd Rabehl, Sex und Erziehung in Kuba. Notizen einer Reise auf die rote Zuckerinsel, Teil 1 und 2, in: konkret, 12 und 13/1968.
- 79 BfV, Infomationen, 9/1969; Barch, B 443/567; выразительный рассказ об этом см. в: Joscha Schmierer, Günther Mangold, Der SDS-BV [Bundesvorstand] ist durch Liquidation des VDS nicht zu retten. Ein Beitrag zur Flurbereinigung, in: neue kritik, Heft 54/1969, S. 18–28.
- 80 Например, в 1976 г. он атаковал Буркхарда фон Браунберенса и будущего гамбургского сенатора Вильфрида Майера; BfV, Viertel-jährliche Infomationen, 4/1976; Barch, B 443/547.
- 81 Peinemann, Wohngemeinschaft, S. 97, 119. Мужчину, принявшего участие в интервью, зовут Гетц. Обращаю внимание читателя на то, что речь идет о неизвестном мне тезке.
- 82 Christl Bookhagen, Eike Hemmer, Jan Raspe, Eberhard Schultz, Marion Stergar, Kommune 2. Versuch der Revolutionierung des bürgerlichen Individuums, Berlin 1969. (Помимо перечисленных авторов к коммуне также принадлежали Дагмар фон Детингем, Клаус Хартунг и двое детей, которые в ней воспитывались.)
- 83 Цит. по: Grassert, Kiesinger, S. 623.
- 84 Согласно Дучке; цит. по: BfV, Informationen, 9/1967; Barch, B 443/544.
- 85 Протокол совета участников захвата от 29 мая 1968 г., начало в 15:40, окончание в 18:00 часов. См.: Studenten stürmten FU-Institut. Dokumentation der ersten Besetzung des Germanischen Seminars der FU, hg. von der Ad-hoc-Gruppe Germanistik FU Berlin [1968]; Wapnewski, Mit dem anderen Auge, Bd. 2, S. 59–63.
- 86 Kugler, Raubdrucke, S. 103.
- 87 Призыв активистского комитета по Вьетнаму, Гамбург (ССНС, Социал-демократический университетский союз и другие студенческие организации), на демонстрации «Борьба Вьетконга — наша борьба»; ВФК, собрание листовок ФСЗК; Barch, B 136/3028; BfV, Infomationen, 6/1975; Barch, B 443/556.
- 88 ВФК, Карстенс — Кизингеру о «волнениях в Берлине», 2 февраля 1968 г.; Barch, B 136/2028.
- 89 ВФК, собрание листовок; там же.
- 90 ВФК, служебная записка (Карстенс) для Кизингера, 2 февраля 1968 г.; кампания против концерна Шпрингера, ФСЗК — ведомству федерального канцлера; Barch, B 136/3037.

- 91 Grassert, Kiesinger, S. 620.
- 92 Deutscher Bundestag, 5. Wahlperiode, 169. Sitzung, 30.4.1968, S. 8991.
- 93 Karl Dietrich Wolff, Frank Wolff, Zu den Osteraktionen, in: neue kritik, Heft 47/April 1968, S. 3–6.
- 94 Речь идет о поджогах, совершенных Андреасом Баадером, Торвальдом Пролем, Хорстом Зенляйном и Гудрун Энслин; типография издательства Societät была и остается крупнейшей газетной типографией франкфуртского региона.
- 95 Немецкое генконсульство в Нью-Йорке (Куртиус) — министерству иностранных дел, отчет о студенческих волнениях в Колумбийском университете, 22 мая 1968 г.; Barch, В 106/34236.
- 96 Немецкое генконсульство в Чикаго (Бетц) — министерству иностранных дел, 16 апреля 1968 г.; Barch, В 106/113143.
- 97 МИД (Георг Дуквиц) — ведомству федерального канцлера (Карстенс), исследование феномена глобальных студенческих волнений, 9 апреля 1968 г.; Barch, В 136/3028.
- 98 Bothien, Protest, S. 41, 69.
- 99 Dutschke, Widersprüche des Spätkapitalismus, S. 77.
- 100 Dutschke, Tagebuch, S. 53.
- 101 Дитрих Штариц (кличка агента Штази — Эрих) — министерству госбезопасности ГДР. НА XX/5, 18 января 1967 г., цит. по: Kupzelmann, Widerstand, S. 57.
- 102 МИД, отдел общественной безопасности, служебная записка по поводу исследования «Волнения молодежи», 14 октября 1968 г.; Barch, В 106/63584.
- 103 BfV, Infomationen, 6/1967; Barch, В 443/543; Die übertriebene Generation, in: Der Spiegel, 41/1967.
- 104 Untergrabt die Schulautorität, lernt, was ihr wollt! in: Diskus-Extra (Frankfurt am Main), Nr. 7, März 1969 («Preis 10 Pfennig, Lehrer 1,— DM»).
- 105 Цит. по: Serwe, Retrograde Entwicklung, S. 150–155.
- 106 Решение верховного суда от 19 февраля 1952 г. Neue Justiz, Heft 5/1952 S. 230 f.; Orschekowski, Rechtfertigungsgründe, S. 51.
- 107 Grassel, Jugend, Sexualität, Erziehung, S. 11, 180.
- 108 Sex-Aufklärung in Hessens Schulen, in: Welt am Sonntag vom 7. 1.1968.
- 109 Цит. по: Der Spiegel, 40/1969.

- 110 Egon Bahr, Emigration — ein Makel. Das geistige Gift der Hitler-Jahre wirkt noch nach, in: Die Zeit vom 29. 10. 1965.
- 111 О таких заявлениях см.: Barch, В 106/103578.
- 112 Цит. по: Rote Garde an der FU, in: konkret, 1/1967.
- 113 Das Maß ist voll (Kürzel: St), in: Berliner Morgenpost vom 2. 6. 1965.
- 114 Lepsius, Unruhe, S. 300 ff.
- 115 Talar-Muffel von Hamburg, in: konkret, 12/1967.
- 116 «Bespuckt, geschlagen und getreten», in: Telegraf vom 22. 8. 1967; «Schutzhaft», in: Der Abend vom 22. 8. 1967; «Im Polizeigriff abgeführt?» in: Die Welt vom 24. 8. 1967; «Meinungsterror gegen Andersdenkende», in: Berliner Morgenpost vom 24. 8. 1967; различные высказывания, собранные адвокатом Малером: Arch-FUB, APO, SI Horst Mahler, Ordner «Amerikanische Militärparade» vom 19. 8. 1967.
- 117 Интервью с берлинским депутатом от ХДС Карлом-Хайнцем Шмицем; Die Zeit vom 8. 9. 1967.
- 118 Письма с угрозами и оскорблениями, полученные адвокатом Хорстом Малером летом 1967 г.; ArchFUB, APO, SI Horst Mahler, Ordner 2.
- 119 Федеральный министр научных исследований: проект развития высших учебных заведений, их правового регулирования и обновления учебных программ, 8 сентября 1968 г.; Barch. В 136/3034. ВФК: материалы для отчета канцлера о положении дел в стране [февраль 1968 г.]; Barch, В 136/3028.
- 120 Федеральное министерство по делам семьи: итоговый протокол заседания правительственной рабочей группы, исследующей проблему студенческих беспорядков 28 мая 1968 г. (д-р Раабе); Barch, В 136/3034.
- 121 Die Bundesrepublik hat Geburtstag, hg. vom Bundespresseamt, Bonn 1969; издание содержит статистический обзор достижений и «Таинственную картинку» Вальтера Лоха.
- 122 ВФК, штаб планирования, итоговый протокол дискуссии о студенческих волнениях, состоявшейся 18 апреля 1968 г., 24 апреля 1968 г. (старший правительственный чиновник Бебермайер); 136/13316.
- 123 Der Spiegel, 8/1968. Опрос проводился 6—7 февраля 1968 г., полные таблицы и результаты содержатся в информативном сообщении федерального ведомства печати для канцлера, 19 февраля 1968 г.; Barch, В 136/3031.

- 124 Федеральное министерство обороны, главный штаб: «Волнения немецкой молодежи с точки зрения бундесвера», 11 июня 1968 г.; Barch, В 136/13316.
- 125 ФСЗК (Ноллау) — МВД, 16 июня 1972 г.; Barch, В 106/53997.
- 126 Исследование Института прикладных социальных исследований (IFAS): «Берлинские студенты. Политическая ангажированность и политическая деятельность в высшей школе, август 1968 года», выполнено по заказу сената Берлина, вопреки требованию заказчика о соблюдении тайны напечатано в: Autorenkollektiv AStA und SDS, Die Verschwörung des Berliner Senats gegen die Studenten. Dokumente und Kommentare zur Hochschulpolitik [Herbst 1968]; Barch, ZSg 153/38.
- 127 Алленсбахский институт изучения общественного мнения, опрос «Студент и политика, лето 1967 года», проведенный 17–26 июля 1967 г.; Barch, В 136/3034. См. основные результаты опроса в: Der Spiegel, 26/1968. Берлинских студентов этот опрос не охватывал.
- 128 ВФК, отд. III/6 WB, запись о ежегодном съезде Объединения немецких студенческих обществ в Мюнхене 4–10 марта 1968 г. (Р. Мюллер), 15 марта 1968 г.; Barch, В 136/3028; протокол 20 общего собрания членов Объединения немецких студенческих обществ 4–10 марта 1968 г.; Barch, В 166/1505.
- 129 Кафедра политологии Мангеймского университета (Рудольф Вильденман): «Политика в федеральной республике. Исследование студентов и молодежи», т. 1, завершено в апреле 1968 г.; Barch, В 136/3034. Балльная шкала охватывала оценки от –3 до +3. Вопрос об антисемитизме был сформулирован так: «Трудности, которые возникают повсюду, где евреи проживают совместно с другими народами, объясняются врожденными особенностями евреев».
- 130 ВФК, штаб планирования (д-р Шатц), резюме исследования студентов и молодежи, проведенного кафедрой политологии Мангеймского университета (Рудольф Вильденман) по запросу канцлера, черновая редакция, 24 апреля, с пометкой на полях (Карстенс), 25 апреля 1968 г.; Barch, В 136/13316.
- 131 Протокол совместного рабочего заседания штаба планирования ВФК и научного экспертного совета 5–6 апреля 1968 г.; Barch, В 136/3028.
- 132 ВФК, штаб планирования, служебная записка о волнениях немецких студентов (Карл Шерф), 24 апреля 1968 г.; Barch, В 136/13316; Кёльнская рабочая консультационная группа по

- вопросам политики (Флор и др.), рабочий документ № 6, посвященный политическим волнениям в обществе ФРГ, составлен для штаба планирования ВФК, 18 сентября 1968 г.; там же.
- 133 Высказывание д-ра Шатца (см. также прим. 119).
- 134 Rote Presse Korrespondenz, Nr. 49, 22. 1. 1970, S. 2—4.
- 135 МВД, план мероприятий против левого радикализма, правительственный проект (предварительная редакция), 17 января 1969 г.; Barch, В 136/5964.
- 136 Об этом рассказывал Рихарду Левенталю Адольф Давидсон, 14 января 1971 г.; AdsD, N Löwenthal/63.
- 137 Enzensberger, Gespräch über die Zukunft, S. 164—166. Можно лишь догадываться, какие еще высказывания можно было бы обнаружить на магнитофонной записи этого разговора. Кстати: куда вообще она подевалась?
- 138 R.S., Zum Verhältnis von Organisation und Emanzipationsbewegung. Zum Besuch Herbert Marcuses, in: Oberbaumblatt vom 12. 6.1967 (Nr. 5); перепечатано в: Kraushaar (Hg.), Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 2, S. 255—260.
- 139 Heiterkeit in die Revolution bringen. Aus dem Protokoll einer Diskussion mit Ernst Bloch, Ossip K. Flechtheim und Werner Maihofer in der Evangelischen Akademie Bad Boll, in: Der Spiegel, 10/1968.
- 140 Dutschke, Tagebuch, S. 49, 54; об идентификации с революционным насилием см.: Guevara, Der Partisanenkrieg. Претенциозная рекламная аннотация гласила, что «подлинный, полный текст оригинального издания “La Guerra de guerillas”, вышедшего в Гаване в 1960 году, впервые публикуется в ФРГ со всеми фотографиями, рисунками и набросками»; в качестве автора предисловия, напечатанного без подписи, в аннотации указан Карл Хайнц Рот. Издательская аннотация Cicero presse; см.: Bergmann u. a., Rebellion, 4. Aufl., letzte Seite.
- 141 Fanon, Verdammte dieser Erde, S. 71—73.
- 142 Рихард Левенталь (1908—1991) родился в Берлине. С 1961 по 1974 г. был профессором политологии в берлинском Институте Отто Зура, где преподавал и занимался исследовательской деятельностью; повторно принял немецкое гражданство, сохранив при этом британское; стал активным социал-демократом и консультантом Вилли Брандта.
- 143 Löwenthal, Studenten und demokratische Öffentlichkeit, S. 6.
- 144 В сочинениях о героях 1968 года, написанных ветеранами движения, эту важную речь Левенталья предпочитают обходить

- молчанием. См., например: Tilman Fichter, Siegward Lönnendonker, *Kleine Geschichte des SDS, vierte, ergänzte Auflg.*, Essen 2007; недавно изданную работу Вольфганга Краусхаара: Wolfgang Kraushaar, *Achtundsechzig. Eine Bilanz*, Berlin 2008; а также следующее исследование, отличающееся своим развязным тоном: Siegward Lönnendonker, Bernd Rabehl, Jochen Staadt, *Die antiautoritäre Revolte. Der Sozialistische Deutsche Studentenbund nach der Trennung von der SPD, Bd. 1: 1960–1967*, Wiesbaden 2002. В конце 1980-х годов фонд Фольксваген решал поддержать проект «История ССНС». Первый том вышел в 2002 г., запоздав на 12 лет.
- 145 Dutschke, *Tagebücher*, 8. 2. 1967 (abends), S. 43.
- 146 ВФК, штаб планирования (д-р Шатц), 24–25 апреля 1968 г.; Barch, В 136/3034; заявление берлинских студенческих корпораций для прессы от 4 июня 1967 г., 4. 6. 1967; SI Martin Schmidt.
- 147 Руди Дучке, «Условия и организация сопротивления», речь, произнесенная на съезде в Ганновере в связи с похоронами Бенно Онезорга, 9 июня 1967 г., напечатана в: Dutschke, *Mein langer Marsch*, S. 87; интервью с Руди Дучке в: *Der Spiegel*, 29/1967.
- 148 Salvatore, Dutschke, *Einleitung zu Guevara*, S. 3.
- 149 Донесение Штарица, цит. по: Knabe, *Unterwanderte Republik*, S. 216–219. В связи с ««историческим» заседанием, посвященным настоящему и будущему Западного Берлина», Дучке сделал пометку в дневнике: «См. протокол...» (S. 55). Текст протокола можно найти в: Lönnendonker u. a., *Antiautoritäre Revolte*, S. 354–366. Спустя полтора года старший правительственный чиновник Шредер (МВД) изложил точный конспект плана по захвату власти. При этом он опирался не на процитированные здесь ключевые документы, а на впечатления, произведенные на него листовками и речами. См: Срочное дополнение к «плану мероприятий», соображения по вопросу о внутреннем развитии и революционной стратегии ССНС, 10 января 1969 г.; Barch, В 106/63585.
- 150 Schenk, Frank, S. 60 f.
- 151 Напечатано в: Kraushaar, *Frankfurter Schule und Studentenbewegung*, Bd. 2, S. 254 f.
- 152 Die Linke antwortet Jürgen Habermas.
- 153 Dutschke, *Tagebücher*, S. 48.
- 154 Руди Дучке, речь в Техническом университете Берлина, 23 ноября 1967 г.; ФСЗК, Цели и методы ССНС, 21 апреля 1968 г.,

- с опорой на репортаж газеты Welt от 25 ноября 1967 г.; ВФК, Высказывания членов ССНС о революционном насилии; Barch, B 136/3027/3028.
- 155 Peter Schneider, Gedichte: Über die Mühen des Kampfes in Deutschland; Gift, in: Ders., Ansprachen, S. 63–67.
- 156 Руди Дучке, речь в Амстердаме от 21 февраля 1968 г.; ФСЗК, Цели и методы ССНС, 21 апреля 1968 г.; Barch, B 136/3027.
- 157 Bernd Rabehl, Sex und Erziehung in Kuba. Notizen einer Reise auf die rote Zuckerinsel, Teil 2, in: konkret, 13/1968.
- 158 BfV, Infomationen, 2/1969; Barch B 443/569.
- 159 Scheuch, Gesellschaftsbild, S. 122.
- 160 BfV, Infomationen, 2/1973; Barch, B 443/562.
- 161 Johnson, Jahrestage, S. 795 (29.2.1968).
- 162 Jürgen Habermas, Scheinrevolution unter Handlungszwang, in: Der Spiegel 24/1968. Свой вклад в характеристику Энциенсбергера внес и Эрвин Шойх, назвавший его «полковником пишущих машинок» («Schreibmaschinenobrist»); Scheuch, Gesellschaftsbild, S. 139.
- 163 Dahrendorf, Versuchungen der Unfreiheit, S. 196 f.
- 164 Цит. по: Miermeister, Staadt (Hg.), Provokationen, S. 122.
- 165 Bundesvorstand des SDS (Hg.), Castro, Fernsehrede, (Rabehl) S. 12 f., (Castro), S. 62.
- 166 BfV, Infomationen, 9/1968; Barch, B 443/546.
- 167 Интервью с Руди Дучке. См.: konkret, 5/1968; Hansmartin Kuhn, Nachwort, S. 84–86.
- 168 Телепередача компании ARD «Итоги года» («ARD-Jahresrückblick») от 29 декабря 1967 г.; Barch, B 106/103578, Sendemanuskript, S. 59.
- 169 Цит. по: Lönnendonker u. a., Antiautoritäre Revolte, S. 299.
- 170 Там же.
- 171 Schneider, Phantasie und Kulturrevolution, S.1–37, здесь: S.7f.; перепечатано в: Schneider, Atempause (1977). В новелле «Ленц» (1973) вера Шнайдера в Мао выглядит явно поколебленной. Главного героя уже не интересуют «гладкие фразы» (S. 27).
- 172 Bernhard Bartsch, Jenseits der Großen Mauer, in: Berliner Zeitung vom 2. 10. 2007.
- 173 Chang, Halliday, Mao, S. 668–711.
- 174 Löwenthal, Romantischer Rückfall, S. 78 f.

- 175 Schickel, China, S. 51; курсив и прописные буквы оригинала.
- 176 Domes, Ära Mao Tse-tung, S. 152 f.
- 177 Юрген Домес, Положение вещей в VIII ЦК Коммунистической партии Китая, середина января 1967 г. (рукопись); AdsD, N Löwenthal/81.
- 178 Domes, Volkskommune, S. 50 f.
- 179 Biehl, Volkskommune, S. 26, 49, 53, 146, 220.
- 180 Цит. по: Aly, Heim, Vordenker der Vernichtung, S. 243, 249, 354, 357.
- 181 Semler, Wiedergänger, S. 136.
- 182 BfV, Infomationen, 11/1974; Barch, B 443/554; BfV, Infomationen, 5/1975; ebd., 556; Ежеквартальная информация 3/1976; ebd., 547.
- 183 BfV, Infomationen 5/1976; ebd., 548. 24 апреля 1976 г. многочисленные представители ЦК КПГ и близких к партии массовых организаций — «Лиги против империализма» и «Помощи Индокитаю» — спешно выехали в Париж на торжественные мероприятия в честь камбоджийской революции. О приветственном обращении к Пол Поту в 1978 г. см.: Jasper u. a., Partei kaputt, S. 136.
- 184 Федеральное ведомство печати, протокол передачи, ведущий Гюнтер Мюнгенбург, 3 мая 1968 г.; Barch, B 136/13316.
- 185 Dutschke, in: Bergmann u. a., Rebellion der Studenten, S. 79 ff.; схожие идеи можно найти в «Вестнике ССНС», опубликованном после 2 июня (из студентов «сделали “евреев” антикоммунизма»), напечатано в: Miermeister, Staadt (Hg.), Provokationen, S. 108 ff.; ср. также высказывания Вольфганга Лефевра в протоколе пихельсдорфской конференции, составленном Дучке; см. прим. 138; и реакцию на них Левенталья: Studenten und demokratische Öffentlichkeit, S. 2.
- 186 Hilberg, Erinnerungen, S. 147 f.
- 187 Sebastian Haffners Monatslektüre, in: konkret, 2/1967, 3/1968.
- 188 Френкель — Карлу Левенштейну, 27 апреля 1969 г., о позиции, которую заняла редакция газеты Zeit; Barch, N Fraenkel 1274/50.
- 189 Институт публицистики Майнцкого университета (Элизабет Нёлле-Нойман): Освещение в немецкой прессе студенческих демонстраций, вызванных приездом шаха в Берлин; завершено 8 декабря 1967 г.; Barch, B 136/3034.
- 190 Федеральное ведомство печати (Диль) — канцлеру (конфиденциально), 29 февраля 1968 г.; Barch, B 136/3028. Опрос прово-

дился с 12 января по 8 февраля 1968 г. О студенческом празднике рассказал служащим ведомства федерального канцлера Рудольф Вильденман. См.: протокол рабочего заседания штаба планирования ВФК, 5–6 апреля 1968 г.; там же.

- 191 МВД, рабочая группа «Принципиальные вопросы внутренней политики» (старший правительственный чиновник д-р Шредер), служебная записка «Меры, направленные против ССНС, правовые и политические соображения», 17 декабря 1968 г.; Barch, В 106/63585. По той же причине МВД отвергло неоднократно возбуждавшееся «Ходатайство о лишении вожаков ССНС основных прав», которое опиралось на статью 18 конституции ФРГ. В списке значились Вольфганг Лефевр, Бернд Рабель, Герберт Ледерер, Руди Дучке, Даниэль Кон-Бендит и «братья Вольф». ВМІ, Z II 1, Поддержание безопасности и порядка. План мероприятий, направленных против выступлений радикальных элементов из молодежной среды, 13 января 1969 г.; там же. Статья 18 конституции гласит, что Федеральный конституционный суд может полностью или частично лишать некоторых лиц тех основных прав, которыми эти лица злоупотребляют для борьбы со свободным демократическим строем Федеративной республики, в частности: свободы печати, преподавания и собраний, тайны переписки и гарантий права собственности.
- 192 BfV, Informationen 6/1968; Barch, 443/545.
- 193 Анализ и критика чрезвычайных законов. См.: «Es geht so dunkel und trickreich zu», Der Spiegel, 24/1968.
- 194 Министерство внутренних дел, отдел общественной безопасности, материалы для чрезвычайного заседания бундестага 30.4.1968; 24.4.1968; Barch, В 136/302.
- 195 Служебная записка для правительственного совещания 24.4.1968 (Ordolff, Grünwald), 23. 4. 1968; Barch, В 136/3029.
- 196 ВФК, 8-е заседание научного экспертного совета, 25.5.1968. Barch, В 136/13316.
- 197 ВФК, краткий протокол заседания рабочей группы I (Grundschöttel), 18. 7. 1968; там же.
- 198 BfV, Informationen 10 и 12/1968 Barch, В 443/546; выдержки из протокола конференции делегатов ССНС в ноябре 1968 г. в Ганновере; в: Wolff, Windaus, Studentenbewegung. S. 174.
- 199 ФСЗК, рабочая группа «Молодое поколение», предварительное расследование и уголовное дело против зачинщиков беспорядков между 1.1 и 31.5 1968, 2.7. 1968; Barch, В 136/13316.

- 200 Fichter, Lönnendonker, Kleine Geschichte, S. 136.
- 201 Цит. по: Stephan Malinowski, Alles Stehende verdampft, in: Süddeutsche Zeitung vom 16. 12. 2005.
- 202 Detlef Schneider, Wolfgang Röhl, 2371 Pflastersteine, in: konkret, 15/1968.
- 203 Если не указано иное: BfV, Informationen, 9 – 12/1968; Barch, B 443/546.
- 204 Руководитель ВФК (Карстенс) – МВД (Бенде). 4. 12. 1968; Barch, B 106/63585.
- 205 Коллектив авторов Генерального студенческого комитета и ССНС. Заговор берлинского магистрата против студентов. Документы и комментарии к политике в отношении высшей школы (осень 1968). Barch, ZSI 153/38.
- 206 Коллектив авторов ССНС. Realer Angriff. Aktion am Tegeler Weg, in: FUSpiegel, 11/12/1968; Леворадикальные студенческие организации, BfV, Informationen, 2/1969; Barch B 443/569.
- 207 Совет ССНС. Die neue Radikalität, in: neue kritik, Heft 51/52/Febr. 1969, S. 3–9.
- 208 BfV, Informationen 12/1968; Barch, B 443/546.
- 209 Peter Hohmann, Reinhard Kahl, Wie die Partisanen, in: konkret, 4/69.
- 210 Цит. по: МВД, отдел общественной безопасности, разъяснения к ряду пунктов повестки заседания координационного совета по борьбе с антиконституционной деятельностью, состоявшегося 20.6.1969 в Бонне, приложение 1 из приложений к служебному письму МВД от 28.5.1969. Barch, B 106/63587.
- 211 Карстенс – Кизингеру, 20.5.1969, после разговора с ректором Франкфуртского университета Вальтером Рюггом; краткий протокол третьего заседания рабочего кружка по образованию, 3.12.1968. Участвовали среди прочих: Кизингер, Лойссинг, Румпф, Бутенандт, Шмид, Ломар, Штольтенберг, Эрдманн, Гоппель, Бенда; Barch, B 136/3029.
- 212 МВД, рабочая группа по основным вопросам внутренней политики (старший правительственный чиновник д-р Шредер), резолюция «Мероприятия против ССНС. Правовые и политические соображения», 17.12.1968; Barch, B 106/63585. Ср.: решение Высшего административного суда Мюнстера от 21.8.1968 в судебном деле ССНС против федерального правительства, после того как последнее отказало Союзу в предоставлении

- средств из Федерального фонда поддержки молодежи (Bundesjugendplan), там же.
- 213 BfV, Informationen 6/1969; Barch, В 443/569; объяснение председателей ССНС и ОНСО: ликвидация ОНСО (осень 1969).
- 214 BfV, Informationen 9/1969; Barch, В 443/567.
- 215 BfV, Informationen 11/1969; там же; SDS gibt den Verband Deutscher Studentenschaften auf, in: Frankfurter Rundschau vom 17. 11. 1969. «У нас все сходится! Финансовая ситуация в ОНСО», опубликовано новоизбранным чрезвычайным правлением в ноябре 1969; Deutsche Studenten Union, Studentenvertretung am Ende [Nov. 1969]; ArchFU, SDS/Linke Gruppen/SDS-VDS.
- 216 Предварительное замечание к указателю фонда В 166 (ОНСО) Федерального архива (Trumpf) от 27.5.1970.
- 217 BfV, Informationen. 3/1970; Barch, В 443/566.
- 218 Wolff, Windaus (Hg.), Studentenbewegung, S. 13.
- 219 Рабочий и проектный доклад Социалистической ячейки ассистентов (SAZ), созданной в Институте Отто Зура (OSI), в: SDSinfo 26/27 (22. 12. 1969), S. 34–37; более подробно «для рабочей конференции “Красных пресс-служб” (РПК) от 6./7. 12.1969»; Barch, ZSg 153/23.
- 220 Френкель — Вильгельму Хеннису, 29.8.1970; Barch, N Fraenkel 1274/56.
- 221 Bude, Das Altern einer Generation, S. 268.
- 222 Fraenkel, Ursprung, S. 249.
- 223 Френкель — Вильгельму Хеннису, 31. 5. 1967; Френкель — Герхарду А. Риттеру, 29. 8. 1969; Beitragsüberweisung, 7. 3. 1970; Barch, N Fraenkel¹²⁷⁴/51/65a/53.
- 224 Левенталь — Вольфгангу Леонхарду, 22.5.1970; AdsD, N Löwenthal/15.
- 225 Френкель — Херманну Е. Саймону (Hermann E. Simon), 28.2.1971; Barch, N Fraenkel 1274/57.
- 226 Френкель — Урсуле Брумм, 3.5.1969; Barch, N 1274/49.
- 227 Отто Кан-Фройнд, надгробная речь на похоронах Эрнста Френкеля 8.4.1975, Лесное кладбище Берлин-Далем; Френкель — Герхарду А. Риттеру, 12.12.1968; Френкель — Хансу Майеру, 26.9.1966; Френкель — Клаусу Шютцу, правящему бургомистру Берлина, 12.12. 1968; Barch, В Fraenkel 1274/195/48.
- 228 Френкель — Вальтеру Хоферу, 9.1.1969; Френкель — Карлу Г. Антону, 15.4. 1970; Barch, N Fraenkel 1274/49/52.

- 229 Френкель — Карлу Г. Антону, 20.4.1969; Френкель — Геральду Штоурцу (Gerald Stourzh) 11.4.1971; Френкель — Карлу Г. Антону, 3.3.1973; Barch, N Fraenkel 1274/49/61.
- 230 Френкель — Херманну Е. Саймону, 18.10.1969; Френкель — Карлу Г. Антону, 15.4.1970; Barch, N Fraenkel 1274/51/52.
- 231 Полномочный представитель ФРГ в Западном Берлине — руководителю ведомства федерального канцлера (Карстенсу) с прилагаемой листовкой, 5.12.1968; Barch, B 136/3029; список доносчиков, в: FUSpiegel, без даты [начало 1969 г.].
- 232 Аньоли в молодости восхищался итальянскими фашистами и в 1943 г., едва достигнув 18-летнего возраста, вступил в группу «национал-социалистических антифашистов» — тех итальянцев, по мнению которых фашизм должен был сблизиться с нацизмом, т.е. стать более радикальным и социальным. Хотя Краусахаар утверждает обратное, Аньоли охотно рассказывал об этом факте своей биографии восторженным слушателям на лекциях и в институтской столовой, не делая из него тайны. Так или иначе, я никогда не слышал от Аньоли об еще одном факте, приведенном Краусахааром: с 1943-го по 1945-й он в качестве итальянского добровольца служил в вермахте, а поначалу хотел даже пойти в войска СС. В составе части горных стрелков Аньоли был направлен в Югославию для борьбы с партизанами. 2 мая 1945 г., будучи солдатом вермахта, он попал на два года в британский лагерь военнопленных, а затем был отпущен в Германию. Kraushaar, Agnoli, S. 176—178. Стоит задуматься о приведенных в этом сочинении указаниях на преемственность в мышлении Аньоли, который в юности был левым фашистом, а в зрелом возрасте перешел к критике парламентаризма с левосоциалистических позиций.
- 233 BfV, Informationen, 1—12/1969; Barch, B 443/569/567.
- 234 Предвыборное воззвание СРК (SAKO), в: FU-Info, 6. Jg., Nr. 6, 2. 6. 1970, цит. по: Pressemitteilung der Notgemeinschaft für eine Freie Universität, 9. 7. 1970; Barch, N Fraenkel 1274/95.
- 235 О Левентале в листовке, кроме того, было сказано следующее: «Гоните к черту оголтелых антикоммунистов». См.: Уголовное дело против Гетца Али за принуждение, нарушение неприкосновенности жилища и порчу имущества, прокуратура при земельном суде Берлина ((1 P Js 435/71); Landesarchiv Berlin, B Rep. 058/11020—11024.
- 236 Гец Али — Аннелизе Баадер, 21.6.1972. S1 Martin Schmidt.
- 237 См. прим. 116.

- 238 In memoriam John F. Kennedy, in: FUspiegel, Heft 35, Jan. 1964.
- 239 Bothien, Protest und Provokation, S. 31; Freie Universität, Teil III: 1957–1964, S. 60; Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 1, S. 204 f.
- 240 Эрнст Френкель, комментарий для радиостанции WDR (Westdeutscher Rundfunk) по случаю 25-летия берлинского Свободного университета (декабрь 1973); Barch, N Fraenkel 1274/63.
- 241 Miermeister, Staadt (Hg.), Provokationen, S. 255.
- 242 «СС во Вьетнаме» (SS in Vietnam), в: konkret, 1/1967. Редакционный материал сопровождал публикацию отрывка документального романа Робина Мура о «зеленых беретях» — элитном подразделении армейского спецназа США (их называли также «кожаными шеями»). Роман был издан в Вене в 1965 г. под названием «Зеленые дьяволы». В самой книге Мура понятие «СС» не встречается.
- 243 Доклад Рабеля «Борьба немецкой молодежи против бундесвера», сделанный в Брюсселе 8.3.1969; BfV, Informationen, 5/1969; Barch, В 443/569; Министерство обороны, Главный штаб, «Беспорядки среди немецкой молодежи с точки зрения бундесвера», 11.6.1968; Barch, В 136/13316.
- 244 ArchFUB, SI Horst Mahler, Ordner 2.
- 245 Хоркхаймер — Инге и Герберту Маркузе, 18.2.1967; также Хоркхаймер — Гуго Штаудингеру 24.10.1971; Хоркхаймер, Собр. соч., т. 18, Письма, с. 642, 785.
- 246 Петер Ян, Вольфганг Лефевр, Рейнхард Штрекер. «Значение дискуссии 1960-х о фашизме», встреча экспертов в Свободном университете, Берлин, 4.5.1988 (www.infopartisan.net/archiv/1968/29704.html, 4. 10. 2007); Руди Дучке, цит. по: Гретхен Дучке-Клоц «Что сказал бы Руди Дучке о блужданиях поколения-68, не оправдавшего надежд» (www.isioma.net/sds00299.htm, 4. 10. 2007).
- 247 До 1954 г. немецкие суды преследовали нацистских преступников под давлением или по приказу союзников, потом уже самостоятельно.
- 248 Rückerl, NS-Verbrechen vor Gericht, S. 184, 192 f., 331; репортаж Ханса Ногли (Hans Nogly) о любимце учеников преподавателе Хансе Штарке, 1921 года рождения, который, будучи сотрудником гестапо, совершал чудовищно жестокие убийства в концлагере Освенцим, в: Stern 14. 3. 1965.
- 249 Kuhn u. a., Universität im Dritten Reich. Можно привести аналогичные примеры, относящиеся к университетам Франкфур-

- та-на-Майне, Тюбингена или Марбурга. В 1966 г. на Дне германиста в Мюнхене впервые основательно обсудили роль, которую в Третьем рейхе играла германистика.
- 250 Leonhardt, Studentenunruhen, S. 103. Фриц Леонхардт (1909—1999) в 1967—69 гг. был ректором университета в Штутгарте; известен тем, что не позволял называть себя «вашим превосходительством». Его книга о студенческих волнениях, изданная в 1968 г., — один из выдающихся откликов представителей интеллектуальной элиты на тогдашние события.
- 251 Протокол конференции о коллективной психопатологии в Институте Зигмунда Фрейда (Франкфурт-на-Майне) от 6.5.1967; AdSD, N Löwenthal, ungeordneter Teil, Schachtel XXVI-II. Участники: Александр Мичерлих, Норман Кон, Ханс Буххайм, Юрген Хабермас, Эрик Фегелин, Якоб Таубес, Рихард Левенталь, Вольфганг Шеффлер, Эрнст Нольте, Маргарита фон Brentano, Рудольф фон Альбертини и Макс Хоркхаймер.
- 252 Доклад Юргена Хорлемана, письмо членов ССНС, Франкфурт-на-Майне, 2/1965 (май), с. 9f.
- 253 См., например: Dr. Hans Globke. Aktenauszüge und Dokumente, Hamburg (Rütten & Loening) 1961, изд. Reinhard-M. Strecker. Свою книгу Глобке посвятил «победителям гитлеровского режима убийц». Ниже он поместил призыв: «Откройте наконец архивы!»
- 254 Семинар, организованный Петером Мюллером, прошел в ноябре 1966 г. при финансовой поддержке Союза немецко-израильских учебных групп. Sl Martin Schmidt.
- 255 Bothien, Protest und Provokation, S. 19 f.
- 256 Устное сообщение Кристиана Просса, Потсдам, 11.10.2007.
- 257 ArchFUB, Sl Horst Mahler, Ordner «Amerikanische Militärparade» vom 19. 8. 1967.
- 258 Цит. по: Miermeister, Staat (Hg.), Provokationen, S. 115 f.
- 259 Цит. по: Hauser, Erinnerungsweltmeister, S. 237.
- 260 Freie Universität Berlin, Teil V, S. 17; Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 1, S. 254. 7 июня 1967 г. в Берлине, в аудитории Макса Каде Свободного университета, Дучке «после разговора с Таубесом об отношениях левые/Израиль» дал некий комментарий на этот счет, содержание которого мне неизвестно. Dutschke, Tagebücher, S. 43.
- 261 Wilhelm Weischedel, Zur gegenwärtigen Lage an der Freien Universität; Freie Universität, Teil V, S. 190 f.

- 262 Ulrike Meinhof, *Drei Freunde Israels*, in: konkret 7/1967.
- 263 Михаэль Ландман — Рихарду Левенталю, 14.7.1967, с приложенным проектом заявления Петера Мюллера «О решении ближневосточного конфликта. Ответ на открытое письмо Вольфганга Абендрота», 19.6.1967; AdsD, N Löwenthal/14.
- 264 Kraushaar, *Bombe*, S. 51.
- 265 Mosler, *Was wir wollten*, S. 149; Kraushaar, *Frankfurter Schule und Studentenbewegung*, Bd. 1, S. 312, 348, Bd. 2, S. 445.
- 266 Если не указано иное, цитаты взяты из книги Вольфганга Краушаара «Бомба в Еврейском общинном доме» (*Die Bombe im Jüdischen Gemeindehaus*).
- 267 1 августа 1970 г. газета *Stuttgarter Zeitung* сообщила, что Кунцельман подозревается в причастности к нападению на Еврейский общинный дом, обстоятельства которого до сих пор остаются неясными. *Presse und Informationsspiegel des BfV* vom 3. 8. 1970; Barch, B 141/30878; BfV, *Lagebericht*, 11/1969; Barch, B 443/567. ФСЗК с самого начала считала, что нападение — дело рук новых левых.
- 268 Kraushaar, *Bombe*, S. 86—89.
- 269 BfV, *Informationen*, 6/1969, 9/1969; Barch, B 443/569/567.
- 270 Carmichael, *Black Power*, S. 25.
- 271 Распространять листовку доверили 19-летней ассистентке рентгенолога Аннекатрин Брун, которая знала Георга фон Рауха с прежних времен и, таким образом, незадолго до событий оказалась в кругах западноберлинских наркоманов и «городских партизан». См. приговор, вынесенный 10.1.1970 земельным судом Берлина (суд первой инстанции) в отношении Дитера Кунцельмана за попытку покушения с использованием бомбы; Barch, B 141/30878.
- 272 Разъяснение по поводу попытки подрыва Еврейского общинного дома в Берлине, опубликованное Буркхардом Блюмом, Детлефом Клауссеном, Даниэлем Кон-Бендитом, Ронни Леви и Хайнером Ретцем, в: *SDSinfo*, Nr. 27 (1. 12. 1969).
- 273 Телеграмма координационного совета канцлеру Брандту, 19.11.1969; Barch, B 136/5865.
- 274 Udo Knapp, *Die Reise nach Algier. Mit Joschka Fischer in Nordafrika*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 15. 2. 2001; BfV, *Informationen* 2/1970 (антиизральская деятельность новых левых); Barch, B 443/566.

- 275 Wolfgang Schwiedrzik, Der Palästina-Kongress in Algier, in: RPK, Nr. 48 vom 16. 1. 1970, S. 11–13. В отличие от Кнаппа, Швиджик в 2001 г. по-прежнему не склонен выгораживать ССНС в связи с давним визитом: «Прекрасно понимая, какое значение имеет для ФАТХ эта конференция, мы приняли в ней участие. Речь шла об «освобождении Палестины» путем вооруженной борьбы. О том, что такое решение предполагает разрушение израильского государства, мы тогда не думали. Мы были радикальными — и безответственными. А главное: в том, что касалось эскалации боевых действий, наша фантазия не знала границ» (Der Spiegel 8/2001).
- 276 Д(итер) Кунцельман. «Палестинский народ победит в вооруженной борьбе». 21 февраля 1970 г. произошли еще два нападения на самолеты, предположительно совершенные палестинцами: в грузовом отсеке самолета компании Austrian Air Lines, летевшего из Франкфурта в Тель-Авив, сразу после взлета взорвалась бомба, пилоты сумели вернуться и благополучно посадить самолет во Франкфурте. Однако в тот же день, и тоже при взлете, потерпел крушение самолет компании «Swiss Air», летевший из Цюриха в Иерусалим. В обоих случаях заложенные бомбы были соединены с высотомером.
- 277 D[ieter Kunzelmann], Brief aus Amman. Das palästinische Volk wird in seinem bewaffneten Kampf siegen, in: Agit 883 vom 3. April 1970, Nr. 55.
- 278 BfV, Informationen 2/1970 (антиизраильская деятельность «новых левых»); Barch, В 443/566. После пожара в еврейском доме престарелых в Мюнхене произошло еще несколько терактов, и ответственность за них взяли на себя левые радикалы. 23 февраля с помощью коктейля Молотова была подожжена квартира участкового судьи Вайтля; 10 марта в здании мюнхенского суда низшей инстанции были заложены две зажигательные бомбы с часовым механизмом. В цитируемой статье из газеты Agit 883 от 3.4.1970 Кунцельман отмежевался от мюнхенского поджога, поскольку эта акция косвенно поощряла иммиграцию в Израиль.
- 279 Dieter Kunzelmann, Brief aus Amman, середина ноября 1969 в: Agit 883 от 27. 11. 1969; перепечатано в: Kunzelmann, Widerstand, с. 123. Адрес отправления вымышленный: Кунцельман в это время уже вернулся в Германию из тренировочного лагеря ФАТХ.
- 280 Цит. по: Kraushaar, Bombe, S. 98.

- 281 Френкель — Эрнсту Ливне (бывш. Левенталь), 1.12.1973; Barch, N Fraenkel 1274/62.
- 282 RPK vom 18. 12. 1970; Agit 883 vom 24. 12. 1970.
- 283 Цит. по: taz от 20.2.1991.
- 284 Antje Vollmer, Ende der Unschuld, Die Zeit 37/1995.
- 285 Согласно газетной вырезке от 5.2.1973, Шойху стали угрожать бомбой: «Неизвестный объяснил по телефону его матери, что в университете (Кёльна) будет заложена бомба, “чтобы профессор Шойх наконец понял, что ему нужно уйти”».
- 286 Scheuch, Wiedertäufer, S. 11; Scheuch, Gesellschaftsbild, S. 107 f.; Erwin K. Scheuch, Schlechte Zeiten für die Vernunft, in: Die Welt vom 24. 2. 1968.
- 287 Baldur von Schirach, Studenten in einer Front, in: Die Bewegung vom 6. 5. 1930.
- 288 Ср.: Baldur von Schirach, Die Feier der neuen Front, München 1929.
- 289 См. первые выпуски «Академического наблюдателя». Akademischer Beobachter, 1(1929).
- 290 Delius, Vier Gedichte, S. 146 f.
- 291 Deutsche Revolution. Kampfblatt der nationalsozialistischen Studenten vom 8. und 11. 11..1931.
- 292 G. K., Ziel der Anfängerkurse, in: Student im Kampf, hg. vom Mitteldeutschen Schulungsamt des NSDStB, Amt für politische Bildung der Leipziger Studentenschaft, Heft 15 vom 24. 7. 1933, S. 15 f.
- 293 Ernst Eberle, Der Spießbürger: Nationalsozialistische Studenten-Korrespondenz, Nr. 18 (1. 2. 1934); о речах Шираха: Barch, NS 38/II/21; о реформе высшей школы: Flugblatt des NSDStB, Hochschulgruppe Erlangen zur AStA-Wahl 1932; там же.
- 294 Требование можно найти, например, в: Akademischer Beobachter, Heft 3/1929, S. 37; закон о переполненности немецких школ и вузов от 25.4.1933: Reichsgesetzblatt, 1933 I, S. 225 f.; о Венгрии: Gerlach, Aly, Das letzte Kapitel, S. 38 f.
- 295 Oskar Stäbel, Sinn und Aufgabe der studentischen Verfassung [Anfang 1934]; Barch, NS/38/2123, Bl. 1—4. В 1933 г. Штебель стал руководителем Имперского союза студентов, в то время как его предшественник Ширах возвысился до поста рейхсфюрера молодежи. В публичных выступлениях Ширах постоянно возвращался к необходимости «окончательно уничтожить все классовые различия, которые еще засоряют сознание учащихся».

- Например: Aufruf des Reichsstudentenbundführers Oskar Stäbel, Frühjahr 1934; Oskar Stäbel, Die Deutsche Studentenschaft, Manuskript vom 19. 4. 1934; Oskar Stäbel, Jugend für den deutschen Sozialismus! Aufruf vom 11. 12. 1933; ebd., Bl. 12, 61 f., 78–80, 115; ср. сочинение 24-летнего гейдельбергского докторанта Франца Сикса: Franz A. Six, Geschichte und Aufgaben der deutschen Studentenschaft [1934]; Barch, NS 38/2411. Согласно Сиксу, который в 1935 г. стал работать у Гейдриха, нужно было позаботиться «о сплочении двух групп учащихся, ранее классово разделенных, но работающих в одном направлении».
- 296 Gerhard L. Binz, Wehrwissenschaft als Hochschulfach, in: Akademischer Beobachter, Heft 6/1929.
- 297 Georg Plötner, Hochschulreformtagung der Deutschen Studentenschaft im März 1933 in Dresden, beiliegend ein undatiertes Fragment; Barch, NS 38/2416.
- 298 Die Deutsche Studentenschaft. Nachrichtendienst, 6. Jg., Ausg. A, Nr. 2 vom 16. 10. 1933; Barch, NS 38/190p¹⁹⁴: zum Deutschen Sozialismus, ebd., Nr. 7 vom 4. 12. 1933. Соответствующие высказывания Хайдеггера можно найти там же. Ausg. B., Nr. 2 vom 25. 11. 1933; zu den Filmstudenten, ebd. 7. Jg., Ausg. B, Nr. 7 vom 8. 7. 1934.
- 299 P. L., An die jungen Akademiker (von einem Naturforscher), in: Akademischer Beobachter, Heft 1/1929.
- 300 Fritz Stader, Wir und die Technik, in: Akademischer Beobachter, Heft 1/1929.
- 301 Akademischer Beobachter, 1/1929, S. 96.
- 302 Baldur von Schirach, Deutsche Rektoren bekämpfen die Freiheitsbewegung, in: Die Bewegung vom 3. 6. 1930.
- 303 Заголовок на первой странице студенческой нацистской газеты Die Bewegung vom 10. 6. 1930.
- 304 Kurt Krüger, Unser neues Bildungsideal, in: Die Bewegung vom 13. 5. 1930.
- 305 «Внимание! Повышение платы за обучение!», призыв Национал-социалистического союза немецких студентов, районный комитет 8 (Германия-Австрия), вырезка из газеты от 1. 10. 1932 (Грац); Barch, NS 38/2, Bl. 317.
- 306 Statistisches Handbuch von Deutschland 1928–1949, München 1949, S. 622–624.
- 307 Der Reichsstudentenführer, Denkschrift zur Studien- und Ausbildungserneuerung [1937/38]; Barch, NS 38/2247.

- 308 Fritz Hippler (Oberbannführer im Stab der Reichsjugendführung), Die Brechung des bürgerlichen Bildungsmonopols, in: Reichs-Jugend-Pressedienst, Berlin, Nr. 146 und 148 (1934), Sonderbeilage; Barch, NS 38/Пр.87.
- 309 Die Bewegung vom 3. 6. 1930.
- 310 Геббельс — Шираху, март 1929, в: Akademischer Beobachter, 1(1929), S. 63—65; приглашение группы студентов национал-социалистов в Мюнхен, в пивную «Левенброй», на выступление Гитлера, обращенное к студентам, 26.2.1923 («Передай дальше!» — «Евреям вход воспрещен!»); Barch, NS 38/II/21.
- 311 Обращение Гитлера к студентам (без даты); Barch, NS 38/II/21, Bl/ 148.
- 312 Речь Геббельса по поводу заседания руководства Национал-социалистического союза студентов (без даты) Barch, NS 38/II/21, Bl. 224—226; Goebbels, Wege ins Dritte Reich, Abschnitt «Student und Arbeiter» [без даты]; там же, Bl. 18—24.
- 313 Bist Du Student? Editorial, in: Student im Kampf, hg. vom Mitteldeutschen Schulungsamt des NSDStB, Amt für politische Bildung der Leipziger Studentenschaft, Heft 15 vom 24. 7. 1933.
- 314 Dutschke, Mein langer Marsch, S. 18 f.
- 315 Радиообращение функционера национал-социалистического студенческого движения Дерихсвайлера, цит. по: Kölnische Zeitung vom 16. 5. 1933 (Abendausgabe); Barch, NS 38/2, Bl. 326.
- 316 Jansen, Der Fall Gumbel, S. 62 f.
- 317 Die Bewegung vom 27. 1., vom 10. 2. und vom 17. 2. 1931.
- 318 Oberleutnant Schulz. Ein Opfer der Femelüge, mit Beiträgen von Friedrich Felgen, Hans Albert von Birkhahn und Walter Weiß, München 1929.
- 319 Studenten-SA stürmt Kunsthochschule in Schöneberg, in: Deutsche Allgemeine Zeitung vom 18. 2. 1933.
- 320 Waffenstudentische Kampfgruppe, in: Deutsche Revolution, Folge 5 und 6, Febr. 1932.
- 321 В отличие от Грютнера, студента времен Третьего рейха, Янсена и Сафрански (Jansen, Der Fall Gumbel, S. 35, Safranski, Ein Meister, S. 302 ff.) ясно видят параллели между «коричневым» и «красным» (изначально антиавторитарным) студенческими движениями.
- 322 Richard Löwenthal, Farbenblind gegen rote Intoleranz? Über den Bund Freiheit der Wissenschaft und die Professoren Mitscherlich,

- Pross und Lepenies, in: Die Zeit vom 8. 1. 1971; Löwenthal, Romanischer Rückfall, S. 13, 24; Löwenthal, Politisches Engagement, S. 8.
- 323 Френкель — Вальтеру Рюггу, ректору университета им. Гёте, от 12.12.1967; Рюгг — Френкелю, от 29.11.1967; Barch, N Fraenkel 1274/48; о событиях, которые привели к срыву лекции Шмида: Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 1, S. 279—283.
- 324 Беседа Кизингера, Никсона и Киссинджера 8.8.1969; Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1969/II, Nr. 259, S. 907; цит. по: Grassert, Kiesinger, S. 622. О студенческих волнениях в Париже в мае 1968 г. капеллан Сорбонны, впоследствии архиепископ Парижский Жан-Мари Люстиже говорил: «Пустая болтовня, фразерский радикализм. В этом возрождении иррационального отражается вся суть нацизма». Цит. по: Arno Lustiger, Mein Cousin, der Kardinal, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 8. 8. 2007.
- 325 Lohmar, Die «Neue Linke», in: Scheuch (Hg.), Wiedertäufer, S. 22.
- 326 Wilhelm Hennis, Die Deutsche Unruhe, выступление на немецком радио, 19. 9. 1968, рукопись; Barch B 136/13316; в перепечатанном виде: Hennis, Unruhe, S. 116—136.
- 327 Meinhof, Fragment über Struktur, in: Letzte Texte von Ulrike, S. 3. На могиле Ульрики Майнхоф на кладбище общины Святой Троицы в берлинском Мариендорфе выступали Клаус Круассан, Отто Шили, Клаус Вагенбах и Хельмут Гольвитцер.
- 328 Цит. по: Schmidbauer, Gegenwart der Vergangenheit, S. 169—171; см. также: Scheub, Leben, S. 251—285.
- 329 Hannover, Schnibben, I can't get no, S. 58—63.
- 330 Wapnewski, Mit dem anderen Auge, Bd. 2, S. 57.
- 331 Sontheimer, Gescheiterte Revolution, S. 11.
- 332 Scheuch, Soziologische Aspekte, S. 3.
- 333 Ratzinger, Leben, S. 139 f.
- 334 Arno Widmann, Zu spät, in: Berliner Zeitung vom 5. 4. 2002.
- 335 Юрген Хабермас, Людвиг фон Фридебург, Александр Митчерлих. Дискуссия с бастующими студентами в общежитии Вальтера Кольба, 16.12.1968, протокол; цит. по: Kraushaar, Frankfurter Schule und Studentenbewegung, Bd. 2, S. 505—512.
- 336 Wapnewski, Mit dem anderen Auge, Bd. 2, S. 77.
- 337 Arno Widmann, Ein Gegner des gesellschaftlichen Fortschritts. Erinnerung an Rudi Dutschke, in: Berliner Zeitung vom 24. 12. 2004.

- 338 Kohl, Erinnerungen, S. 68 f.; см. в целом об этом поколении: Neven DuMont (Hg.), Jahrgang 1926/27; Bude, Deutsche Karrieren; об употреблении понятия «поколение» как исторической категории и расплывчатости его трактовки: Herbert, Generation der Sachlichkeit, S. 31 f.
- 339 Wapnewski, Mit dem anderen Auge, Bd. 1, S. 129.
- 340 Dahrendorf, Grenzen, S. 71–76.
- 341 Scheuch, Wiedertäufer, S. 10.
- 342 Рихар Левенталь, тезисы к докладу «Демократия и свобода сегодня», с которым он выступил 4.12.1973 перед представителями Научного общества в ратуше берлинского района Шенеберг; AdsD, N Löwenthal, unsortierter Teil, Schachtel VII; ср.: Вилли Брандт, 26. 4. 1968, цит. по: Berliner Ausgabe, Bd. 4, S. 143–147.
- 343 Scheuch, Wiedertäufer, S. 11.
- 344 Федеральное министерство по делам семьи, итоговый протокол заседания рабочей группы, исследующей студенческие беспорядки, от 28.5.1968 (Dr. Raabe); Barch, B 136/3034.
- 345 Breiteneicher u. a., Kinderläden, S. 39, 118; Kommune 2, S. 69.
- 346 Экспертная комиссия федерального правительства по вопросам политпросвещения, протокол первого (чрезвычайного) рабочего заседания от 17/18.10.1968 в Евангелической академии Бад Болль; Barch B 106/54135/54133. Участники: Феликс Мессершмид (председатель), Карл Дитрих Брахер, Вильгельм Хеннис, Макс Хоркхаймер, Хельмут Краусник, Эберхард Мюллер, Ханс Ротфельс, Хельмут Кун.
- 347 Генеральное консульство ФРГ, Нью-Йорк (Кертис) — в МИД Германии. Отчет о студенческих беспорядках в Колумбийском университете, 22.5.1968; Barch, B 106/34236.
- 348 Запись в деле, сделанная профессором д-ром Романом Херцогом в отношении студента юридического факультета Рунге. Цит. по: Der Spiegel 10/1969. Запись была похищена в начале 1969 г. при нападении на деканат юридического факультета Свободного университета, осуществленном в ходе кампании «Исключить исключających».
- 349 Peter Boenisch, Fischers Sturm und Drang, in: Bild vom 4. 1. 2001.
- 350 Вайшедель — Роберту Хайссу, 11.3.1973; Вайшедель — Эриху Лоосу, 28.4.1975; городская библиотека Берлина, отдел рукописей, N Weischedel, Bde. 43, 44.
- 351 Schelsky, Skeptische Generation, S. 79, 381.

352 Там же, с. 58–73.

353 Там же, с. 89–83. Свой прогноз относительно идеологизированности молодежи, с которой, по его словам, «покончено навсегда» (с. 381), Шельски все же несколько ограничивает на с. 78, считая вполне вероятным, что молодые люди, выросшие в условиях комфорта и как бы самоочевидной социальной защищенности, могут отступить от прагматических принципов «скептического поколения». См. об этом также: Löwenthal, *Romantischer Rückfall*, S. 25–29 («Die Umkehr der »skeptischen Generation«).

354 Schäfer, *Kein 'richtiges' junges Mädchen*, S. 47. Курсив автора. Последнее предложение процитировано не до конца. Продолжение звучит так: «[...] табуированной зоной, наподобие вопроса, “откуда берутся дети”, и всего, что связано с отношениями между мужчиной и женщиной».

355 Гюнтер Грасс. Открытое письмо Курту Георгу Кизингеру, написанное «в последнюю минуту», 29.11.1966. Цит. по: Görtemaker, *Geschichte der Bundesrepublik*, S. 487 f.

356 Цит. по: Koenen, *Das rote Jahrzehnt*, S. 120. В целом я прихожу к тем же выводам, что и Кенен в главе «Счастливая вина» (*Felix Culpa*).

357 Запись о рабочем заседании штаба планирования ведомства федерального канцлера совместно с научным экспертным советом 5/6.4.1968; Barch, B 136/3028.

358 Там же.

359 Kohl, *Erinnerungen 1930–1982*, S. 225 ff.; Dahrendorf, *Versuchungen*, S. 201.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абендрот, Вольфганг 177
Аденауэр, Конрад 85, 95, 103, 173, 219, 222
Адорно, Теодор 61, 62, 149, 183
Али, Вольфганг 115
Али, Гётц 158
Альберг, Рене 59–60
Альберц, Генрих 49, 53, 54
Альтфатер, Эльмар 148
Амендт, Гюнтер 134
Амери, Жан 16
Амрен, Жан 56
Антон, Карл 152
Аньоли, Йоханнес 63, 137, 150, 153
Аренд, Ханна 16, 77
Аугштайн, Рудольф 94, 147, 167
Ахлер, Конрад 167
- Баадер, Андреас 64, 159, 160
Бакунин, Михаил 29
Баринг, Арнульф 159
Батиста, Фульхенсио 121
Бауманн, Ханс 186, 217
Бауэр, Карин 35
Бауэр, Фриц 15
Бахман, Йозеф 40, 67–68
Бёлль, Генрих 96
Бенда, Эрнст 53, 57, 79, 80
Бениш, Петер 213
Бенкен, Клаус 71, 72
Бен-Натан, Ашер 179–180
Бергман, Ингмар 15
Биль, Макс 132–133
Бирман, Вольф 70, 159
Блейль, Ханс Петер 172
Блум, Буркхард 71, 72
Богер, Вильгельм 216
- Бодлер, Шарль 103
Ботш, Иаэль 90
Боуи, Джеймс (Джим) 114
Брандт, Вилли 15, 58, 84, 87, 97, 103, 104, 122, 139, 140, 163, 165, 184
Брандт, Петер 84
Браун, Фолькер 40
Браунберенс, Буркхард фон 175
Брехт, Бертольд 89
Бросчат, Мартин 171, 172
Брохер, Тобиас 87
Брунс, Тисси 203
Брюкнер, Петер 137
Бубак, Зигфрид 63
Буххайм, Ханс 55, 172
Буш, Эрнест 28
Бюргер-Принц, Ханс 15
- Вайс, Петер 104, 168
Вайцеккер, Карл Фридрих фон 103, 219
Вайцеккер, Рихард фон 89
Вайшедель, Вильгельм 16, 51, 52, 176, 213, 214
Вапневски, Петер 75, 204, 205, 206
Вебер, Вернер 206
Вебер, Эмиль 207
Вебер, Юнгер 42–207
Веллер, Ханс-Ульрих 151, 205
Вернер, Герберт 54
Вернер, Ханс-Ульрих 48
Веспер, Бернвард 93
Виндельман, Рудольф 100, 106, 107, 210
Видман, Арно 204
Вихерт, Эрнст 168

- Вольф, Райнхард 142
 Вольф, Франк 79
 Вульф, Йозеф 16
 Вольфф, Михель 147
- Гебауэр, Вернер 163
 Геббельс, Йозеф 118, 120, 134, 162, 194, 195
 Геншер, Ханс-Дитрих 15, 161, 206
 Геринг, Герман 118
 Герстенмайер, Ойген 77
 Гёте, Иоганн Вольфганг 115
 Гизе, Ханс 15
 Гизеке, Ханс-Вернер 142
 Гитлер, Адольф 87, 118, 119, 168, 177, 192, 194, 201, 208, 221
 Гольвитцер, Хельмут 51, 52, 104
 Голдбах, Сабина 90
 Готшалх, Вильфрида 52
 Грасс, Гюнтер 104, 126, 217
 Гримм, братья 162
 Гроссер, Дитер 148
 Гумбель, Эмиль Юлиус 196
 Гупперт, Гуго 28
 Гюнтер, Ханс 192
- Данн, Софи 21
 Дарендорф, Густав 207
 Дарендорф, Ральф 9, 10, 124, 205, 207
 Делиус, Кристиан 187
 Джонсон, Линдон 50, 164, 166
 Дипген, Эберхард 163
 Дитфур, Ютта 14
 Домес, Юрген 131, 132, 134, 159
 Достоевский, Федор Михайлович 6, 20
 Дригалла, Эберхард 144
 Дуве, Фраймут 22
 Дуензинг, Эрих 49, 68, 214
 Дучке, Руди 9, 10, 14, 23, 27, 40, 41, 45, 54, 59, 61, 66, 67, 68, 74, 78, 83, 91, 109–122, 135, 136, 138–140, 142, 178, 189, 195, 203, 213, 224
 Дучке, Осия Че 121
 Дучке-Клос, Гретхен 41, 121
 Дэн Пуфан 128
 Дэн Сяопин 128
- Зайфрид, Герхард 32
 Землер, Иойханнес 143
 Землер, Кристиан 24, 66, 109, 116, 118, 122, 133, 134, 143, 146
 Зинцхаймер, Хуго 150
 Зонтхаймер, Курт 151, 172, 205
- Иван Грозный 196
- Йегер, Герберт 15
 Йегер, Рихард 49–50
 Йонсон, Уве 122
- Кадрицке, Нильс 109
 Каль, Райнхард 144
 Карлмайкл, Стокли 180
 Карстенс, Карл 56, 107, 145
 Кастро, Фидель 109, 121, 125, 129
 Катценштейн, Арье 182
 Кенигс, Том 36
 Кенен, Герд 40
 Кеннеди, Джон 163, 164
 Керлен, Генрих 163
 Кизингер, Курт Георг 53, 56, 57, 58, 74, 78, 97, 103, 107, 141, 144, 145, 203, 214, 217, 218, 219, 220
 Кинг, Мартин Лютер 81
 Киссенджер, Генри 200
 Кландат, Карин 90
 Кларсфельд, Беата 144, 156, 218
 Клаузевиц, Карл фон 194
 Клинерт, Эрнст 172
 Кнабе, Хубертус 43
 Кнапп, Удо 71, 72, 142, 181, 205
 Кнеф, Хильдегард 87
 Колле, Освальт 15

- Коль, Хельмут 32, 33, 56, 57,
170, 203, 208, 221
Кон-Бендит, Габриэль 136
Кон-Бендит, Даниэль 36, 125,
136
Котовский, Георг 153, 158
Краусник, Хельмут 172
Краусхаар, Вольфганг 40, 178,
183
Кроков, Кристиан фон 16, 204,
205
Круассан, Клаус 160
Куби, Эрих 89
Кульбродт, Дитрих 170
Кун, Хельмут 55, 68, 212, 214
Кунцельман, Дитер 178, 182, 183
Куррас, Карл-Хайнц 48, 49
- Ламбсдорф, Отто 206
Лангханс, Райнер 67, 69, 91,
127, 144
Ленин, Владимир Ильич 109
Лафонтен, Оскар 33
Левитшарофф, Сибилла 15
Лебер, Георг 54, 98
Левенталь, Рихард 17, 41, 44,
48, 50, 62, 65, 95, 113, 114,
120, 126–127, 129, 149, 159,
169, 172, 200, 224
Леггеви, Отто 162
Ленш, Фридрих 171
Леонхарт, Фриц 172
Лефевр, Вольфганг 71, 116, 167
Ли, Чженьшэн 130
Либерман, Евсей 125
Либкнехт, Карл 153
Линке, Георг 42
Линь, Бяо 137
Ломар, Ульрих 201
Лох, Вальтер 99
Луман, Никлас 62, 206
Люббе, Герман 206
Люкке, Пауль 53
Люксембург, Роза 153
- Люэрс, Херберт 89
Лайзер, Эрвин 168
- Май, Гезела 89
Май, Карл 45
Майнхоф, Ульрика 14, 27, 30, 32,
64, 160, 175, 177, 202
Майхснер, Дитер 17
Малер, Хорст 79, 91, 119, 122,
141–142, 146, 159, 175
Мальро, Андре 103
Манголд, Гюнтер 72
Мао Цзедун 27, 45, 50, 60, 104,
109, 112, 125–133, 135, 136, 137,
- Марквард, Одо 16, 26
Маркс, Карл 50, 60, 61, 70, 75, 154
Маркузе, Герберт 16, 59, 61,
62–65, 69, 182
Марон, Ханна 182
Мартин, Людвиг 161
Маяковский, Владимир 28
Менде, Эрих 87
Меркель, Ангела 34
Митшерлих, Александр 20
Митшерлих, Маргарите 20
Монро, Мерилин 164
Мюллер-Плантенберг, Урс 116
- Негт, Оскар 50, 55
Нелле-Нойман, Элизабет 137
Никельс, Криста 203
- Онезорг, Бенно 30, 48, 50, 51, 79,
104, 110, 114–115, 117, 137, 167
- Пазолини, Пьер Паоло 143
Паль, Гюнтер 144
Паппен, Франц фон 201
Пинкаль, Лотар 116
Плетнер, Георг 191
Пол Пот 28, 134
Пресли, Элвис 164
Прессер, Инга 181

- Рабель, Бернд 24, 66, 67, 71,
109–110, 116, 122, 125, 134,
165
Раддац, Фриц 136, 137
Райх, Вильгельм 113
Райхе, Раймут 20, 21, 70–71
Райх-Раницкий, Марсель 184
Распе, Ян-Карл 67, 73
Раттнер, Йозеф 154
Ратцингер, Йозеф 204, 205
Рау, Йоханнес 206
Резе, Ханс-Йоахим 167
Рейган, Рональд 202
Риттер, Герхард 150
Рихман, Удо 71, 80
Рот, Клаудиа 13
Рунге, Бернда 213
Руфф, Зигфрид 173–174
Рюегг, Вальтер 200
- Салазар, Антонио де Оливьера
82
Северин, Хорст 144
Скур, Вернер 148
Сталин, Иосиф Виссарионович
208
- Тойфель, Фриц 21, 59, 75, 91, 120,
144
Триттин, Юрген 13
- Ульбрихт, Вальтер 85
Урбах, Петер 142
Уэстморленд, Уильям 83
- Фанон, Франц 112–113, 134
Фегелин, Эрик 149
Фест, Иоахим 30, 88, 126, 206
Фильбингер, Ханс 56, 94
Фихтер, Альберт 178
Фихтер, Тильман 17, 23, 38
Фишер, Йошка 13, 29, 33, 36, 39,
40, 181, 182, 213
Флехтхайм, Осип 111, 113, 150
- Фогель, Бернхард 206
Фогель, Ханс-Йохен 206
Фольмер, Антье 13, 33, 34–35, 36,
184
Франк, Ханс 119
Франко, Франциско 82
Фрейд, Анна 21
Фрейд, Зигмунд 70
Френкель, Эрнст 17, 44, 137,
148–153, 164, 173, 183
Фрингс, Клаус 78, 79
Фройденберг 17
Фрундсберг, Йорг фон 126
Функе, Лизелотте 15
Фурт, Петер 20
- Хабермас, Юрген 120, 122, 205,
206
Хагельберг, Карл-Ульрих 51, 52, 54
Хайдегер, Мартин 65
Хайзинг, Бернхард 206
Халед, Лейла 32
Хальштейн, Вальтер 97, 103, 219
Хафнер, Себастьян 137
Хам-Бюхер, Хильдегард 86
Хартунг, Клаус 35, 75
Хедрих, Рольф 17
Хек, Бруно 54
Хенкинс, Райнхард 172
Хеннис, Вильгельм 201
Херхель, Герман 95
Херцог, Роман 153, 213
Хильберг, Рауль 136
Хипплер, Фриц 193
Хирш, Эрнст Эдуард 17
Хо Ши Мин 27
Хоркхаймер, Макс 51, 54, 61, 62,
149, 166, 212, 214
Хорлеман, Юрген 173
Хубер, Клаус 106
Хубер, Людвиг 56
- Цеткин, Клара 35
Цибура, Гильберт 55, 107

- Че Гевара, Эрнесто 27, 32, 45, 70,
 109, 112, 121–122, 135, 136, 137,
 Чэнь И 131
- Ш**арф, Курт 172
 Шатц, др 107
 Шван, Александр 65, 151, 153,
 157, 172
 Швейцер, Альберт 163
 Швиджик, Вольфганг 41, 181, 182
 Шеель, Вальтер 15, 139, 223
 Шельски, Хельмут 214–215
 Шеффер, Беттина 216
 Шик, Ота 125
 Шикель, Иоахим 129, 132
 Шили, Отто 35, 160
 Шиллер, Карл 97
 Ширах, Бальдур фон 187, 189
 Шлейер, Ханс-Мартин 45
 Шмид, Карло 54, 58, 103, 146,
 200, 219
 Шмид, Томас 36, 38–39, 40,
 Шмидт, Хельмут 58, 60
 Шмирер, Ханс-Герхарт (Йоша)
 72
 Шмитт, Карл 27, 55
 Шмиц, Карл-Хайнц 90–91
 Шмиц, Лиза 34
 Шнайдер, Петер 17–19, 23, 116,
 117, 118, 120, 127
 Шойх, Эрвин 121, 185, 204, 208
 Шпеер, Альберт 96, 134
 Шпрингер, Аксель 77, 224
 Шпулер, Бертольд 89–90
 Шрек, Рюдигер 78
- Шредер, Хайнц 36
 Штаймле, Ойген 93
 Штайнбах, Эрика 42
 Штанцие, Рольф 117
 Штариц, Дитрих 116, 117
 Штерн, Мартин 177
 Штеффен, Моника (Мона) 72
 Штольтенберг, Герхард 54, 134
 Штоф, Вилли 97
 Штраус, Франц Йозеф 94, 97,
 167
 Штребеле, Ханс-Кристиан 160,
 184
 Штрекер, Райнхард 24, 173
 Штробель, Кете 86
 Штруве, Курт 171
 Шуберт, Курт 53
 Шютц, Клаус 54, 74, 120, 212
- Э**бан, Анна 183
 Эйнерн, Герт фон 148
 Эмке, Хорс 54
 Энслин, Гудрун 64, 160
 Энценсбергер, Ульрих 75
 Энценсбергер, Ханс Магнус 66,
 104, 109–110, 122, 131, 133, 137,
 140
 Эрхард, Людвиг 50, 95
 Эрнст, Вернер 52, 53, 67, 214
 Эсбах, Вольфганг 15–16
- Ю**н, Чжан 130
 Юнгер, Эрнст 27, 115
- Я**кобсен, Ханс-Адольф 172

ОБ АВТОРЕ

Гётц Али родился в 1947 г. в Гейдельберге, учился в школе в Леонберге (Швабия) и в Мюнхене. В 1967—1968 гг. окончил журналистскую школу в Мюнхене.

С декабря 1968 г. до конца 1971 г. изучал политологию и историю в Берлине и принимал активное участие в студенческом бунте.

В 1971 г. входил в редколлегию газеты *Hochschulkampf*, в 1972—1973 гг. — в организацию *Rote Hilfe* (Западный Берлин), в 1974—1976 гг. работал в управлении по делам молодежи района Берлин-Шпандау, позже, дважды по два года, в газете *Tageszeitung*.

С 1997 по 2001 г. вел страницу «читательских мнений» в газете *Berliner Zeitung*. Одновременно (и позже) написал несколько книг об истории национал-социализма.

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

ГЁТЦ АЛИ

НАША БОРЬБА

1968 год: оглядываясь с недоумением

Подписано в печать 21.04.2018. Формат 60х90/16
Объем 17 усл. п. л.

Издательство «Мысль»
тел. (495) 330-51-98

Райнер ХАНК

СЛЕВА, ГДЕ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ
Инвентаризация одной политической идеи

(М.: Мысль, 2018. 238 с.)

Что означает сегодня быть левым? До сих пор под понятием «левый» подразумевается «справедливый», «экологичный», «социальный». Каждый хочет быть таким, но каков он на самом деле? Райнер Ханк рассказывает свою собственную «левую» историю и «левую» историю своего поколения, сопоставляя ее с затишьем настоящего времени. При этом он проводит запоздалую инвентаризацию влиятельной политической идеи.

Как пишет автор в предисловии: «О чем эта книга? О том, на чем были основаны наши политические убеждения? Как мы оценивали их? Как возникла наша “левая” картина мира? Когда в ней появились первые трещины? И когда я стал либералом?»

Карл-Хайнц ПАКЕ

БАЛАНС

Экономический анализ проекта «Немецкое единство»

(М.: Мысль, 2018. 326 с.)

Автор анализирует промежуточные итоги проекта объединения Запада и Востока Германии, уделяя основное внимание его экономической стороне. Многие разочарованы достигнутыми результатами, а на Востоке страны зреет чувство обиды. Бюджетные средства продолжают перетекать с Запада на Восток, а люди продолжают переезжать с Востока на Запад, и до сих пор экономика Востока заметно отстает от экономики Запада. Действительно ли в программе возрождения Востока страны были совершены ужасные ошибки?

Автор пишет, что достигнутое не должно разочаровывать, поскольку поставленная задача оказалась экстремально сложной, а ожидания начала 1990-х годов — завышенными. Сорок лет социализма и изоляции от мирового рынка оставили глубокие следы в структуре экономики и для восстановления инновационного потенциала требуется время.